

МЕЖПАРАЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

часть I

2020

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРАЛАМЕНТАРИЗМА

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2020

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2021

УДК 328; 94(4)

ББК 67.400.6

Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук, профессора,
заведующего кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
Института истории и социальных наук РГПУ имени А. И. Герцена,
заместителя председателя научно-методического совета
Центра истории парламентаризма МПА СНГ
А. Б. Николаева

Рецензенты: Давыдов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Т 13 Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А. Б. Николаева. — СПб.: Астерион, 2021. — Ч. 1. — 208 с. — Текст : электронный. — Системные требования: PC ; Windows 98/NT/2000/XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-00188-067-7

ISBN 978-5-00188-068-4 (Часть 1)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2021

ISBN 978-5-00188-067-7

ISBN 978-5-00188-068-4 (Часть 1)

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЕВ А. Б. Предисловие	6
КОБИЦКИЙ Д. А. Приветственное слово участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2020» от Совета МПА СНГ	10

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

АРОНОВ Д. В. Проблема социального конструирования в либеральной общественно-политической мысли России конца XIX — начала XX вв.	12
НОВОСЕЛЬСКИЙ С. С. «Действительная опора правительства и орган единения престола с народом»: высшая бюрократия об учреждении законосовещательной Государственной думы в 1905 году	20
ГАЙДА Ф. А. Идея и практика парламентаризма в политике П. А. Столыпина.....	27
КИРЬЯНОВ И. К. Невербальные реакции в коммуникативных практиках первого созыва Государственной думы позднеимперской России.....	34
ВЛАСОВ Н. А. Отто фон Бисмарк о перспективах российского парламентаризма	42

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ДМИТРИЕВА Н. В. Выборы в I Государственную думу в Прибалтийских губерниях: специфика организации и проведения.....	48
ТАЛАЕВА А. А. Роль периодической печати в отражении выборов в Государственную думу Российской империи начала XX века на Дону...55	
ЛАВРИНОВИЧ Д. С. Борьба национальных групп на выборах в Государственную думу I–II созывов в Вильно	61

СОРОКИН А. А. Правое дворянство и проекты реформы избирательного законодательства накануне выборов во II Государственную думу.....	72
ТИМОХИНА Д. А. «Октябристы являются людьми, чуждыми взглядам и чувствам Москвы»: к истории дополнительных выборов в III Государственную думу по 2-й курии г. Москвы.....	81
ОМЕЛЬЯНЧУК И. В. Владимирские монархисты в четвертой думской избирательной кампании.....	91

ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЮРКОВСКИЙ Р. Я. Польская пресса о выступлении Романа Скирмунта по земельному вопросу в I Государственной думе 16 мая 1906 г.	99
БАХТУРИНА А. Ю. Польское коло и вопрос о национальной школе в Государственной думе в годы Первой русской революции	111
ДЁМИН В. А. Группа центра Государственного совета (1906–1911): состав и деятельность.....	119
ОРЧАКОВА Л. Г. Депутаты Государственной думы о месте и роли «учительства» и образования в Российском государстве (нач. XX в.)	127
СТОГОВ Д. И. Рассмотрение в Четвертой Государственной думе законопроектов, направленных на ограничение оборота алкогольной продукции (1914–1916 гг.).....	133
ЗЛАТИНА М. А. К вопросу об участии членов Государственной думы и Государственного совета в составлении, обсуждении и утверждении «Правил о ссудной помощи пострадавшему от войны населению» (осень 1915 — весна 1916 гг.).....	139
ЕВДОКИМОВ А. В. Взаимодействие главноуправляющего государственным здравоохранением Г.Е. Рейна с Государственной думой (по материалам ЧСК Временного правительства)	149
НИКОЛАЕВ А. Б. Временный комитет Государственной думы 20/21– 30 апреля 1917 года: хроника заседаний.....	153

ПАРЛАМЕНТСКАЯ БИОГРАФИКА

ИВАНКОВ Э. В. Депутаты Псковской губернии в Государственной думе III созыва: лица и судьбы	172
---	-----

МАРОВ М. Н. Два письма из архива РАН: к портрету секретаря комитета парламентской фракции партии народной свободы А. М. Колюбакина.....	179
МАЛЫШЕВА О. Г. А. И. Гучков — «излюбленный человек Москвы»: штрихи к портрету политика.....	185
ПЛЕНКИН О. И. Кирилл Черносвитов как думский оратор в оценках современников	193
ЕГОРОВ А. Н. Депутат III и IV Государственных дум В. Н. Львов и конфессиональная политика Временного правительства	201

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории
Института истории и социальных наук
РГПУ имени А. И. Герцена,
заместитель председателя НМС
Центра истории парламентаризма МПА СНГ,
Санкт-Петербург,
Россия;

Аннотация: В статье рассказывается о подготовке и ходе международной научной конференции «Таврические чтения», прошедшей 10–11 декабря 2020 г., а также дана краткая характеристика сборника «Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».

Ключевые слова: Центр истории парламентаризма МПА СНГ, «Таврические чтения».

10–11 декабря 2020 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге прошла четырнадцатая международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2020»). По итогам каждой из них выходят сборники научных статей, которые высоко оцениваются специалистами¹ и востребованы учеными. Так, в РИНЦе на 15 августа 2020 года выявлено 649 цитирований «Таврических чтений» за все время их издания (2008–2020).

Организатором «Таврических чтений 2020» выступил Центр истории парламентаризма МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма МПА СНГ Л. А. Крохина (председатель), доктор исторических наук, профессор, начальник отдела обеспечения модельного законотворчества в социально-гуманитарной сфере экспертно-аналитического управления Секретариата Совета МПА СНГ К. А. Пшенко (заместитель председателя), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена А. Б. Николаев (заместитель председателя), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН С. В. Куликов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН И. В. Лукоянов, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета И. В. Узлова.

¹ Бессолицын А. А. Рецензия на сборник: Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.): сб. науч. статей: в 2 ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2020. Ч. 1. 308 с. Ч. 2. 312 с. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2021. № 2 (42). С. 101–109.

Оргкомитет конференции провел ряд заседаний и встреч, связанных с ее подготовкой. 3 сентября 2020 г. оргкомитет на своем заседании принял решение провести конференцию 10 и 11 декабря 2020 года и разработал план подготовки конференции. Оргкомитет создал рабочую группу, в которую вошли сотрудники Центра истории парламентаризма: Т. В. Болдышева, Е. Ю. Никитина, Е. В. Пуминова.

Проект информационного письма был обсужден дистанционно. Подчеркнем, что организация конференции проходила в условиях пандемии COVID-19. Вместе с тем ее организаторы надеялись на проведение конференции в обычном формате. Это настроение нашло отражение в проекте информационного письма от 12 сентября 2020 г., в котором указывалось, что «возможно только очное участие в конференции». 2 октября 2020 г. информационное письмо было разослано традиционным участникам «Таврических чтений», а на сайте МПА СНГ выложена информация о конференции¹. 11 ноября 2020 оргкомитет был вынужден отказаться от очного формата проведения конференции. Оргкомитет рассмотрел и утвердил 53 заявки, поданные для участия в конференции. Кроме этого, был решен вопрос о руководителях/модераторах круглого стола, дискуссий и секций. В дальнейшем члены оргкомитета и рабочей группы приступили к составлению программы «Таврических чтений 2020». В программу конференции были включены 42 доклада, 2 дискуссии с 7 докладами, круглый стол и презентация двух изданий. Программа была выложена на сайте Центра истории парламентаризма².

«Таврические чтения» проходили 10 и 11 декабря 2020 года в формате видеоконференции (Zoom) в двух помещениях Таврического дворца — Читальном зале и зале № 9. В этих залах присутствовали несколько участников конференции, директор Центра истории парламентаризма Л. А. Крохина и члены рабочей группы оргкомитета.

«Таврические чтения 2020» начались 10 декабря с приветствия Генерального секретаря Совета МПА СНГ Д. А. Кобицкого. Затем состоялась дискуссия «„Учителя и ученики“: английский парламентаризм и Государственная дума Российской империи», модератором которой был доктор исторических наук, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета И. К. Кириянов. Это была самая

¹ Информация и конференции / Таврические чтения / Центр истории парламентаризма // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/tavricheskie_chtenia/conference_info/

² Программа конференции «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2020») / Таврические чтения / Центр истории парламентаризма // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/tavricheskie_chtenia/programm/

многочисленная дискуссия — четыре докладчика и восемь дискуссионтов. Участники дискуссии Д. В. Аронов, И. К. Кирьянов, Ф. А. Селезнев, К. А. Соловьев и С. И. Бугашев признали полезной и плодотворной идею объединения в рамках данной дискуссии специалистов по российской и всеобщей истории. Вслед за дискуссией прошел круглый стол «Жизнь и деятельность А. Н. Букейханова (к 150-летию со дня рождения)». Организаторы круглого стола рассчитывали привлечь к обсуждению жизни и деятельности Букейханова, прежде всего, казахских ученых. Но из трех казахских исследователей, подавших заявки, участвовал в круглом столе только один — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Казахстан З. Е. Кабульдинов¹. Модератор круглого стола доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета А. А. Иванов, подводя его итоги, поблагодарил «докладчиков за интересные сообщения, за то, что познакомили нас с личностью Алихана Букейханова!».

В этот же день прошли секционные заседания: «Из истории зарубежного парламентаризма» (руководители: С. И. Бугашев, С. В. Бочкарев), «Парламент Российской империи: состав и деятельность» (руководители: А. Б. Николаев, Д. И. Стогов), «Теория и практика парламентаризма» (руководители: Д. В. Аронов, В. В. Калашников).

Второй день «Таврических чтений 2020», 11 декабря, начался с дискуссии «Прогрессивный блок — „катализатор“ революции или „спасательный круг“ от нее?», модерировал которую доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета А. Н. Егоров. Дискуссия привлекла внимание историков: три докладчика и восемь дискуссионтов. Насколько можно понять, и докладчики, и дискуссионты не увидели в Прогрессивном блоке «спасательного круга» от революции.

В этот же день прошли презентация книг² участников «Таврических чтений» и секционные заседания «Развитие парламентаризма в государствах — участниках СНГ на современном этапе» (руководители: К. А. Пшенко, И. В. Узлова), «Парламентские выборы в Российской империи» (руководители: Д. С. Лавринович, А. А. Сорокин) и «Парламентская биографика» (руководители: А. Н. Егоров, О. Г. Малышева).

¹ По техническим причинам в круглом столе «Жизнь и деятельность А. Н. Букейханова (к 150-летию со дня рождения)» не приняли участие Н. О. Далутбеков, доктор юридических наук, профессор Карагандинского университета имени академика Е. А. Букетова и С. Х. Аккулулы, PhD, директор Научно-исследовательского института «Алаш» Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.

² Селезнев Ф. А., Евдокимов А. В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб., 2020; Шульгин В. В. «Белые мысли». Публицистика 1917–1920 гг. / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Чемакин. М., 2020.

Итоги «Таврических чтений 2020» были подведены на заключительном заседании. Модераторы дискуссий и руководители секций дали высокую оценку прошедшей конференции и высказали слова благодарности в адрес ее организаторов. Вместе с тем они выразили надежду, что «Таврические чтения 2021» пройдут в обычном формате.

Информация о прошедшей конференции была размещена на Интернет-сайтах Центра истории парламентаризма МПА СНГ¹ и некоторых вузов, преподаватели которых в ней участвовали².

Всего в конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы и 9 других городов России, а также исследователи из Беларуси, Казахстана и Польши. Авторы докладов, прочитанных на конференции, переработали их в статьи, которые и публикуются в сборнике «Таврические чтения 2020», выходящем в электронном виде.

Надеемся, что и этот сборник «Таврических чтений» будет востребован специалистами, занимающимися изучением парламентаризма.

18 августа 2021 г.

¹ Ежегодная научная конференция «Таврические чтения» / Центр истории парламентаризма // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/tavricheskie_chtenia/

² См., напр.: «Таврические чтения — 2020» / Новости / Кафедра ИКГП // СПбГУТУ «ЛЭТИ» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://etu.ru/ru/fakultety/gumanitarnyy-fakultet/sostav-fakulteta/kafedra-istorii-kultury-gosudarstva-i-prava/novosti/tavricheskie-cheniya-2021>

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 2020» ОТ СОВЕТА МПА СНГ

КОБИЦКИЙ ДМИТРИЙ АРКАДЬЕВИЧ,
Генеральный секретарь Совета
Межпарламентской Ассамблеи государств — участников
Содружества Независимых Государств,
руководитель Секретариата МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kanz@iacis.ru

Аннотация: Приветственное слово Генерального секретаря Совета МПА СНГ Д. А. Кобицкого к участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2020».

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, Таврический дворец, МПА СНГ, Центр истории парламентаризма, «Таврические чтения».

Добрый день, уважаемые участники «Таврических чтений»!

От имени Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ приветствую вас из Таврического дворца, где более ста лет назад работала Государственная дума Российской империи, а после образования Содружества Независимых Государств разместилась штаб-квартира Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Это по-своему символично, поскольку все страны Содружества являются наследниками тех традиций парламентаризма, которые были заложены здесь, в Таврическом дворце, в начале XX века.

За годы работы наша организация стала авторитетной международной структурой, которая ставит своей целью организацию взаимодействия парламентариев, содействие в формировании и сближении национальных законодательств, развитие демократических процессов в государствах Содружества. Принимаемые Межпарламентской Ассамблеей СНГ модельные законодательные акты соответствуют международным правовым демократическим стандартам, адаптированным к специфике Содружества. В этих исторических стенах Таврического дворца за почти три десятилетия Ассамблеей рассмотрено и принято около шестисот таких документов. Ещё одно важное направление работы Межпарламентской Ассамблеи — это конгрессы, форумы, конференции и самые разнообразные гуманитарные проекты. Эта деятельность нужна нам в первую очередь для того, чтобы находить новые актуальные темы для обсуждения и сотрудничества.

Межпарламентская Ассамблея ежегодно проводит данную международную научную конференцию, и это, конечно же, не только дань уважения истории: знание, анализ опыта первых Государственных дум сегодня помогают нам в решении актуальных задач. «Таврические чтения» стали нашей доброй традицией, которую мы намерены поддерживать и развивать.

Хочу поблагодарить организаторов конференции, всех, кто в сегодняшних непростых условиях нашел возможность принять в ней участие, а это ученые из России, Беларуси, Казахстана и Польши. Рад, что география участников Таврических чтений постоянно расширяется. Уверен, что «Таврические чтения 2020 года» как всегда станут площадкой для активного обмена информацией, интересных встреч и ярких дискуссий, на этот раз в дистанционном режиме. Материалы конференции, безусловно, будут востребованы не только политиками, специалистами, преподавателями, студентами, но и всеми, кто любит историю. При этом любые предложения и идеи по дальнейшему развитию конференции будут внимательно рассмотрены действующим уже четырнадцать лет в рамках Межпарламентской Ассамблеи Центром истории парламентаризма и его Научно-методическим советом, объединяющим ведущих учёных в этой области знаний. Желаю всем новых научных, творческих и профессиональных достижений.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.

АРОНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Юридического института
Орловского государственного университета
имени И. С. Тургенева, Орел, Россия;
e-mail: aronovdv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается отражение константы мирного социального конструирования в политико-правовой мысли российского либерализма конца XIX — начала XX вв. На основе результатов проведенного анализа делается вывод о тяготении отечественной либеральной теории к поиску ненасильственных вариантов социальных преобразований. Предлагается дополнить либеральный «символ веры» данной составляющей либеральной идеологии в качестве третьего элемента наряду с институтами неприкосновенности частной собственности и прав человека.

Ключевые слова: российский либерализм, «либеральный символ веры», социальное конструирование, ненасильственные методы социальных преобразований.

Обращение к динамике понимания сущности российского либерализма начала XX в., начиная практически с периода его существования в политической системе Российской империи и вплоть до настоящего времени, когда он, во многом, стал скорее достоянием истории, показывает, что существует устойчивая тенденция к ряду крайностей в его восприятии. Либеральные политические силы и они же, ввиду той же узости социальной базы либерализма в России, носители либеральной идеологии, либо обличаются как виновники краха российской государственности, как приверженцы радикальных методов социальных преобразований, либо им приписывается изначальный отказ от применения силы в практике государственного управления марта-октября 1917 г., а, соответственно,

неспособность дать адекватный ответ на вызовы времени, каковыми стали события октября 1917 г.

Если говорить о первой, несколько упрощенно сформулированной нами позиции в оценке либеральной идеологии, как правило, ее оппонентами с правого фланга, то ее корни, особенно применительно к постреволюционным десятилетиям, достаточно очевидны. Крах российской государственности, потеря прежнего статуса целыми социальными группами, трагедия революционного террора и Гражданской войны, вынужденная эмиграция и иные обстоятельства этого ряда имманентно вели к поиску тех, кто мог быть назначен на должность виновника этого Апокалипсиса. Смена исторической власти институтами Временного комитета Государственной думы и Временного правительства, в завершающий период пребывания которого у власти произошли события, кардинально изменившие историю страны, как нельзя лучше выдвигали именно их на роль виновных в этой трагической странице истории России.

Однако весьма интересно и то обстоятельство, что и в наши дни подобная позиция также весьма распространена, причем, не только у не критически воспринимающих «святое наследие предков» сторонников различных течений отечественного консерватизма и радикализма. Здесь подобные идеи выполняют вполне прагматичную (с точки зрения теории политической партии) роль, обозначая достаточно четко как политическую идентификацию из носителей, так и одновременно освящая (осеняя?) ее отсылкой к историческому прошлому, что делает как саму идею, так и ее идеологическое оформление значительно солиднее и основательнее. По сути здесь работает хорошо известный прием — «ссылка на авторитет», либо использование чужого мощного тренда, выполняющего роль своего рода буксира для малых политических течений. Однако не вполне понятно, как после практически векового, считая советский период, изучения данной проблематики, в т. ч. и фактологической стороны событий февраля–марта 1917 г., могут встречаться варианты подобных взглядов в рамках серьезных научных обсуждений на признанных ведущими в этой сфере дискуссионных научных площадках.

Если для экономики времени и площади излагать данную проблему максимально схематично, то мы получаем явное логическое противоречие, которое сторонники обозначенной выше позиции таинственным образом просто не замечают. Речь идет о том, что на протяжении всего предреволюционного периода российские либеральные политические силы¹ характеризуются как более чем узкий круг носителей либеральной идеологии, опирающийся на часть городского образованного класса и даже в период избирательных кампаний не способный мобилизовать

¹ Проблематику принадлежности к либералам «Союза 17 октября», ввиду позиции по национальному вопросу и, даже, конституционных демократов, ввиду их позиции по вопросу о возможности отчуждения частновладельческих земель, предлагается оставить в рамках иной дискуссии за пределами настоящей статьи.

в рамках своих партийных организаций более нескольких десятков тысяч человек¹. Однако потом, без каких бы то ни было видимых причин, небольшая группа вчерашних оппозиционеров оказывается всесильной структурой, которая едва ли не одним мановением руки сокрушает тысячелетнее могучее дерево российской государственности. Соответственно ситуация напоминает известный анекдот, когда эмигрировавший в Израиль еврей был замечен в чтении антисемитской прессы. На вопрос о том, что бы это могло значить, он ответил в том духе, что в местной прессе ему встречаются статьи о непрофессиональном правительстве, чиновниках-коррупционерах, развале экономики, дефиците бюджета и т. п. И в то же время в антисемитской прессе пишут о том, что он входит в число тайных властителей мира, контролирующих глобальную финансовую систему, свергающих и назначающих правительства, манипулирующих результатами войн и т. п.

Соответственно перед началом дискуссии неплохо было бы разобраться в действительном месте и роли российского либерализма и его политических институтов в дореволюционном российском обществе и обстоятельствах, которые вывели его на авансцену российской истории в феврале — марте 1917 г. Тем более, что к настоящему времени профессиональному историку доступны вышедшие в свет фундаментальные и прорывные труды по данной проблематике².

Второй крайностью в оценке российского либерализма выступает утверждение о его некоем всепоглощающем пацифизме и просто не представляемой степени толерантности. Этот тезис также внутренне противоречив, т. к. если либеральные силы начала 1917 г. оказались способными в мгновение ока сокрушить тысячелетнюю историческую власть, то что же помешало им буквально два месяца спустя действовать тем же образом, но уже против своих оппонентов слева?

Соответственно, полагаем, что здесь требуется еще достаточно долгий дискурс, предполагающий снятие хотя бы наиболее явных исторических мифологем, облегчающих жизнь ряду категорий исследователей, но выполняющих явно негативную роль в построении общей картины событий той бурной и противоречивой эпохи. Необходим априорный отказ от оценочных суждений, выводимых не из строгой фактологии событий, а из методологических принципов исследований. Последние, будучи несомненно значимыми и необходимыми в случае применения не как методологической конструкции, а как оценочного критерия, дают мнимое объяснение действительности. В качестве примера приведем

¹ Иначе говоря, в терминах теории партии М. Я. Острогорского, существовавших большую часть своей истории в формате т. н. «кокуса», однако не оказывающего реального влияния на ситуацию в общественном настроении населения.

² См. подробно: Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017; *его же*. Политическая система в России в марте — октябре 1917 г.: основные черты и этапы истории // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Leiden, Boston, 2019. Vol. 12. P. 97–146.

небольшой эпизод из дискурса «Таврических чтений» 2017 г., когда речь шла о том, какой тип государства сформировался в России после февральско-мартовских событий 1917 г.¹ Убежденные адепты легизма следовали известной фактологии, в рамках которой А. Ф. Керенский декларирует Россию как республику 1 сентября 1917 г. В логике легизма, опирающейся на понимание права как приказа государства, все верно. За одним малым исключением в части ответа на вопрос о том, какой государственный строй был в России с 3 марта по 1 сентября. Вряд ли кто-то возьмется утверждать, что строй был монархический, следовательно он был республиканским. Что же касается декларации 1 сентября², то это лишь текущий политический акт, который никак не может оказать влияние на типологию государственного устройства, вроде известного указа принцессы из сказки «Двенадцать месяцев» о наступлении весны.

Строго говоря, схожая ситуация связана с партией конституционных демократов или партией народной свободы. В силу известного неприятия и ее, и либеральной идеологии власть предержащими она не была зарегистрирована в качестве политической партии, однако никто на этом основании посредством методологии легизма не пытается доказать, что кадетов в политико-правовом пространстве России не было, т. к. партия не имела официальной регистрации. И это правильно и логично, т. к. партия была, о чем писали еще в 1906 г. отечественные правоведы³, также как и была республика после отречения Михаила Александровича.

Соответственно, обращаясь к материалам, свидетельствующим о приверженности теории и политической практики российского либерализма тому или иному типу социальных преобразований (социального конструирования / проектирования), вполне логично изучение соответствующих источников. Среди последних, несмотря на известное желание соорудить нечто вроде новых «протоколов сионских мудрецов», поиски материалов, свидетельствующих о тайном либеральном заговоре с целью свержения самодержавия и т. п., тщетны и обречены на бесконечность уже ввиду отсутствия таковых. Последнее вполне подтверждается как анализом либерального теоретического наследия, так и опубликованными материалами заседаний органов коллегиального руководства либеральными партийными организациями.

¹ Аронов Д. В. Природа государственного строя России в марте — сентябре 1917 г. // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, СПб., Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г. Сб. научных статей. В 2 ч. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. I. С. 214–219.

² От Временного правительства [Обращение Временного правительства к гражданам России с объявлением России республикой] 1 сентября 1917 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О. И. Чистяков. С. 129.

³ См. подробн: Аронов Д. В. Природа государственного строя России в марте — сентябре 1917 г. С. 214–219; Аронов Д. В., Кошелева С. В. Типология государственной власти в России в феврале — октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13–17 и др.

Весьма продуктивным при обсуждении идеи о приверженности либерализма ненасильственному социальному проектированию как третьему компоненту либерального «символа веры» был аргумент, высказанный в ходе одной из секционных дискуссий на «Таврических чтениях 2019»¹. Сущность его сводилась к тому, что и в XVIII в. либералы поддерживали право народа на восстание, и в России начала XX в. левое крыло кадетов — ряд его представителей, рассчитывали использовать революционную активность масс для достижения своих политических целей. Действительно, эти явления, несомненно, имели место, и их бытие как объективную историческую реальность, вряд ли можно аргументированно отрицать. Что же касается надежд на использование революционной стихии для решения конкретных политических задач, то здесь следует говорить о каждом конкретном случае. Если же пытаться как-то все-таки типологизировать данный аспект проблемы, то несколько афористично можно сформулировать следующее определение: «Отдельные либералы допускали ошибки, либерализм в целом оказался прав».

Полагаем, что для понимания той ситуации, в которой оказались российские либералы в марте 1917 г., целесообразно вновь обратиться к их теоретическому наследию² и проанализировать его именно с позиции отражения в нем базовых подходов к возможным и допустимым способам преобразования социальной действительности.

Собственно, известные рамки пределам методологии общественно-го конструирования поставил уже основоположник классического направления в российском либерализме Б. Н. Чичерин, который в своей классической работе сформулировал такой вид либерализма, как «охранительный либерализм». Фактически до предела довел ограничения на приемлемые для либерализма средства социальных преобразований С. А. Муромцев, полагавший неприемлемой не только революцию, но и даже сколь-нибудь масштабную социальную реформу. По его мнению, даже кардинальная, избыточно масштабная реформа социального устройства может иметь для общества негативные последствия, способные в своих крайних вариантах перекрыть результаты усовершенствования системы управления социумом. «Резкие перевороты и крупные перевороты, — писал он, — оживляют, но также и потрясают общественный организм. От государственной власти зависит доверить суду постоянное и постепенное проведение в жизнь справедливости»³.

¹ См.: Аронов Д. В. Парламентаризм как способ реализации константы мирного социального конструирования в российской национальной модели либерализма // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2020. Ч. 1. С. 215, 218.

² Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. М., 2010.

³ Миллюков П. Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 10.

За ограниченностью объема статьи позволим себе далее обратиться к наследию С. И. Гессена как представителя не только либеральной мысли как таковой, но в части и организационных, и личных связей близкого к социал-демократам плехановского толка, т. е. заведомо не принадлежащего к правому консервативному крылу российского либерализма.

Не входя в подробности биографии С. И. Гессена, имеющей весьма солидную историографию, остановимся на ряде мест из его произведений, где он, как мы полагаем, ведет речь именно о методологии как социального проектирования, так и социального конструирования. Особенно интересны те его работы, где он проводит анализ сближения различных идеологических течений, а именно: либерализма и социализма. Так, применительно к выявленной им эволюции свободы личности от феномена, обеспеченного произволом государства, к явлению, основанному на идеях равенства и братства и обретающему «правовой облик», он прямо указывает и на возможность учета этой тенденции в деятельности государственного механизма. При этом, весьма и символично, и симптоматично то обстоятельство, что начинает он с задач законодательного органа власти, именно того органа, в борьбе за который и видели либералы многих стран и поколений свою главную задачу. «Соответственно с этим, — пишет он, — перед законодательной властью государства встают все более и более широкие задачи. Сначала они исчерпываются организацией правого суда, имеющего целью охранять и проводить в жизнь законы; законодательная власть обеспечивает этим свое собственное функционирование. Затем, по мере того как начало произвола постепенно изгоняется из отдельных свобод, и свобода личности осуществляется в жизни в своем все более и более чистом виде, законодательная власть ставит себе задачи просветительского общественно-хозяйственного рода»¹.

В этой достаточно длинной цитате, которую мы себе позволили ввиду комплексности и целостности заложенной в нее и интересующей нас идеи, если реконструировать в формализованном виде стадийность преобразований, мы видим, по сути, один из вариантов реализации либеральной модели реформирования социально-политического строя страны посредством широкомасштабной правовой реформы. Собственно с этим российский либерализм и шел в I Государственную думу, имея на руках достаточно проработанный пакет законопроектов, призванных обеспечить реализацию в России института основных прав и свобод человека².

Первый шаг — получение контроля над законодательной властью. Второй шаг — масштабная правовая реформа, обеспечивающая правовые начала свободы личности. Третий шаг — просвещение общества. Здесь речь идет о том, что на практике социального управления

¹ Гессен С. И. Политическая свобода и социализм // Гессен С. И. Избранное. М., 2010. С. 556–557.

² См. подробн.: Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе. 1906–1917 гг. М., 2005.

либерализм столкнулся с тем, что идея общей воли, по сути, потерпела крах ввиду трудности ее определения, а также склонности широких масс поддаваться влиянию различных деструктивных в отношении свободы личности влияний.

Еще одной работой, в которой Гессен, по сути, поставил, а как мы полагаем, и во многом ответил на вопрос об имманентной приверженности либерализма к ненасильственным методам социального конструирования, выступает, на наш взгляд, «Обоснование правового социализма» (глава VI, раздел первый)¹, где он задается вопросом «...разрешает ли новый либерализм выдвигаемую современным строем проблему, и, следовательно, *может ли эта последняя быть разрешена правовыми средствами в пределах реформированного правового государства* (курсив наш — Д.А.)»². Далее он отмечает, что «...вопрос этот в сущности не подвергался обстоятельному и вдумчивому исследованию»³.

Гессен поставил, по сути, проблему, которая, если сформулировать ее с использованием терминологии теории управления, будет звучать так: возможно ли преобразование современного государственного строя посредством широкомасштабной правовой реформы, т. е. посредством изначально ненасильственных (правовых) методов социального конструирования. Иначе говоря, возможна ли с их помощью реализация либеральной модели реформирования социально-политической системы страны как результат либерального социального проектирования.

Отвечая критикам нового либерализма, С. И. Гессен возражает на ставшее уже тогда стандартным и успешно дожившее до наших дней обвинение либерализма как политического течения, чьи усилия направлены к «попытке укрепить современный общественный строй частичными, у социализма заимствованными уступками»⁴. По его мнению, «он (новый либерализм — Д.А.), несомненно не укрепляет, а существенно изменяет существующий порядок», сохраняя при этом сущность либерального «символа веры», который у Гессена обозначен термином «правоверный либерализм».

Соответственно, как мы полагаем, есть основания говорить о том, что в трудах С. И. Гессена рассматривались, хотя и не как основной предмет научного поиска, присущие либеральной идеологии и политико-правовой практике методы социального проектирования и социального конструирования. В частности, это было сделано при рассмотрении им столь значимой как для понимания политической практики либерализма начала XX в., так и его теоретических разработок проблемы, как его конвергенция с иными политико-правовыми (социалистическими) учениями и политическими практиками.

¹ См.: Гессен С. И. Обоснование правового социализма // Гессен С. И. Избранное. М., 2010. С. 43–394.

² Там же. С. 94.

³ Там же.

⁴ Там же.

Представляется необходимым также теоретический поиск ответа на вопрос о совместимости либеральной практики как таковой с силовыми методами социальных преобразований, а в теории — с социальным проектированием, опирающимся на насилие. От этих институтов следует отличать практику госуправления, о чем писал еще Б. Н. Чичерин: «Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции»¹.

Проведенный в рамках предложенной исследовательской гипотезы о трехкомпонентном «либеральном символе веры» анализ теоретического наследия российского либерализма, его партийно-политической практики показывает, что ему не было присуще тяготение к силовым сценариям и практикам общественных преобразований. Данный вывод не отрицает известных эпизодов, связанных с надеждами конкретных либеральных политиков использовать радикальные политические силы в борьбе с исторической властью. Однако как и мировоззрению, так и идеологии либерализма имманентно не присуще стремление к насильственным социальным преобразованиям как в теории, так и на практике.

Соответственно целесообразно дополнение двухкомпонентного либерального «символа веры» третьим сущностным признаком — неприятием насильственных методов социального проектирования.

¹ Чичерин Б. Н. Различные виды либерализма // Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 201.

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ОПОРА ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОРГАН ЕДИНЕНИЯ ПРЕСТОЛА С НАРОДОМ»: ВЫСШАЯ БЮРОКРАТИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ЗАКОНОСОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В 1905 году

НОВОСЕЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории и теории исторической науки
Исторического факультета
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: novoselsky.rggu@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена оценкам идеи законосовещательной Государственной думы и перспектив ее учреждения в России в 1905 г. Особое внимание уделено трансформации настроений представителей высшей бюрократии в период обсуждения проекта Булыгинской думы, издания Манифеста 6 августа 1905 г. и последующих месяцев, пока надежды на его реализацию еще сохранялись. В статье показано, что законосовещательная Дума воспринималась сановниками как инструмент реального, а не декларативного ограничения власти монарха.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, высшая бюрократия, Булыгинская дума, народное представительство, общественно-политическая мысль.

Зарождение российского парламента и его так и не состоявшегося предшественника — Булыгинской думы — продолжает оставаться актуальной проблемой в современной отечественной историографии¹. Традиционно внимание историков в первую очередь привлекают сюжеты, связанные с разработкой и утверждением проекта Булыгинской думы². Сама же Дума по умолчанию расценивается как полумера, робкая правительственная

¹ См., напр.: *Лукоянов И. В.* Сановники и реформы в 1905 г.: от 9 января к актам 18 февраля // *Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.- корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014)* / Отв. ред. М. А. Воскресенская, А. С. Крымская, Е. В. Петров. М., 2017. С. 314–336.

² См.: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 122–191; *Костылев А. В.* На раннем этапе разработки думского избирательного законодательства в законосовещательную Думу (весна — лето 1905 г.) // *Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г. Сборник научных статей* / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 85–93; *Демин В. А.* Государственная дума vs. Земский собор (сравнительный анализ проектов С. В. Крыжановского и В. И. Гурко) // *Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Тав-*

уступка обществу, попытка ввести его в заблуждение созданием народного представительства, лишённого власти. Вопрос о том, как сановники воспринимали будущую Думу, какую роль в системе государственного управления отводили Булыгинской думе ее авторы, позволяет взглянуть на проблему иначе. «Обманутой» оказывается уже не общественность, а император.

После провала в декабре 1904 г. проекта реформы Государственного совета, инициатором которой выступал П. Д. Святополк-Мирский, отношение к идее создания народного представительства в Петербурге стало меняться. По замыслу многих сановников оно должно было стать новым структурным элементом политической системы, а не дополнением к одному из уже существовавших. Проекты преобразования Государственного совета или созыва Земского собора отходили на второй план. Все большей популярностью в правительственных кругах пользовалась идея создания Государственной Думы.

В немалой степени этому способствовали события 9 января 1905 г. Вскоре после Кровавого воскресенья А. С. Ермолов утверждал, что представительный орган мог бы стать площадкой для объединения проправительственных общественных сил¹. Угроза новых беспорядков вынуждала сановников действовать решительно².

«Легко согласившись» на созыв законосовещательной Думы уже 11 февраля 1905 г.,³ Николай II настаивал на сословном характере будущего представительства⁴. Принципиальная позиция императора нашла отражение в двух проектах рескрипта на имя А. Г. Булыгина, составленных Э. Ю. Нольде и А. А. Будбергом, причем в тексте последнего сословный принцип подчеркивался особо⁵. Его автор также выдвинул предложения по организации выборов. Они должны были пройти в местностях, где имелись дворянские или земские учреждения. Предполагалось, что каждая губерния делегирует в Думу по три депутата (от дворянства, сельских обществ и прочих городских и уездных владельцев)⁶.

В первой половине 1905 г. многие сановники настаивали на формировании народного представительства на основе земств. С подобными предложениями выступали, в частности, А. Н. Куломзин⁷ и главный

рический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 1. С. 58–65.

¹ См.: Проект манифеста о событиях 9 января // Красный Архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 29.

² См.: Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 407.

³ См.: [Витте С. Ю.] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания / Публ. и примеч. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, С. В. Куликов, С. К. Лебедев, И. В. Лукоянов. СПб., 2003. Т. 1. Рассказы и стенографические записи. Кн. 2. С. 684.

⁴ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. ЛЛ. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 33 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 42–42 об.

⁷ Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 132. ЛЛ. 9–11.

«архитектор» Булыгинской думы С. Е. Крыжановский¹. Реализовать эту идею не удалось. Решающую роль сыграло противодействие А. Г. Булыгина. В отличие от некоторых своих помощников, министр внутренних дел не был сторонником радикальных реформ. Свою задачу он видел в точном исполнении указаний императора (т. е. в создании народного представительства). Изменения в системе государственного управления, которые бы неминуемо последовали за организацией выборов в Думу на основе земских учреждений, А. Г. Булыгин считал «делом будущих поколений»².

Умеренно-консервативная общественность высказывалась за сословный и национальный принципы организации представительства. По мнению президента Московского общества сельского хозяйства, а в недалеком будущем — одного из организаторов и первого председателя «Союза русских людей» А. Г. Щербатова, депутаты должны были происходить «исключительно из местных, населенных коренным русским населением»³. Грузины, прибалты, поляки и финны были более консолидированы и имели больше возможностей для того, чтобы отстаивать свои политические интересы, «нежели русское население, разбросанное на громадных пространствах, часто вперемешку с населением иноплеменным», — утверждал А. Г. Щербатов⁴. Выборы в Думу должны были проходить по сословиям⁵, по одному представителю от каждого из которых делегировали бы в Петербург все губернии Российской империи⁶. А вот земства, по мнению А. Г. Щербатова, на роль избирательных единиц не подходили. Во-первых, выборы в земства осуществлялись под контролем местной администрации, а значит формирование их состава не являлось результатом свободного волеизъявления. Во-вторых, компетенция земств — местные хозяйственные вопросы — явно не отвечала задачам будущего представительства⁷.

Идею о строго национальном характере Государственной думы полностью разделял директор Московского главного архива иностранных дел П. Б. Мансуров. В записке-ответе на проект А. Г. Щербатова он подчеркивал, что депутаты-инородцы стали бы непременно отстаивать в Думе свои национальные интересы. В то же время опыт введения представительства в национальных окраинах империи (Польше и Финляндии),

¹ См.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (далее — ПЦР) / Ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. V. С. 380.

² Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Подгот. текста и коммент. Н. П. Соколова. М., 2000. С. 684.

³ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 2. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ К их числу А. Г. Щербатов относил дворянство, духовенство, «торговое сословие», крестьянство, мещанство и казачество.

⁶ Там же. ЛЛ. 14–15.

⁷ Там же. ЛЛ. 16–17.

по словам П. Б. Мансурова, давал «еще большие основания для выделения, по крайней мере на первых порах, вопроса о представительстве коренного населения»¹.

Уравновесить либерально настроенных депутатов П. Б. Мансуров предлагал путем широкого привлечения крестьянства к участию в выборах². Эту идею поддерживали и в столичных консервативных кругах. Члены «Отечественного союза» призывали сформировать первую палату представителей, депутаты которой обсуждали бы «основные вопросы государственной жизни», преимущественно из крестьян³.

Идее сделать ставку в Думе на казалось бы наиболее консервативную часть населения сочувствовала и императорская чета⁴. Разработчики Булыгинской думы выступали категорически против. И дело было отнюдь не в опасениях, что «мужики» попадут под влияние революционеров. Гораздо важнее другое: крестьяне были абсолютно не готовы к государственной службе. Их корпоративные интересы были весьма ограничены⁵, а подавляющее большинство крестьян вовсе не владело грамотой и оказалось бы не в «состоянии понять не только содержавшихся в законопроекте правил, но даже заголовка его»⁶. Еще в апреле 1905 г., в самый разгар обсуждения проекта народного представительства, А. Г. Булыгин категорично заявлял, что «крестьян он ни за что не допустит»⁷.

Судьба будущих депутатов-крестьян решилась довольно курьезно. В ходе Петергофских совещаний между участниками разгорелся спор о том, может ли депутат быть неграмотным. Слово взял историк Н. М. Павлов. В своем выступлении он апеллировал к житию святого, не владевшего грамотой. Императору этот аргумент показался убедительным, и он утвердил возможность избрания в Думу лиц, не умевших читать и писать, «на первое, по крайней мере, время»⁸.

Однако по замыслу разработчиков Булыгинской думы правительству следовало сделать в ней ставку не на «бродячих мещан и крестьян», а также «адвокатов и докторов, лишь номинально приписанных к такой-то губернии», а на представителей «оседлых» сословий — дворянства и купечества⁹. Важно подчеркнуть, что хотя в ходе выборов в Думу и предполагалась известная сословная дифференциация, но все же эти выборы, по убеждению авторов проекта, не должны были быть строго сословными. В противном случае, при существовавшем в России количественном

¹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 2. Л. 54.

² Там же. Л. 55 об.

³ См.: Гурко В. И. Указ. соч. С. 734.

⁴ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 519. Л. 3 об.; [Bumme С. Ю.] Указ. соч. Т. 2. С. 113.

⁵ См.: ПЦР. Т. V. С. 390.

⁶ Гурко В. И. Указ. соч. С. 683.

⁷ Богданович А. В. Три самодержца. Дневники генералыши Богданович. М., 2008. С. 270.

⁸ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг., 1917. С. 158.

⁹ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 73 об.

соотношении между дворянами и крестьянами¹ на одного депутата-дворянина приходилось бы 80 представителей крестьянства². Национальный принцип организации выборов также не встречал у сановников сочувствия. На Петергофских совещаниях Д. Ф. Трепов настойчиво советовал царю не препятствовать участию евреев в выборах³.

Разработчики проекта Булыгинской думы не считали, что законосовещательный характер представительства превратит его в сугубо номинальный орган власти. 24 мая 1905 г. работниками Особого совещания под председательством А. Г. Булыгина была подготовлена «Историческая справка» по вопросу созыва народных представителей в России. По мнению ее составителей, учреждение законодательного представительства не соответствовало традиционному укладу политической жизни России уже потому, что на Западе парламентаризм пришел на смену феодализму, когда возникла необходимость установления взаимоотношений между государством и обществом на новых, «правовых» основаниях. Однако «на Руси никогда не было феодализма, всегда существовало доверие и единение царя с народом», выраженное в периодических созывах законосовещательных Земских соборов. Следовательно, задачей было не заключение между царем и народом «конституционного договора», а усовершенствование «правительственного механизма <...> в духе развития исконных русских начал»⁴.

Рассуждения сановников были созвучны логике одного из идеологов славянофильства К. С. Аксакова, впервые употребившего в 1840-х гг. термин «Земский собор». Согласно концепции К. С. Аксакова, приняв решение о созыве Собора, царь уже не мог пойти против его воли, ведь тем самым он нарушил бы свое предназначение — служить интересам «земли» (народа). Следовательно, правопреемница Земских соборов Булыгинская дума ограничивала власть монарха в гораздо большей степени, нежели парламент. Являясь, в первую очередь, ограничением нравственным, оно было для государя строже любых правовых норм.

Схожую мысль отстаивал в своем докладе Николаю II Д. М. Сольский. По его утверждению, Российская империя не нуждалась в заключении между монархом и народом специального договора, который отстаивал бы интересы подданных, поскольку они и без того были тождественны интересам государя. Созыв Думы являлся актом доброй воли императора и выражал его стремление удовлетворить пожелания общества. Отныне царь будет иметь возможность узнавать о потребностях народа напрямую, причем из уст наиболее достойных его представителей. Это, однако,

¹ По подсчетам составителей всеподданнейшей записки А. Г. Булыгина о Государственной думе, «на 96 миллионов лиц сельского состояния в империи насчитывается лишь 1 200 000 потомственных дворян (включая и всех дослужившихся)» (Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. Вып. 1. С. 26–27).

² Там же. С. 27.

³ См.: Петергофские совещания о проекте Государственной думы. С. 122.

⁴ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 73.

накладывало на Николая II дополнительную ответственность. По словам Д. М. Сольского, «его несогласие с мнением Думы не будет уже иметь оправдания в недостаточной осведомленности законосовещательных учреждений об истинных потребностях населения»¹. Так в 1905 г. славянофильская теория наполнялась практическим содержанием: открытое противодействие монарха народным представителям считалось уже не только идеологически неверным, но и политически недальновидным шагом.

К 27 июля 1905 г. было подготовлено три проекта Манифеста об учреждении Государственной думы. Один из них был составлен Н. С. Таганцевым. Автор проводил параллели между Думой и Земскими соборами XVI–XVII вв., а также властными экспериментами в области народного представительства (в частности, Уложенной комиссией Екатерины II). Историческая преемственность выборных начал в России утверждалась Н. С. Таганцевым и на примере института губернских и уездных предводителей дворянства². Подобная глубина исторических аналогий не нашла отражения в итоговой редакции Манифеста, однако идея законодательной преемственности, а не чрезвычайности решения императора о созыве Думы (посредством упоминания Манифеста 26 февраля 1903 г.) в нем все же просматривалась³.

Манифест 6 августа 1905 г. был с одобрением встречен сановниками, которые наделяли проект Булыгинской думы рабочим, а не декларативным содержанием. П. П. Дурново называл его «великим законодательным актом»⁴. Э. Ю. Нольде выражал надежду на то, что представители общественности охотно включатся в созидательную государственную работу наравне с правительством⁵. Даже последовательный сторонник созыва Земского собора А. А. Киреев был убежден, что посредством Думы удастся заменить «неудачных бюрократов деятелями удачными», примкнувшими к оппозиции во многом потому, что ранее они не имели никаких шансов легально прийти во власть. С учреждением Государственной думы общественным деятелям предоставлялась такая возможность⁶.

По мере приближения выборов в Думу сановники все меньше уповали на силу консолидирующего эффекта, который произведет в обществе ее созыв. Напротив, сомнений в том, что Государственная дума будет настроена крайне оппозиционно, практически не оставалось. 24 сентября 1905 г. Д. Ф. Трепов призывал царя приступить к формированию «твердо сплоченной консервативной партии порядка», которая получила бы большинство голосов избирателей. Залог ее успеха виделся Д. Ф. Трепову в разработке и придании широкой огласке правительственной программы

¹ РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 112. Л. 5.

² См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 43.

³ Там же. С. 39.

⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1431. Л. 58.

⁵ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 396. ЛЛ. 1 об. — 2.

⁶ См.: [Киреев А. А.] А. А. Киреев. Дневник. 1905–1910 / Сост. К. А. Соловьев. М., 2010. С. 77.

реформ, которую члены партии могли бы противопоставить оппозиции в ходе обсуждений различных законопроектов в Думе¹. Не менее важная задача состояла в том, чтобы сделать новый орган власти максимально легитимным в глазах общественного мнения. Для этого выборы в Думу должны были быть произведены без какого бы то ни было вмешательства со стороны администрации².

Только в этом случае Государственная дума могла стать инструментом правительственной политики. Но законосовещательный характер будущего представительства не достигал этой цели, поскольку порождал конфликт между облеченными властью чиновниками и формально лишенными ее депутатами. И хотя создатели Булыгинской думы расценивали ее как орган действительного, а не мнимого народного представительства, ее проект уже не отвечал вызовам времени. Осенью 1905 г. в Петербурге полагали, что наделенную более широкими правами Думу правительству будет проще контролировать, даже если создание механизмов этого контроля потребует от власти беспрецедентных реформ.

Проект Булыгинской думы изначально воспринимался представителями высшей бюрократии как новаторский. Они рассматривали Думу как инструмент квалифицированной общественной экспертизы верховной власти. Такая Дума не могла строиться на сословных или национальных основаниях. Она должна была стать реальным противовесом единоличной власти монарха. Чтобы убедить Николая II пойти на этот шаг, сановникам приходилось тщательно взвешивать аргументы. Их поиск привел авторов Булыгинской думы к давнему тезису славянофилов о том, что только народное представительство делало монархию в России легитимной. Законосовещательная Дума казалась удачным компромиссом между стремлением бюрократии и общества к реформам и инертностью самодержавия. Отказ от ее созыва был обусловлен не революцией в сознании чиновников, а политической целесообразностью.

¹ См.: Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства / Сост., ред. и предисл. А. П. Ненарокова, П. Ю. Савельева (отв. ред.), А. А. Чернобаева. М., 2017. С. 18–19.

² РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 177.

ИДЕЯ И ПРАКТИКА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПОЛИТИКЕ П. А. СТОЛЫПИНА

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
доцент исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова;

Москва, Россия;
профессор-консультант БФУ имени И. Канта,
Калининград, Россия;
e-mail.ru: fyodorgayda@gmail.com

Аннотация: В докладе освещены взгляды председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина на законодательную власть, а также практика его взаимодействия с парламентом. В историографической традиции существуют противоположные точки зрения по этому вопросу. Рассмотрены вопросы создания третьеиюньской системы, отношений премьера с октябристами и националистами. Автор приходит к выводу о том, что Столыпин рассматривал введение в России парламента как историческую закономерность и не видел в этом разрыва с историческим прошлым. Парламент, по мнению премьера, должен был укрепить российский государственный строй, способствовать повышению его эффективности, а также предотвращению революционной угрозы. Постепенно Столыпин также пришел к выводу, что Дума должна выступать инструментом реализации правительственной идеологии; в результате началось формирование системы двух проправительственных партий (октябристов и националистов).

Ключевые слова: П. А. Столыпин, Совет министров Российской империи, Государственная дума, Николай II, октябристы, националисты, А. И. Гучков.

Имя П. А. Столыпина связывается как с контрреволюционной реакцией в ходе и после Первой русской революции 1905–1907 гг., так и с реформами межреволюционного периода. Принципиально важной составной частью этих процессов стали третьеиюньский переворот, смена избирательного закона, а также деятельность III Государственной думы. В этой связи имели большое значение взгляды премьера на законодательную власть и практика его взаимодействия с парламентом. В историографии на сей счет существуют точки зрения почти диаметрально противоположные. А. Я. Аврех, солидаризируясь с ленинской публицистикой, полагал, что Дума являлась для Столыпина лишь прикрытием третьеиюньской диктатуры¹. Близкого взгляда придерживался и В. С. Дякин, приходивший к выводу, что Государственная дума после 3 июня противопоставлялась Столыпиным и его окружением традиции западного парламентаризма². Однако,

¹ Аврех А. Я. Царизм и Третьеиюньская система. М., 1966. С. 21, 151.

² Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 33–37.

по мнению А. П. Бородина, развитие парламентской культуры было одной из основных задач премьера¹.

Отличительной особенностью политики П. А. Столыпина можно назвать ее прагматизм. Возможно, тут сказывалось естественно-научное образование премьера (он окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета), чем он отличался от большинства государственных деятелей — юристов. Кроме того, политические мотивы для главы правительства всегда были важнее бюрократических. Когда журналист задал Столыпину вопрос о том, почему в правительстве представлены только чиновники, а не представители общественности, премьер возмущается: «Как в кабинете нет общественных деятелей? Да сам-то я кто же такой? Тот факт, что я губернаторствовал короткое время, еще не делает из меня бюрократа. В петербургском чиновном мире я чужой человек, у меня тут нет ни прошлого, ни служебных, ни придворных связей. Я себя считаю чисто общественным деятелем: проживал больше в имении и был рядовым предводителем дворянства»².

Создание парламентского строя для Столыпина было шагом естественным и верным, это не рассматривалось как разрыв с историческим прошлым. В одном из выступлений в Думе премьер утверждал: «Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценным достоянием русской государственности, так единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды <...> Строй, в котором мы живем, — это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных»³. Таким образом, парламент должен выступать не как революционный орган, а как учреждение, укрепляющее государственную власть. В период II Думы Столыпин попытался пойти на политическую сделку с кадетской партией, предложив ей официальную регистрацию в обмен на публичное осуждение революционного терроризма. Тем самым кадеты перестали бы, по мнению Столыпина, революционизировать народ с думской кафедры⁴ и превратились в системную оппозицию. Партийные лидеры (П. Н. Милюков, И. И. Петрункевич) на сделку не пошли⁵, а премьер склонился к идее изменения избирательного закона. Государственный

¹ Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 70–73.

² Беседа П. А. Столыпина с П. А. Тверским // П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 493.

³ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К. Ф. Шаццillo, сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. М., 1991. С. 102–103. Речь. 1907. 16 ноября.

⁴ П. А. Столыпин — Николаю II, 9 апреля 1907 г. // П. А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 29.

⁵ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 281–282.

контролер П. Х. Шванебах в этой связи отмечал «думофильство» премьера и приходил к выводу: «Меня коробила та бесцеремонность, с которою всякие Челноковы, Струве и Гессены вызывали Столыпина к телефону, и мне все более и более представлялось, что нужен будет какой-нибудь из ряда вон выходящий скандал, дабы его вынудить расклевещиться с Думою»¹.

Третьеиюньский переворот был инициирован и осуществлен Столыпиным для сохранения парламентского строя и в интересах умеренно-либеральных сил — партии октябристов. Подготовленный премьером манифест 3 июня 1907 г. гласил: «К прискорбию Нашему, значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий Наших. <...> Посему оставляя в силе все дарованные подданным нашим манифестом 17 октября 1905 г. и Основными законами права, восприями Мы решение изменить лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную думу, дабы каждая часть народа имела в ней своих избранников. <...> Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов. Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена Нам власть царская над народом Нашим. Перед престолом Его Мы дадим ответ за судьбы державы Российской. В сознании этом черпаем Мы твердую решимость довести до конца начатое Нами дело преобразования России и даруем ей новый избирательный закон, обнародовать который повелеваем Правительствующему сенату. От верных же подданных Наших Мы ждем единодушного и бодрого, по указанному нами пути, служения родине, сыны которой во все времена являлись твердым оплотом ее крепости, величия и славы»². Иными словами, идея суверенитета монарха сочеталась с идеей парламента. Подобный строй был парламентским, но не парламентарным.

5 июля 1911 г. редактор консервативных «Московских ведомостей» Л. А. Тихомиров написал премьеру письмо, в котором пытался склонить Столыпина к изменению политического строя: «Идет последний раздел земного шара. Мир ходит на вулкане международной борьбы за существование. А внутри обществ (вследствие классового характера государств, утративших единящую силу монархии) развилась язва социализма, вечно грозящая потрясениями и переворотами. При таких-то условиях мы отбросили важнейшее свое преимущество перед другими народами — возможность Верховного примирения враждующих,

¹ Шванебах П. Х. Записки сановника // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 130.

² Манифест «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу», 3 июня 1907 г. // ПСЗ-3. Т. XXVII. СПб., 1910. С. 319–320. № 29240.

обуздания эксплуатации, умирения бунтующих грозным мечом диктатуры. Но такой [третьеиюньский — *Ф.Г.*] строй не может держаться. Он и сам рассыпается, потому что бессилён, не авторитетен, не развивает действия, порождает борьбу, которой не в силах сдержать. Жить он не может, но он может вместе с собой погубить Россию». 9 июля Столыпин сделал пометку на полученном письме: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»¹. По поводу перспектив третьеиюньской системы сам премьер вскоре после этого писал: «Война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию... Главное это то, что с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны»².

Законодательный парламент, по мнению главы правительства, обеспечивал верховной власти прочную взаимосвязь с образованной общественностью. По свидетельству октябриста Н. П. Шубинского, при общении с представителями этой партии премьер своим государственным идеалом называл представительную монархию, считая при этом, что выразителем воли всей страны является монарх, а Дума — «только выразитель части народа, созревшего для политической жизни». Ей, по утверждению премьера, еще только предстояло своими делами показать свою важность: «Сначала насадим, а там будущее покажет, суждено ли возрасти русскому народному представительству, подняться до высоты или расползтись вширь, а то и вовсе не найти почвы для своей жизни!»³. Однако, стремясь к созданию проправительственного большинства, премьер все же рассчитывал на возможность Думы в той или иной степени контролировать государственные финансы и администрацию⁴. 16 ноября 1907 г. при открытии III Думы Столыпин заявил: «При наличии Государственной думы задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на образование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной»⁵.

¹ Тихомиров Л. А. Христианство и политика. Калуга, 2002. С. 348–351, 359–366.

² П. А. Столыпин — А. П. Извольскому, 28 июля 1911 г. // П. А. Столыпин. Переписка. С. 425–426.

³ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 407–408.

⁴ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. С. 43.

⁵ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия... С. 99.

Таким образом, октябристы (точнее, их думская фракция), ставшие благодаря усилиям Столыпина относительным парламентским большинством, превращались в принципиально важный элемент третьеиюньской системы. Именно парламентская деятельность воспринималась партией как основное направление работы. Благодаря октябристскому центру работа III Думы оказалась наиболее эффективной. Были проведены аграрные законопроекты (об аграрной реформе, о землеустройстве, о ссудах переселенцам), законопроекты о рабочем страховании, о местном суде, о биржевых съездах, о западном земстве, о создании Холмской губернии, о порядке издания законов в Финляндии, вероисповедные законопроекты (о переходе в иные вероисповедания, о старообрядцах). Инициатором большинства законопроектов, поддержанных октябристами, было правительство.

Но даже III Дума по отношению к правительству полностью лояльной не была. Даже проправительственные октябристы серьезно критиковали ведомства (в первую очередь, военное, морское, православного исповедания), однако, по мнению историков, при сильном премьере это скорее усиливало правительство, сплачивало министров вокруг Столыпина¹. Премьер, в свою очередь, предпринимал значительные усилия для проведения своей линии в Думе: вел закулисные переговоры с центром и правыми, устраивал для депутатов неофициальные приемы («чашки чаю»)². Столыпин прекрасно понимал значение подобной деятельности: «С политическими деятелями правее кадет я веду дело лично, конечно, могу на них влиять тысячью путей, но делаю это лично. Это не всегда легко — партию не закроешь, как газету!» [подчеркнуто автором — Ф.Г.]³.

В 1909–1910 гг. амбиции октябристской партийной верхушки (в первую очередь А. И. Гучкова), стремление к самостоятельности по отношению к правительству значительно выросли, что потребовало от премьера поиска новых форм взаимодействия с парламентом. От опоры на определенную партию Столыпин перешел к более активной тактике: парламент должен был превратиться в инструмент реализации собственно правительственной идеологии. В результате начался переход к системе двух конкурирующих проправительственных партий (октябристов и националистов), посредником между которыми выступал премьер.

Партию русских националистов (Всероссийский национальный союз) Столыпин считал «своим созданием»⁴. Председатель партии

¹ Флоринский М. Ф. Кабинет П. А. Столыпина и проблема единства государственного управления в 1906–1911 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 1993. Сер. 2. Вып. 2. С. 38.

² Тимашев С. И. Кабинет Столыпина: из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6. С. 117–122.

³ П. А. Столыпин — А. П. Извольскому, 1 июля 1910 г. // П. А. Столыпин. Переписка. С. 369.

⁴ Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 42.

С. В. Рухлов был назначен в правительство министром путей сообщения. В октябре 1909 г. думская национальная группа объединилась с умеренно-правыми (П. Н. Балашов) во фракцию русских националистов (вторая по численности после октябристов), в январе 1910 г. была создана единая партийная структура. Важно отметить, что по своему составу новая проправительственная фракция была демократичнее октябристов (в период I сессии дворяне в октябристской фракции составляли 58 %, крестьяне — 10, у умеренно-правых и националистов в совокупности — 40 и 28)¹.

Для сохранения тесных контактов с октябристами Столыпин в марте 1910 г. инициировал избрание Гучкова председателем Думы². Отношения с премьером действительно укрепились: общение Гучкова со Столыпиным в этот период стало максимально плотным, до нескольких писем и телефонных звонков в день³. Кроме того, лидер октябристов получил возможность регулярно иметь аудиенцию у императора⁴. Первоначально между Николаем II и Гучковым установились доверительные отношения⁵, однако это продлилось недолго. После того, как в печати со слов председателя Думы появилась конфиденциальная информация о берлинском свидании царя с кайзером, всякое доверие пропало, монарх был оскорблен поведением Гучкова⁶. Отставка с председательского поста в такой ситуации стала лишь делом времени. На рубеже 1910–1911 гг. началось быстрое нарастание оппозиционных настроений октябристов⁷.

Государственный совет в рамках третьиононьской системы рассматривался как противовес Думе и опора Совета министров с случае возможных конфликтов между палатой и правительством. Когда Государственный совет в 1909 г. по вопросу о законопроекте о штатах Морского генерального штаба выступил одновременно против премьера и Думы, Столыпин закономерно подал в отставку⁸. Однако она не была принята. Повторно глава правительства подал в отставку после провала в Совете законопроекта о западном земстве. Кризис закончился

¹ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. С. 49–311.

² П. А. Столыпин — А. И. Гучкову, 4 марта 1910 г. // П. А. Столыпин. Переписка. С. 359.

³ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биограф. словарь и коммент. Б. М. Виттенберга. М., 2001. С. 80.

⁴ В период III сессии Гучков имел 1 личный доклад, IV сессии — 2 (Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3-го созыва. 1907–1912. СПб., 1912. С. 64).

⁵ РГИА. Ф. 669 (Клюжев И. С.). Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 66–67.

⁶ Савич Н. В. Воспоминания / Общ. ред. и вст. ст. Н. Н. Рутыча; Биографич. справоч. А. В. Терещука. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 80–82.

⁷ Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 82–93.

⁸ Дякин В. С. Указ. соч. С. 134–137.

3-дневной приостановкой парламентской сессии и принудительным отпуском для лидеров правой оппозиции премьеру — П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова. Примечательно, что попытки Гучкова организовать активный протест против мер Столыпина в октябристской фракции поддержки не нашли, она сохранила условную лояльность, что выразилось в избрании на пост думского председателя давнего знакомого премьера — М. В. Родзянко¹.

Таким образом, П. А. Столыпин рассматривал введение в России парламента как историческую закономерность. Премьер не видел в этом разрыва с историческим прошлым, отмечая сохранение самодержавного строя, при котором государственный суверенитет воплощался в фигуре монарха. Парламент должен был укрепить государственную систему, способствовать повышению эффективности ее функционирования и предотвращению революционной угрозы. Постепенно Столыпин также пришел к выводу, что Дума должна выступать инструментом реализации правительственной идеологии.

¹ Гайда Ф. А. Указ. соч. С. 112–114.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ ПЕРВОГО СОЗЫВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

КИРЬЯНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры
междисциплинарных исторических исследований
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: ikiryanov@yandex.ru

Аннотация: Предметом исследования стали невербальные реакции (аплодисменты, смех и т. п.) на парламентские выступления в первом созыве Государственной думы позднеимперской России. Проведенный анализ позволил выделить два этапа в эволюции коммуникативных практик депутатов в ходе пленарных заседаний. Если на первом этапе невербальные реакции были связаны с проявлением общности народных представителей, то на втором они чаще отражали фракционную идентичность депутатов. Невербальные реакции явились значимыми элементами таких стратегий парламентской коммуникации, как стратегия дискредитации и стратегия напористости.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, I Государственная дума, парламентские коммуникативные практики, невербальные реакции.

В коммуникативных стратегиях участников парламентских дебатов важную роль играют эмоциональные реакции зала на персону и текст выступающего, облекаемые как в вербальную форму (например, реплики), так и невербальную — аплодисменты, смех и т. п. Вербальные реакции активно исследуются специалистами в области политической лингвистики¹, включая и проявления речевой агрессии в первом созыве Государственной думы позднеимперской России². В свою очередь

¹ См., напр.: Thimm C. Strategisches Handeln im politischen Konflikt: Frauen und Männer im kommunalen Parlament // Sprache im Konflikt. Berlin, New York, 1995. S. 72–92; Табурова С. К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев (на материале парламентских дебатов в ФРГ) // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 84–92; Белова В. Ф., Зюбина И. А., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 53–60; Крячкова А. П. Агрессивное речевое поведение германских парламентариев в бундестаге ФРГ // Когнитивные исследования языка. 2020. № 1 (40). С. 151–163.

² Громыко С. А. «Дума народного гнева» (О речевой агрессии в I Государственной думе) // Русская речь. 2006. № 6. С. 88–93; Громыко С. А. Речевая агрессия в российском парламенте: «шторм власти» в Государственной думе 1906 года

невербальные реакции крайне редко становятся отдельным предметом анализа. Так, едва ли не единственный кейс специального исследования аплодисментов в зале общих заседаний Таврического дворца связан с выявлением универсальных ценностей в политическом дискурсе, реакция на упоминание которых выражалась рукоплесканиями «всеобщего одобрения» в Думе III и IV (предвоенные сессии) созывов¹.

Предметом проведенного исследования, базировавшегося на стенографических отчетах с использованием возможностей интернет-портала «Парламентская история поздней имперской России»², стали невербальные сигналы обратной связи на выступления с думской трибуны в период с 27 апреля по 8 июля 1906 г. За рамками анализа осталась символика таких невербальных практик парламентской коммуникации, как зрительный контакт, мимика, жест, поза и одежда, не фиксировавшиеся стенографистками. Между тем, в истории первого думского созыва имела место и «дуэль на галстуках» двух стилистых депутатов — кадета В. Д. Набокова и трудовика А. Ф. Аладьина.

Всего в стенографических отчетах заседаний Государственной думы первого созыва зафиксировано 1012 эпизодов проявления невербальных реакций на выступления с думской трибуны, в том числе аплодисменты — 831 случай, шум — 98, смех — 58, шиканье — 10, иное (крик, свист, ропот, говор, волнение) — 15.

Варианты фиксации аплодисментов в стенографических отчетах: *аплодисменты; оживленные; дружные; продолжительные; долго несмолкающие; шумные; громкие; громкие и продолжительные; бурные продолжительные; бурные, долго несмолкающие; продолжительные бурные; оглушительные; гром аплодисментов; несмолкаемый гром аплодисментов; взрыв аплодисментов; бурный взрыв аплодисментов; овация*. По масштабу вовлеченности депутатов в выражение данной формы обратной связи стенографисты оперировали следующими категориями аплодисментов: *редкие; на некоторых скамьях; на польских скамьях; на верхних скамьях (или на «горé», где размещались депутаты-крестьяне — и беспартийные, и члены трудовой группы); справа; левой; трудовой группы; слева; в центре (центра), слева и в центре; центра и правой; всей Думы*. Варианты фиксации шума: *шум; шум в зале; усиленный шум; страшный шум; шум слева*.

и в современной Государственной Думе // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы. М., 2006. Ч. 2. С. 37–41.

¹ Сметанин А. В. «Рукоплескания в центре, слева и справа»: универсальные ценности российских политических сил в начале XX в. // Власть. 2014. № 12. С. 101–104.

² См.: Корниенко С. И. Научно-образовательный интернет-портал по парламентской истории поздней имперской России // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сборник научных статей / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2012. С. 214–222.

Варианты фиксации смеха: *смех; общий; хохот*. Варианты фиксации шиканья: *легкое; шиканье; слева; справа; на многих скамьях*. Варианты фиксации иных невербальных реакций: *крик; свист; волнение; говор; общий говор; ропот слева* (последние три варианта рассматриваются в качестве шумовых эффектов).

Аплодисменты явились первой невербальной формой реакции депутатского корпуса. Уже в ходе короткого заседания 27 апреля 1906 г. депутаты 9 раз подобным образом отреагировали на происходившее в зале общих собраний. Обращает на себя внимание то, что перводумцы не встретили рукоплесканиями объявление статс-секретаря Э. В. Фриша первого заседания открытым, что было сродни молчаливой реакции депутатов на тронную речь Николая II в Зимнем дворце. Впервые продолжительными аплодисментами они отреагировали на сообщение о том, что за выдвижение кандидатуры С. А. Муромцева на пост думского председателя было подано 426 записок. «Гром аплодисментов» раздался в зале при занятии С. А. Муромцевым председательского места. Дважды «громом аплодисментов» была прервана «инаугурационная» речь С. А. Муромцева, когда он упомянул о «прерогативах конституционного Монарха» и о Думе как народном представительстве¹. Подобная реакция, согласно рассказу самого думского председателя в изложении В. А. Маклакова, была связана с тем, что С. А. Муромцеву из «сфер» «дали понять, что было бы желательно, чтобы от иностранного слова „конституция“ он воздержался. Это было бы такой же уступкой нерасположению Государя к этому слову, какую сделал Государь, когда для удовлетворения Думы он не произнес слово „самодержавие“, хотя прежнее вето с него было снято; депутаты уже согласились без оговорки подписать обещание с Самодержавием. Но ввиду такого намека свыше Муромцев из-за самостоятельности решил непременно слово „конституция“ произнести. Гром аплодисментов приветствовал именно это. <...> Аплодисменты были за эпитет „конституционный“»². Продолжительными аплодисментами (трижды) и единожды их громом было встречено выступление И. И. Петрункевича об амнистии. Единственный раз в истории первого созыва было встречено аплодисментами объявление председательствующего о закрытии заседания, все же оно было первым в парламентской истории России³.

Сами депутаты неоднократно подчеркивали значение невербальных эмоциональных реакций в политической коммуникации. Так, П. А. Гейден, обстоятельствами вынужденный стать лидером «правого» меньшинства, обратил внимание на роль аплодисментов для сложившегося в Думе большинства: «После только что раздавшихся рукоплесканий моя задача весьма неблагоприятна. Я говорю против мнения большинства, но меня это

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. СПб., 1906 (в дальнейшем — Стенографические отчеты). Ч. I. С. 3.

² Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 73.

³ Стенографические отчеты. Ч. I. С. 2, 3.

нисколько не пугает, хотя я прекрасно знаю, что большинство не будет со мною согласно. Мне остается поэтому выбрать — молчать или говорить. Я буду говорить...»¹. Он вновь вернется к этому замечанию 5 июня: «На мою долю часто выпадает весьма неблагодарная роль входить на эту кафедру после громких аплодисментов предшествующему оратору и ему возражать; но, тем не менее, я буду возражать»². Аналогичное ощущение от рукоплесканий думского большинства выразил и министр финансов В. Н. Коковцов: «Задача, конечно, неблагодарная — выходить на кафедру под гром аплодисментов, раздающихся в ответ на предложение выходить в отставку»³. Впрочем, в 30-м заседании кадет М. М. Винавер, оппонируя замечанию социал-демократов И. И. Рамишвили («Один из ораторов, профессор Шершеневич, зашел так далеко, что говорит: бесполезно их присутствие, т.е. социал-демократической фракции, в этой Думе. Это было бы мнением одного человека, если бы этому с центра и правой не аплодировали. Этими аплодисментами сказали, что излишне наше присутствие. <...> Насчет аплодисментов я сказал бы, что немного осторожнее нужно рукоплескать, немного осторожнее, а то за стенами народ слышит, кому рукоплещут, кого поддерживают») и Н. Н. Жордани о политизированном значении аплодисментов в Думе, снисходительно заявил, что, по его мнению, «мы слишком много рассуждаем об аплодисментах»⁴. Со своей стороны, лидер трудовиков А. Ф. Аладьин полагал аплодисменты в зале заседаний равными (если не более того) произнесенным с думской трибуны словам: «Без слов, одними аплодисментами, мы выразили, что нас одушевляет только одна надежда, что мы думаем, что к нам пойдут навстречу; что стоит нам, представителям России, выразить свои желания, и их удовлетворят. Но кто-то где-то стал между нами, и эхо наших аплодисментов не дошло туда, куда мы его направляли. Мы перешли в третью стадию: если аплодисменты, если слова не доносятся из этого зала туда, куда мы хотим, — может быть, наше требование, написанное черным по белому, дойдет туда, куда следует»⁵.

В нескольких случаях на невербальные реакции депутатов отреагировал первый думский председатель С. А. Муромцев. Например, В. А. Оболенскому вспоминался «такой маленький эпизод: однажды после принятия подавляющим большинством одного из законопроектов с депутатских скамей раздалась шумные аплодисменты. Муромцев окинул нас презрительным взглядом и, позвонив в колокольчик, холодно заявил: „Государственная дума не нуждается в одобрении своих постановлений“. И все были сконфужены, поняв, что аплодируют самим себе»⁶.

¹ Там же. С. 69. П. А. Гейден оппонирует предложению Ф. И. Родичева немедленно приступить к обсуждению проекта ответного адреса, только-только выработанного думской комиссией.

² Стенографические отчеты. Ч. II. С. 1010.

³ Там же. С. 1656.

⁴ Там же. С. 1524, 1532.

⁵ Там же. Ч. I. С. 427.

⁶ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 352.

В заседании 3 мая выступление М. А. Стаховича вызвало «шиканье на многих скамьях», на что С. А. Муромцев отреагировал замечанием, встреченным аплодисментами: «Находится ли в согласии с добрыми парламентскими обычаями со стороны членов Думы выражение знаков неодобрения — ведь это протест против свободы слова — я понимаю знаки одобрения...»¹. Это же замечание он повторил в накаленной обстановке 38-го — последнего — заседания первого созыва: «Господа, мы прошлый раз уже условились, чтобы этот зал был залом свободы мнений. Высказывание разных мнений только гарантирует серьезный характер предстоящих решений, и вследствие этого всякие порицания, произносимые по адресу ораторов, в этом зале не уместны. Господа, будем же сохранять наш хороший договор, как следует»². А из-за шума, устроенного депутатами в заседании 8 июня, С. А. Муромцев объявил часовой перерыв, дабы успокоить разбушевавшиеся в собрании страсти³.

Несколько раз он был вынужден прийти на помощь правительственным чиновникам. Так, 22 июня С. А. Муромцев, наперекор шуму в зале и прерывая из-за него выступление министра внутренних дел П. А. Столыпина, обратился к депутатам: «Господа, не согласимся ли мы раз навсегда, что личные пререкания и оскорбительные выражения ниже достоинства Государственной думы? (*шумные аплодисменты центра и правой*). Я продолжу свою мысль. Старый строй, власть которого во всем исходила сверху, приучил к тому, что люди, стоящие у власти, часто считали себя вправе наносить подчиненным оскорбления вместо того, чтобы ограничиться спокойным и авторитетным указанием на неправомерности их поступков. Неужели же мы, представители русского народа, заняв положение в качестве органа государственной власти, будем подражать старым носителям власти»⁴. В другой раз, когда товарищу министра внутренних дел В. И. Гурко, выступавшему с ответом на запросы, пришлось из-за усилившегося шума воскликнуть: «Где же свобода слова?», С. А. Муромцев попытался урезонить депутатов следующими словами: «Запросы Государственной думой сделаны, очевидно, для того, чтобы получить на них ответ. Чтобы судить о содержании ответа, надо его выслушать. При этом обращаю ваше внимание, что оратор в настоящее время отвечает не на запрос отдельного члена Государственной думы, воля которого выслушать или нет, но отвечает на запрос Государственной думы, как таковой, ибо так запрос поставлен в самом законе. Оратор в настоящее время желает быть выслушанным в ответ на запрос Государственной думы»⁵.

Принципиальное влияние на характер и интенсивность невербальных реакций оказало изменение принципа размещения депутатов в зале

¹ Стенографические отчеты. Ч. I. С. 154–155.

² Там же. Ч. II. С. 1965–1966.

³ Там же. С. 1141.

⁴ Там же. С. 1575.

⁵ Там же. С. 1918.

общих собраний — с географического (по избирательным округам) на фракционный. По воспоминаниям первоудмца В. А. Оболенского, накануне императорского приема депутаты «ходили в Таврический дворец занимать себе места. Партии еще не совсем дифференцировались, а потому мы разместились по губерниям. Только штабы партий выделились особо: октябристы с графом Гейденом во главе заняли крайне правые сиденья, кадетские лидеры поместились на передних креслах в центре и слева, социал-демократы сразу отвоевали себе несколько мест на крайней левой, а лидеры только что образовавшейся Трудовой группы сели сзади, вверху амфитеатра, очевидно из подражания монтаньярам»¹.

15–16 мая думской канцелярией было проведено анкетирование депутатов, в ходе которого они должны были собственноручно определить свою фракционную принадлежность. Повторное анкетирование состоялось 1 июня, и тогда вопрос о партийной / групповой принадлежности был связан именно с организацией размещения депутатов в зале по фракциям². Таким образом, только с начала июня 1906 г. отметки думских стенографисток — «слева», «в центре», «справа» — обрели определенное указание на то или иное политическое направление.

Рубежным в обретении невербальными реакциями отчетливого лево-правого измерения оказалось 21-е заседание, состоявшееся 5 июня и посвященное обсуждению кадетского проекта по аграрному вопросу. Скорее всего именно тогда депутаты впервые по-новому разместились в зале общих собраний, благо, у думской канцелярии для организации «переселения» оказалось в распоряжении два свободных от общих заседаний дня. Именно 5 июня групповая принадлежность невербальных реакций указана в стенограмме заседания четырежды, что на тот момент стало рекордным показателем. Если в первые двадцать заседаний доля зафиксированных «партийных» аплодисментов составила всего 0,9 % (4 из 423), то после перехода на фракционное размещение она возросла до 12,5 % (51 из 408). Если шум в зале в качестве реакции на выступление депутата, являвшегося политическим оппонентом, фиксировался в первые двадцать заседаний 20 раз, то в последующие восемнадцать заседаний — уже 46 раз (соответственно 30,3 и 69,7 %). Если смеховая реакция зала в ходе выступлений с думской трибуны в первые двадцать заседаний фиксировалась 19 раз, то в последующем — уже 39 раз, и дело было вовсе не во возросшем чувстве юмора. Таким образом, анализ всего комплекса невербальных реакций позволяет выделить два этапа в эволюции парламентских коммуникативных практик периода деятельности Государственной думы первого созыва.

¹ Оболенский В. А. Указ соч. С. 336.

² См.: Бородин Н. А. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906. С. 11, 36–37. В. А. Оболенский полагал, что переход от «земляческого» принципа размещения к «парламентскому» произошел через две недели после начала работы Думы, т. е. в середине мая. Свидетельство Н. А. Бородина представляется более корректным, оформленным по «горячим следам», а не через несколько десятилетий, как у В. А. Оболенского.

Первое время невербальные реакции были связаны с проявлением общности народных представителей, собравшихся в Таврическом дворце. Аплодисменты, как правило, выражали благодарность (например, в ответ на приветствия в адрес Государственной думы) или одобрение, поддержку, солидарность по отношению к сказанному / продемонстрированному, даже если это адресовалось оппоненту, в частности, П. А. Гейдену («громом аплодисментов» было встречено его заявление по поводу декларации правительства: «Когда я шел в Государственную думу, я полагал, что нам будет дана возможность мирно и благотворно вести работу, и что мы встретим в правительстве, полное сочувствие на этом мирном пути. Но, к сожалению, сегодняшняя декларация министерства убедила меня в совершенно противном»¹); смех — реакцию на шутку или что-то ситуационно смешное (первый случай смеха в зале общих собраний был зафиксирован стенографистками 2 мая в ответ на иронию М. М. Ковалевского по поводу возможных разъяснений депутатов о том, что они не являются «реакционерами»²).

Исключение составило 4-е заседание, растянувшееся на три дня и посвященное обсуждению ответного адреса императору. Обстановку накалило высказывание октябриста И. В. Способного по поводу отмены смертной казни: «Признаюсь вам, когда мне говорят о том, что есть люди, готовые пожертвовать всем для отмены смертной казни, я таким людям не верю, я отлично знаю, что они глотают живую устрицу, жуют кровавые ростбифы в огромном количестве», вызвавшее «страшный шум»³. В чем выражался этот шум, раскрыл в своих очерках известный журналист А. Л. Цитрон: «Во время речи Способного я услышал новый вид обструкции; на палату напал неудержимый кашель. Я не слышал еще такого неожиданного приступа кашля у сотен людей»⁴.

В ходе данного заседания впервые проявилась лево-правая ориентация рукоплесканий, впервые были использованы шумовые эффекты в качестве сигналов неодобрения тем, что высказывалось с думской кафедры (в стенографическом отчете восемь раз отмечен «шум» и однажды «шиканье»). Впрочем, в следующем заседании ситуацию спас П. А. Гейден, заявивший перед голосованием за окончательный вариант текста ответного адреса: «Я и мои единомышленники, будучи вполне согласны с доводами предыдущего оратора о том, что крайне желательно единодушие, и будучи вообще во многом согласны с этим адресом, тем не менее не считаем себя вправе его поддерживать. Но, не желая нарушать единодушия, мы удаляемся из залы заседаний», после чего он, М. А. Стахович и еще пятеро «умеренных» покинули общее собрание⁵.

¹ Стенографические отчеты. Ч. I. С. 349.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 87.

⁴ Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906. С. 25.

⁵ Стенографические отчеты. Ч. I. С. 242.

На втором этапе невербальные реакции все чаще отражали фракционную идентичность народных избранников. Компактное размещение парламентских групп в зале, способствовавшее налаживанию фракционной дисциплины, разрывало неокрепшую парламентскую общность на различные сочетания в рамках бинарной оппозиции «свои — чужие». Вербальная и невербальная агрессия в «Думе народного гнева» направлялась не только против правительства, но и против коллег по депутатскому корпусу. Далеко неслучайно В. А. Маклаков, характеризуя «стиль» Думы первого созыва, отмечал ее нетерпимость и несправедливость к противникам¹.

Доминирующими стратегиями парламентской коммуникации, усвоенными перводумцами, оказались стратегия дискредитации (*Diskreditierungsstrategie*) и стратегия напористости (*Durchsetzungsstrategie*)², в рамках которых невербальные реакции играют весьма значимую роль. Следует признать, что данные стратегии, характерные для уличных митингов и занесенные от них в Таврический дворец, так и прижились в нем, отражая тем самым особенности отечественной традиции политической коммуникации в целом.

¹ Маклаков В. А. Указ. соч. С. 51.

² См.: Thimm C. *Op. cit.* S. 78–79.

ОТТО ФОН БИСМАРК О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

ВЛАСОВ НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: n.vlasov@spbu.ru

Аннотация: Вопрос создания в России представительного органа власти активно обсуждался еще во второй половине XIX века. Прямое и косвенное участие в этой дискуссии принимали не только российские, но и зарубежные государственные деятели, в том числе канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк. Изучение взглядов Бисмарка на перспективы российского парламентаризма и является целью настоящей работы. В результате исследования делается вывод о том, что Бисмарк не считал создание в России народного представительства шагом, который позитивно скажется на развитии страны. Эта точка зрения была обусловлена, в первую очередь, представлениями немецкого политика о национальном характере русского народа.

Ключевые слова: Отто фон Бисмарк, Российская империя, Великие реформы, парламентаризм, национальный характер.

Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. наглядно продемонстрировало необходимость проведения в стране масштабных реформ. На повестку дня встал и вопрос о возможном реформировании политической системы в целом. Вопрос о введении в России конституции и созыве некоего общенационального представительного органа власти начал обсуждаться в кругах политической и общественной элиты и с тех пор уже фактически не сходил с повестки дня.

Отто фон Бисмарк, занимавший в 1859–1862 гг. пост прусского посланника в Петербурге, внимательно наблюдал за этими процессами. «Несомненно, что здесь есть партии, которые выступают за немедленное введение далеко идущих конституционных учреждений», — докладывал он в Берлин осенью 1861 г.¹ Размеры и влияние этой партии, которую он называл то либеральной, то национально-русской, Бисмарк оценивал как весьма значительные. В то же время он с глубоким скепсисом относился к ее деятельности. К примеру, в апреле 1862 г. прусский посланник писал в Берлин о «всеобщем убеждении, которое разделяют, в том числе, монарх и высшие правительственные круги: так, как сейчас, дальше в России продолжаться не может, необходимы обширные политические изменения. Однако не находится никого, кто смог бы воплотить это темное стремление к лучшему положению дел в форму четких и практических предложений. Каждый ощущает, „что что-то должно произойти“², но поскольку никто не знает, что именно, трудно предположить, что удастся получить желаемый результат»².

¹ Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 3. Berlin, 1925. S. 275.

² Ibid. S. 346.

Уже из этого высказывания ясно, что Бисмарк скептически относился к перспективам масштабных политических преобразований в Российской империи. Эти взгляды не изменились и в дальнейшем. Два десятилетия спустя, в мае 1881 г., «железный канцлер» представил германскому кронпринцу обширный меморандум, в котором давал оценку текущему положению дел в России. В нем, в частности, утверждалось следующее: «Реформы, необходимые, чтобы обеспечить здоровье или хотя бы начало выздоровления Российской империи, будет провести гораздо сложнее, чем сейчас, если подписи императора будет недостаточно для вступления в силу новых законов. Абсолютная монархия, на мой взгляд, еще должна сослужить русским службу — провести необходимые хирургические операции быстро и твердо. Все образованные русские, с которыми я говорил в последние недели, ожидают немедленного исцеления всех своих недугов в случае введения конституции. Национальное легкомыслие мешает даже самым рассудительным из них подумать о том, каким же образом конституция сможет разрешить все проблемы империи. Даже совещательный сословный орган, где решения будут приниматься большинством голосов, попросту заблокирует предлагаемые императором законы, не компенсируя это парламентской инициативой. Болезненное желание русских считаться столь же цивилизованными, как и жители Западной Европы, поначалу окажется удовлетворено: ведь конституция в их глазах является таким же признаком цивилизации, как одежда европейского покроя. Но я не верю в то, что русский парламент сможет сделать правительству какие-либо практические предложения. Мне думается, что он так и не выйдет за пределы критики существующего порядка, как это происходит у всех протестных партий в нашей стране, в Вене или Италии: они могут блокировать и дезорганизовать работу правительства, но не в состоянии договориться о позитивных шагах. Но немецкая оппозиция — у нас или в Вене — быть может, не так патриотична, как русские, однако намного умнее и образованнее (...). У русских результат окажется — я в этом уверен — намного хуже, когда они со всем энтузиазмом новичков окунутся в дисгармонию парламентских выступлений. Поскольку все образованные русские в унисон требуют введения конституционных учреждений, не сомневаюсь, что мы вскоре сможем наблюдать за ходом эксперимента. И я буду рад, если вопреки моим ожиданиям у них все получится, поскольку неудача на этом поприще может толкнуть их на путь шовинизма»¹.

Точка зрения Бисмарка на перспективы российского парламентаризма выражена в этом тексте предельно четко. Однако, чем она объяснялась? Будучи по своим политическим взглядам консерватором, Бисмарк в то же время не являлся сторонником абсолютной монархии как таковой. Применительно к Пруссии он с самого начала выступал сторонником ограниченных реформ и представительного органа, в идеале носившего

¹ *Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871–1898. Schriften. Bd. 4. Paderborn, 2008. S. 682–683.*

сословный характер. Именно «железный канцлер» в конечном счете настоял на введении в Германии всеобщего избирательного права и создании в высшей степени современного по меркам XIX в. парламентского института в лице Рейхстага. Он также не был поклонником существовавшей в России государственной системы, отмечая множество ее недостатков, связанных, в первую очередь, с административным произволом, беззаконием и низкой квалификацией чиновников¹.

Понять причины негативной оценки Бисмарком перспектив российского парламентаризма мы можем только в том случае, если поместим ее в контекст общих представлений немецкого государственного деятеля о России и русском народе.

Рассмотрение данного вопроса имеет смысл начать с мнения Бисмарка о национальных особенностях русских. В целом «железный канцлер» считал, что в Европе существуют три основные расы — кельтская, славянская и германская². При этом первые две являлись по своей сути «женственными», а третья — «мужественной»³. Только «мужественные» германцы, по мнению Бисмарка, были способны решать масштабные исторические задачи, например, создавать могущественные государства. Кельтов и славян он называл «бесплодными»⁴. «Мужской» принцип он в соответствии с гендерными стереотипами своего времени ставил выше «женского», хотя и признавал за последним определенные позитивные черты.

Национальные особенности русских, с точки зрения Бисмарка, объяснялись во многом именно их принадлежностью к славянской расе. По его мнению, русские неспособны к тяжелому созидательному труду⁵. «Работать хотя бы восемь часов в день, и это шесть дней в неделю и пятьдесят недель в году, никогда не сможет ни один русский», — заявил он в 1867 г.⁶. «Они не умеют работать, зато ими легко руководить. Они не имеют силы сопротивляться и следуют за своими господами» — еще одно характерное высказывание Бисмарка о национальном характере русского народа⁷. Русским, по мнению «железного канцлера», свойственны легкомыслие при принятии серьезных решений⁸, склонность к пустым мечтам и фантазиям⁹, самовлюбленность¹⁰ и переменчивость¹¹. Естественно, все эти черты делали их совершенно неспособными к сколько-нибудь конструктивной государственной деятельности. «У русских есть лишь

¹ *Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871–1898. Schriften. Bd. 3. S. 182.*

² См. подробн.: *Власов Н. А.* Расовая теория Отто фон Бисмарка // *Вопросы истории.* 2020. № 12. С. 246–254.

³ *Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. Leipzig, 1899. S. 118.*

⁴ *Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 7. Berlin, 1924. S. 253.*

⁵ *Ibid. Bd. 3. S. 170.*

⁶ *Ibid. Bd. 7. S. 220.*

⁷ *Ibid. S. 253.*

⁸ *Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 3. Darmstadt, 2001. S. 119.*

⁹ *Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 1. Leipzig, 1899. S. 331.*

¹⁰ *Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III. Bd. 4. S. 402.*

¹¹ *Ibid. Abteilung III. Bd. 7. Paderborn, 2018. S. 226.*

писательский талант, романы и тому подобное, но не политика», — заявил Бисмарк уже на склоне лет¹.

Как же народу с такими особенностями национального характера удалось построить могущественную империю? Бисмарк отвечал на этот вопрос без всяких затруднений: речь идет исключительно о заслуге этнических немцев или, как минимум, германцев. «Железный канцлер» был сторонником норманнской теории происхождения русского государства. «Способность славян управлять своим государством без участия немцев была ограниченной еще со времен Рюрика, такой же она осталась и после освобождения от власти монголов», — писал Бисмарк в 1881 г.². Далеко не случайно Петр I для успешной модернизации своего государства пригласил на русскую службу множество иностранных, в первую очередь немецких специалистов. «Оборачиваясь на русскую историю, начиная с эпохи Петра Великого, можно констатировать, что немцы (включая российских монархов) сыграли большую роль в том, что на протяжении полутора веков правительственная машина империи работала пусть безупречно, но в целом надежно и равномерно», — считал канцлер³. Большим выигрышем для России стало приобретение балтийских провинций с проживающим там немецким дворянством; этот регион Бисмарк называл «питомником хороших генералов <...> и искусных дипломатов»⁴.

«Русские не могут ничего сделать без немцев», — так предельно лаконично сформулировал «железный канцлер» свою основную идею в одной из бесед⁵. Если российский государственный деятель добивается некоторых успехов, то только потому, что у него в роду были немцы или в его подчинении находится помощник-немец, который на самом деле и выполняет всю основную работу. «Все хорошие, способные русские имеют примесь иностранной, а именно немецкой крови, — вспоминал один из соратников Бисмарка Р. Лукиус фон Балльхаузен высказывания канцлера в одном из застольных разговоров. — Однажды он спросил Горчакова: „Смогли бы Вы работать шестнадцать часов подряд, если бы Ваша мать не была немкой?“»⁶.

Естественно, что начавшийся при Николае I переход к политике замены на руководящих должностях этнических немцев национальными кадрами Бисмарк оценивал сугубо негативно. «Русское „образование“, несомненно, ухудшилось за последние 30 лет, с тех пор как император Николай начал отрезать у него немецкие корни», — писал он еще в бытность свою прусским послом в Петербурге⁷. «Без немецкой помощи и культуры ни русские, ни поляки не смогут самостоятельно справляться с задачами государственного управления», — категорически утверждал

¹ *Bismarck O.v. Werke in Auswahl.* Bd. 8b. Darmstadt, 2001. S. 126.

² *Bismarck O.v. Gesammelte Werke.* Abteilung III. Bd. 4. S. 681.

³ *Ibid.*

⁴ *Busch M. Tagebuchblätter.* Bd. 3. Leipzig, 1899. S. 201.

⁵ *Bismarck O.v. Die gesammelten Werke.* Bd. 7. S. 253.

⁶ *Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen.* Stuttgart; Berlin, 1920. S. 82.

⁷ *Bismarck O.v. Werke in Auswahl.* Darmstadt, 2001. Bd. 2. S. 403.

Бисмарк десятилетием позже, в 1872 г.¹. «После смерти императора Николая начались постепенное вытеснение немцев из всех органов власти и русификация последних. По мере развития этого процесса нарастали дезорганизация и неэффективность управленческого аппарата,— писал канцлер наследнику престола в 1881 г.— Требования, которые предъявляет к России существование в европейской системе, сделали немецких (или просто иностранных) государственных деятелей, законодателей и генералов еще более необходимыми для нее. Я далеко не уверен, что даже в случае избрания представительного органа появятся национальные кадры, способные заменить немцев»².

Бисмарк был довольно невысокого мнения о российской элите. «В петербургском обществе во время моего пребывания там присутствовали три поколения,— писал он в своих мемуарах.— Самое благородное из них, европейски и классически образованные вельможи эпохи Александра I, уже вымирало <...> Поколение, которое было похоже на императора Николая или носило его отпечаток, ограничивалось в разговоре придворными делами, театром, карьерой и военными воспоминаниями <...> Третье поколение, молодые господа, в обществе демонстрировали по большей части меньше вежливости, плохие манеры и, как правило, более сильное отвращение ко всему немецкому, в особенности прусскому, чем первые два поколения»³. Представители высших слоев российского общества думают не о стране, а исключительно о своих личных интересах, заявлял канцлер в 1880 г.: «Действительного патриотизма там нет и следа, Россия может погибнуть, лишь бы названные частные интересы оказались при этом удовлетворены»⁴. Именно исходя из своих частных интересов большинство представителей российской элиты враждебны самодержавию, находятся в явной или скрытой оппозиции ему и своими действиями приближают радикальные перемены.

Не менее скептически Бисмарк относился к образованным средним слоям, роль которых в российском обществе возрастала. С его точки зрения, эта социальная группа была одержима национализмом и шовинизмом, а также слепой тягой к переменам внутри страны. Отсутствие конструктивного подхода, склонность к иллюзиям, абсурдным и невыполнимым требованиям — все это являлось в глазах Бисмарка характерными чертами российского общества. Огромной проблемой, по его мнению, было постоянно растущее число образованных молодых людей, неспособных найти себе достойное место в жизни. Уже после своей отставки Бисмарк говорил: «Избыток образования приводит в России к ненависти и заговорам. Там готовят к высокой карьере в десять раз больше молодых людей, чем имеется вакансий на государственной службе или возможностей зарабатывать себе в сфере свободных профессий

¹ *Bismarck O.v. Werke in Auswahl*. Darmstadt, 2001. Bd. 5. S. 260.

² *Bismarck O.v. Gesammelte Werke*. Abteilung III. Bd. 4. S. 681.

³ *Bismarck O.v. Werke in Auswahl*. Darmstadt, 2001. Bd. 8a. S. 170.

⁴ *Ibid.* Bd. 6. S. 408.

хотя бы скромный доход, не говоря уже о богатстве и наградах. <...> К примеру, сыновья священников по большей части бесплатно учатся в гимназиях и университетах. Что им с этого? Окончив учебу, они в девяти случаях из десяти не находят себе занятия, а их знания хуже, чем просто избыточные, поскольку они становятся недовольными и несчастливými. Они большими усилиями подготовлены к тому, чтобы требовать от жизни больше, чем она может им дать, не считая тех немногих, которые в виде исключения поднимаются в верхний класс. Я видел в России полицейских, которые учились и имеют академическую степень. Существует ли что-либо более жестокое и абсурдное? Эти люди, полные зависти и ненависти ко всему высокопоставленному и счастливому, готовы присоединиться к заговорам и преступлениям. Они не могут строить, но знают достаточно для того, чтобы разрушать»¹.

Неудивительно, что, по мнению Бисмарка, наделение таких людей избирательными правами, а их избранников — реальной властью — не приведет ни к чему хорошему. Российский абсолютизм имеет множество недостатков, но его демонтаж не исправит ни один из них, а только породит новые. С высокой степенью вероятности Россия окунется в пучину хаоса и потрясений. «Не считаю невозможным переход из крайности абсолютизма в крайность анархии», — писал Бисмарк в 1880 г.,² еще до убийства Александра II, которое также произвело на него глубокое впечатление.

Таким образом, негативное и скептическое отношение Отто фон Бисмарка к перспективам российского парламентаризма проистекало из его видения политических и социальных процессов в современной ему Российской империи, а в конечном счете, из его представлений о национальных особенностях русского народа.

¹ Ibid. Bd. 8b. S. 30.

² *Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III. Bd. 4. S. 389.*

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИях: СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ

ДМИТРИЕВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА,
кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник
Южного научного центра РАН;
доцент Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: nvdmitrieva@sfedu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу и характеристике использованных местными властями административно-правовых практик в условиях предвыборной кампании с целью снижения социально-политической напряженности в крае. Не менее важным является также характеристика политической активности различных социальных групп на окраине в условиях избирательной кампании в общероссийский законодательный орган власти. Для раскрытия поставленной проблемы были использованы материалы официального делопроизводства, оценки избирательной кампании и агитационной деятельности партийных представителей, содержащиеся в правительственных материалах о выборах в I Государственную думу, полученных по поручению С. В. Вите В. А. Дмитриевым-Мамоновым.

Ключевые слова: Прибалтийский край, национальный вопрос, избирательная кампания, I Государственная дума, Российская империя.

Обращение к опыту организации и проведения избирательной кампании в I Государственную думу¹ является обоснованным, несмотря на существующую богатую историографию, и связано с первичностью данного опыта для Российской империи, реализованного в сложных условиях трансформации политической системы, появлением новых активных

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли»).

акторов на политической арене и, несомненно, нарастанием революционного движения в 1905–1906 гг. Российская империя представляется уникальным объектом исследования еще и с точки зрения своего полиэтнического гетерогенного характера. К началу XX в. на ее территории отсутствовало единое административно-правовое пространство; система организации социально-экономического взаимодействия и функционирования местных органов власти представляла собой скорее лоскутное одеяло, нежели единое цельное политико-правовое и экономическое поле.

Именно поэтому обращает на себя внимание проблема организации и проведения выборов в общероссийский представительный орган власти на тех территориях, которые имели принципиальные отличия в своем социально-экономическом, национальном и административном устройстве от центральных губерний европейской России. В этом отношении весьма показателен опыт трех губерний Прибалтийского края (именно так понятийно его определяют российские делопроизводственные документы начала XX века, а не Остзейский край, что являлось принципиальным моментом, начиная с 80-х годов XIX в.). Как будет показано в дальнейшем, даже между этими тремя губерниями существовал ряд отличий, сказавшихся на ходе выборов. Данные отличия были обусловлены как имевшимся историческим опытом существования их вне Российской империи, так и теми изменениями, которые претерпевали политики в их отношении со стороны имперского центра в XIX — начале XX вв.

Определяя особенности данного региона, отразившиеся на организации и проведении выборов, в первую очередь и современниками тех событий, и в историографии отмечается наложение социально-экономических противоречий на этнические. В начале XX в. происходит рост численности населения губерний, но структура распределения остается прежней, о чем свидетельствуют данные губернаторских отчетов и более ранние сведения, приведенные в отчете сенатора Н. А. Манасеина по результатам ревизии 1882–1883 гг. Этнический состав населения всех трех губерний, по сведениям сенатора, представлял собой следующее распределение: из 2 млн чел. — 200 тыс. немцев, 1,5 млн эстов и латышей (700 и 800 тыс. чел. соответственно), т.е. 75 % населения¹. В таблице 1 представлены сведения о распределении населения по родному языку Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний по результатам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Сведения приведены в относительных, а не абсолютных числах.

Что касается распределения населения по сословиям и по родному языку, то в общих чертах можно сказать, что основную массу дворян потомственных и личных дают великорусы, немцы и поляки. Почти все евреи — мещане. Среди латышей и эстов, по преимуществу составляющих сословие крестьян, значительное число мещан. Дворяне в губерниях составляют в среднем 1,5 от общего числа населения (Лифляндская — 1,61 %; Курляндская — 1,63 %; Эстляндская — 1,43 %).

¹ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 168 об.

Таблица 1. Распределение населения по данным о родном языке

Народности по родному языку	Лифляндская губерния¹ (в %)	Курляндская губерния² (в %)	Эстляндская губерния³ (в %)
Великороссы	5,24	3,8	4,95
Малороссы	0,05	0,06	0,06
Белорусы	0,07	1,82	0,06
Поляки	1,16	2,92	0,29
Литовцы	0,51	2,45	0,02
Латыши	43,4	75,05	0,11
Немцы	7,57	7,57	3,9
Евреи	1,83	5,59	0,31
Эсты	39,91	0	88,67
Прочие	0,26	0,74	1,63

На столь специфическое распределение населения по этническому признаку накладывались экономические и правовые противоречия. Неравноправное положение привилегированного немецкого меньшинства по сравнению с эстонским и латышским крестьянским большинством, проявлявшееся в несовершенстве института аренды, стоимость которой могла быть изменена по желанию владельца, неточности границ между крестьянскими арендными и мызными землями, отсутствие кредитных учреждений, с помощью которых крестьяне могли бы приобретать в собственность землю, послужили толчком к активным выступлениям латышского и эстонского крестьянского населения против прибалтийского немецкого дворянства⁴.

Немаловажной для имперского центра была и обозначившаяся наиболее остро в начале XX в. проблема положения русского населения в Прибалтийском крае, ибо, как писали из МВД в запросах к губернаторам, «пробуждая в русском коренном населении национальную самостоятельность, заботясь о повышении его культурного и экономического уровня, руководя его политическим воспитанием, Правительство создаст себе в лице этого элемента прочный фундамент для непрерывной дальнейшей работы, направленной к слиянию окраины с центром»⁵.

Все обозначенные выше противоречия максимально проявились в ходе Первой русской революции, когда вместе с началом революционных событий 1905 г. в центральных европейских губерниях начались активные выступления и в Прибалтике, где жертвами революционных

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 21. Лифляндская губерния. С. IX.

² Там же. Т. 19. Курляндская губерния. С. IX.

³ Там же. Т. 49. Эстляндская губерния. С. XIV.

⁴ Бахтурина А. Ю. Прибалтийский вопрос // Энциклопедия Петра Аркадьевича Столыпина [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=261

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 1.

выступлений стали не только представители правительственной власти, но и прибалтийские немцы, особенно помещики и лютеранское духовенство. По данным Н. С. Андреевой, только с конца октября 1905 г. по начало 1906 г. было разграблено и уничтожено 180 помещичьих усадеб и убито около 80 прибалтийских немцев¹. Высокая интенсивность революционных выступлений привела к введению военного положения «для обеспечения общественной безопасности и прекращения происходящих беспорядков» сначала на территории Курляндской губернии уже 6 августа 1905 г.², а 22 ноября 1905 г. на территории Лифляндской губернии³. Вскоре после этого 28 ноября 1905 г. было учреждено временное Прибалтийское генерал-губернаторство, которому были подчинены все три губернии⁴. Генерал-губернатором был назначен генерал Василий Устинович Соллогуб, ему были переданы право военного начальства и особые права и обязанности административных органов гражданского ведомства по охране государственного порядка. Военное положение было отменено только в сентябре 1908 г., а должность временного прибалтийского генерал-губернатора ликвидируется в апреле 1909 г.⁵.

Издание высочайшего рескрипта на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина от 18 февраля 1905 г., в соответствии с которым было принято решение «привлекать достойнейших, доверием народа облечённых, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений»⁶, запустило процесс подготовки общерусского выборного законодательства. В его рамках разрабатывались и избирательные правила для Прибалтийских губерний по выборам в Государственную думу. При этом власти вынуждены были учитывать этническую и социально-политическую специфику края. П. Н. Милюков в воспоминаниях писал о том, что «важнее этой маленькой уступки, не выходявшей за пределы прежних, неосуществившихся попыток этого рода, был для русского общества секретный циркуляр министра внутренних дел „не препятствовать существующим общественным и сословным учреждениям“ и т. д., „подвергать своему обсуждению предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства“ и т. д.»⁷. Оба документа были восприняты представителями местных сообществ как разрешение на проведение публичных съездов и обсуждение вопросов об изменении существовавшей системы взаимодействия центра и окраин.

¹ Андреева Н. С. Революционный кризис 1905–1906 гг. как предлог для интервенции в Прибалтику? // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 70.

² ПСЗ-3. СПб., 1908. Т. 25. 1905 г. № 26658. С. 638.

³ Там же. № 26959. С. 836.

⁴ Там же. № 26973. С. 844.

⁵ Там же. СПб., 1912. Т. 29. 1909 г. № 31613. С. 199.

⁶ Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел (18 февраля 1905 г.) // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 22.

⁷ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 184.

По свидетельству И. П. Белоконского, в первой половине 1905 г. общероссийские земские съезды и съезды городских деятелей в Москве и Санкт-Петербурге происходили параллельно с совещаниями и заседаниями городских и земских деятелей в регионах. Результатами этих встреч стали «энергичные петиции некоторых городских дум, требовавших не только всеобщего (равного, прямого и тайного) голосования, но даже и учредительного собрания»¹. Представители окраинных сообществ Прибалтийского края подготовили и направили в соответствии с указом от 18 февраля 1905 г. в Совет министров ряд записок, содержавших конкретные меры по усовершенствованию государственного устройства как страны в целом, так и края в частности. Из более сотни хранящихся в Российском государственном историческом архиве таких обращений значительную часть составляют материалы из Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний. Большинство из этих обращений поступило от крестьянского населения (латышей и эстов). Отдельно можно упомянуть запросы со стороны крестьян острова Эзель, которые настаивали на предоставлении выборщикам от съезда уполномоченных от волостей выбирать особого члена Государственной думы отдельно от таковых же выборщиков материковой части губернии по причине отличия племенного состава крестьян острова — эстонцев по происхождению с латышским населением некоторых материковых уездов². Управляющий Министерством внутренних дел посчитал обозначенное ходатайство незаслуживающим внимания, потому что по Положению о выборах в Государственную думу крестьянам всех губерний предоставлено право избирать из своей среды только одного члена Думы, несмотря на то, что во многих губерниях между отдельными разрядами крестьянского населения (особенно в местностях с инородческим населением) существуют различия в устройстве их быта, в условиях землепользования и в племенном составе не меньшие, чем в Лифляндской губернии³.

Без внимания со стороны правительства остались и обращения отдельных депутатий русского населения в Прибалтийских губерниях, предлагавших избирать по одному русскому представителю в Государственную думу от каждой губернии сверх положенного им числа. Министерство внутренних дел настаивало на необходимости применения общероссийского законодательства⁴.

В результате давления со стороны местной администрации и ходатайств цензовых кругов, а главное, массового движения норма представительства для губерний края сравнивалась с великорусскими губерниями, составив по три депутата для Курляндской и Эстляндской губерний, а для Лифляндской — пять. Общим для всех губерний было непропорционально высокое,

¹ Белоконский И. П. Земское движение. М., 1914. С. 272.

² РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 13. Л. 136 об.

³ Там же. ЛЛ. 136 об. — 137.

⁴ Там же. Д. 1. ЛЛ. 8–13.

относительно численности и удельного веса налогового бремени, представительство немецкого землевладельческого элемента и сознательное занижение представительства местного национального крестьянского населения¹.

Окончательно подготовка к выборам была завершена в губерниях Прибалтийского края в начале марта 1906 г., и в соответствии с указом от 11 марта 1906 г. производство выборов членов Государственной думы в губернских избирательных собраниях проводилось в Эстлянской губернии 14 апреля, в Курляндской и Лифляндской 20 апреля.

В соответствии с данными правительственных материалов о выборах в I Государственную думу, собранных В. А. Дмитриевым-Мамоновым по поручению С. Ю. Витте, на территории Прибалтийского края в ходе избирательной кампании в первую Государственную думу наибольшее количество партий образовалось в Лифляндской губернии. Именно здесь были созданы практически всеми общероссийскими партиями региональные отделения. Избрание уполномоченных от волостных обществ состоялось, по данным В. А. Дмитриева-Мамонова, в спокойной обстановке; сельское население первоначально отнеслось пассивно к выборам, действовали подавляющие репрессивные меры. Только благодаря призывам конституционно настроенных партий удалось привлечь внимание крестьян накануне выборов².

Среди рабочих избраны были выборщики умеренно-прогрессивного настроения. На городских избирательных собраниях полная победа досталась эстонской народной прогрессивной партии. Немецкая партия всюду потерпела поражение. Только на съездах крупных землевладельцев удалось провести несколько выборщиков из немецких баронов. В результате членами Государственной думы были выбраны от Лифляндской губернии три депутата латышского и два депутата эстонского происхождения, которые в ходе непродолжительной работы первой Государственной думы примкнули к фракции кадетов и автономистов.

В Курляндской губернии также под влиянием репрессивных карательных мер, тяжело отзывавшихся на крестьянском латышском населении, отношение к выборам этой части населения было необыкновенно вялым. В. А. Дмитриев-Мамонов докладывал, что «только перед самыми выборами латышское население сознательно стало относиться к выборам и выбрало представителей конституционно-демократической латышской партии, также как и представители промышленных рабочих»³.

Особенно глубоко выразилось расхождение между эсто-латышскими и немецкими выборщиками в городах, где политические партии не имели особого значения, имела значение национальная принадлежность. Латыши соединились с русскими, евреями и поляками в общий блок конституционно-демократической окраски. Только на съездах крупных

¹ Кузнецов А. А. На кого опереться в Остзейском крае? Разработка избирательного закона в Государственную думу для Прибалтики // Прибалтийские исследования в России. Материалы Международной научной конференции / Под ред. А. П. Клемешева, Н. М. Межевича, Г. М. Федорова. Калининград, 2016. С. 196.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8. ЛЛ. 318–318 об.

³ Там же. ЛЛ. 327–327 об.

землевладельцев немецкая партия получила перевес и успела провести несколько выборщиков-немцев. В результате выбранные членами Государственной думы Н. И. Каценельсон (иудей) и Я. К. Крейцберг (латыш) входили в конституционно-демократическую фракцию¹, а И. Х. Чаксте (латыш) примыкал к ней².

Наименьшее количество политических партий действовало в Эстляндской губернии: Эстляндская конституционная партия, Эстонско-русский союз, Эстонская прогрессивная партия, Социал-демократическая партия. Здесь съезды волостных сходов для избрания уполномоченных от волостей прошли спокойно. Выбраны были преимущественно представители эстонской прогрессивной партии, также как и от рабочих. На съезде городских избирателей одержала победу эстона-русская партия. Эстляндской конституционной партии только на съездах крупных землевладельцев удалось провести несколько выборщиков из немецких баронов. Таким образом, представителями интересов Эстляндской губернии в Государственной думе являлись эсты-прогрессисты, примыкавшие к фракции кадетов и Союзу автономистов³.

Таким образом, в начале XX в. полиэтничный характер Российской империи, оказывавший влияние на структурную организацию государства и перманентно актуализировавший для имперского центра проблему инкорпорации этнически неоднородных окраин и создание целостного социально-экономического и политического пространства империи, проявился с новой силой в условиях разработки избирательного законодательства для Прибалтийского края и проведения в нем избирательной кампании 1906 г. Специфика Прибалтийского края определялась еще и тем, что его жители издавна группировались по этническому принципу, при этом данная группировка довольно близко совпадала с группировкой социальной, что требовало от местных властей особенно внимательно отнестись к организации выборного процесса. Несмотря на отход российского правительства от политики лавирования между интересами эстов и латышей, с одной стороны, и немецких землевладельцев — с другой, к открытой поддержке немецкой аристократии, результаты выборов оказались не в пользу последней. Прибалтийский край оказался уникальным случаем, когда все окраинные депутаты в этническом отношении представляли коренное население, а в политическом — входили или примыкали к фракции кадетов.

¹ Каценельсон Нисон Иосифович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 243; Крейцберг Янис Кристонович // Там же. С. 297.

² Чаксте Иван Христофорович // Там же. С. 670.

³ Там же. ЛЛ. 312–312 об.

РОЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ОТРАЖЕНИИ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА НА ДОНУ

ТАЛАЕВА АЛЁНА АНДРЕЕВНА,

аспирант 1 года обучения
Института истории и международных отношений
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: alyona.panina2014@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрываются информативные возможности, полнота и представительность материалов периодической печати Области войска Донского как источника по общественно-политической истории России конца XIX — начала XX веков. Выявляется значимость периодики для изучения региональных особенностей модернизационного процесса. Раскрывается роль донской периодической печати в воссоздании целостной картины выборных кампаний в Государственную думу на Дону.

Ключевые слова: периодическая печать, Государственная дума, выборы, депутат, партия, кадеты.

Важным источником изучения общественно-политической жизни России в начале XX века является периодическая печать, которая наряду с общественными организациями, политическими партиями, Государственной думой и Советом являлась инструментом формирования общественного мнения. Однако, как правило, неизученными остаются вопросы регионального масштаба. Существует множество трудов, посвященных анализу столичной прессы, но практически нет работ, которые бы уделяли подробное внимание донской провинциальной печати, за исключением работ Е. В. Ахмадулина и И. А. Станько¹, в которых основное внимание обращено к классификации и «системе печати». А ведь в ряде случаев она является единственным источником, позволяющим рассмотреть развитие политической, экономической, социальной и культурной жизни провинциальных городов.

Нами был проработан значительный корпус донской периодической печати, представленной как официальными, так и частными газетами. И стоит отметить, что информационный ресурс у них был разный. В официальной прессе мы можем найти статистику выборов по округам,

¹ Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX века: Издания либералов. Ростов-на-Дону, 2001; Ахмадулин Е. В., Станько А. И. Региональная печать Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2014; Станько А. И. Неизвестные страницы истории донской прессы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 3. С. 186–191.

списки кандидатов в депутаты, даты избирательных съездов. Однако мы не увидим на ее страницах отражение политической борьбы и агитации политических партий, которая в значительной мере была представлена на полосах частных газет.

Большинство отделений политических партий выпускали на Дону свои газеты. Под контролем кадетов выходили «Донское слово», «Донская жизнь», «Народная мысль», «Ростовская речь», «Донская речь», «Ново-черкасский курьер», у октябристов — «Союз» и «Подъем», у правых монархических организаций — «Стяг» и «Ростовский-на-Дону листок».

Существовала на Дону и «беспартийная» печать, которая не преследовала цели политического самоопределения. Однако анализ данных газет позволяет сделать вывод о том, что в период Первой русской революции 1905–1907 гг. значительная часть беспартийной донской прессы была сторонником либеральных позиций и в большинстве своем представляла в позитивном свете партию кадетов и октябристов.

Стоит отметить, что периодическая печать — это особая форма исторического источника, представляющая своеобразное «зеркало» общества. Она с большой точностью отражает и фиксирует на страницах газет события, происходящие в обществе. Те бурные исторические события, которые происходили в России в 1905–1907 гг., требовали подробного ежедневного освещения, и именно газеты с их большими информационными возможностями удовлетворяли общественную потребность в новых сведениях.

Общественное мнение подготавливалось к введению парламентской практики исподволь, в течение достаточно длительного времени, и в этой связи современники громко отмечали заслуги донской периодической печати.

Благодаря такому источнику, как периодическая печать, мы можем увидеть, как в российских городах была принята весть об учреждении Думы. Интересным представляется то, как был встречен манифест в Области войска Донского. В ежедневной сатирической рубрике Приазовского края под названием «Злобы дня» вышла статья со следующим содержанием: «В полдень 6 августа к нам пришла радостная весть из Петербурга. Чудный погожий Спасов день... День на редкость для Ростова. Яркое солнце. Всюду разлита необыкновенная мягкость. Нежные тона неба... И все это — солнце, небо, прохлада, вся эта празднично настроенная улица, все эти развинченные, хмурые, усталые, озабоченные ростовские джентльмены и леди, не знающие, куда убить свой праздничный досуг — все это стало вдруг ярче, пестрее, живей... Были глубоко равнодушные, были пессимистически настроенные... Но это равнодушные, отголосок пустоты и недомыслия, этот пессимизм психиатрического характера — все это потонуло в приподнятом настроении. Народное представительство... Еще недавно мы не смели даже мечтать о нем. <...> Но сон стал действительностью. Мечты лучших русских людей осуществились»¹. Жители Дона были преисполнены радости, ведь они

¹ Приазовский край. 1905. 9 августа.

будут принимать не только пассивное участие в Государственной думе, но также и активное, будут иметь своих представителей в парламенте.

События 1905 года оказали серьезное воздействие на читателей ежедневных газет. Отныне центральное место на страницах донских газет прочно и надолго заняли материалы, охватывающие разнообразнейшие стороны подготовки к выборам в Государственную думу. По этому поводу в одном из номеров Приазовского края представлены интересные строки: «У Пушкина к одному из рассказов имеется такой эпиграф: „Все Жомини, да Жомини — а о водке ни полслова“. Я вспомнил эти слова, когда вчера один постоянный читатель газет сказал мне с раздражением: „Все Дума, да Дума и больше ничего! Просто хоть не берись за газеты!“»¹.

Информация, заключенная в периодической печати, представляет особую ценность. В донской прессе мы нашли сведения о распределении выборщиков по округам Области войска Донского: можно увидеть, в каком округе по какой курии какое количество выборщиков должно быть избрано. Больше число выборщиков имели казаки (79 ч.), затем землевладельцы (47 ч.), третьим номером стоят городские избиратели (37 ч.), и последними следуют крестьяне (14 ч.). Из 177 выборщиков до 45 % составляют представители от станичных обществ: такой численный перевес позволяет казакам, соединившись с любой из остальных групп или даже частью из них, забрать выборы в Государственную думу в свои руки.

Периодическая печать очень пристально следила за ходом думских избирательных кампаний в Государственную думу. На страницах газет в большом количестве печатались предвыборные программы и воззвания, списки кандидатов в депутаты, информация о ходе выборов, надежды и планы населения в связи с выборами и многое другое.

Интересным представляется то, какими качествами, по мнению жителей Области войска Донского, должен обладать депутат Государственной думы. Это должен быть «яркий сторонник самого широкого образования, свободный от всяких бюрократических замашек и глубоко убежденный в том, что возрождение России возможно лишь при полном объединении всех народов, ее населяющих, и при совершенном уничтожении произвола и деспотизма»².

Из донской прессы мы узнаем такие детали выборного процесса, которые не можем почерпнуть из других источников. Например, к 27 февраля 1906 г. составление избирательных списков было окончено. Списки избирателей размещались в помещениях управ каждого округа. В течение трех недель все заинтересованные лица могли ознакомиться с ними ежедневно с 10.00 до 14.00³. После опубликования списков приступали к печатанию именных повесток для рассылки избирателям с приглашением

¹ Приазовский край. 1905. 1 октября.

² Приазовский край. 1905. 13 августа.

³ Донские областные ведомости. 1906. 10 февраля.

прибыть в назначенную дату в избирательное собрание. К повесткам прикладывались особые бланки, на которых избиратели должны были внести имена предполагаемых в выборщики кандидатов. На оборотной стороне были напечатаны правила и инструкции к порядку выборов¹.

Благодаря такому источнику, как периодическая печать, нам также удалось установить точные даты производства выборов в Области войска Донского. Так мы узнали, что выборы уполномоченных от станиц и волостей в округах Области были проведены 26 февраля 1906 г., а избрание выборщиков в округах, а также в Ростове с Нахичеванью состоялось 23 марта. Заключительный этап выборов депутатов в Государственную думу проводился с 14 по 16 апреля 1906 г. в Новочеркасске. Выборы затянулись на несколько дней, т. к. не удалось сразу достигнуть избрания 11 депутатов. Избрание 1 депутата Государственной думы от гг. Ростова и Нахичевани проводилось 17 апреля.

Выборы продолжались один день с 9 часов утра до 9 часов вечера. Голосование проводилось в два этапа. На первом этапе закрытой подачей избирательных записок с именами намечались кандидаты в депутаты Государственной думы. На втором этапе проводилась баллотировка шарами каждого из согласных со своей кандидатурой.

Однако после проведенного избрания выборщиков в Донскую областную комиссию по делам о выборах в Государственную думу стали поступать жалобы и просьбы об отмене выборов². В результате рассмотрения жалоб комиссия отменила выборы на нескольких участках г. Ростова ввиду допущенных в них нарушений закона. Поводами к отмене были названы: вручение избирателям повесток без удостоверения их личности, в 4-м участке 4 лица подали свои голоса по чужим повесткам, в 3-м участке главным поводом к отмене послужила снисходительность избирательной комиссии, которая принимала к подсчету исправленные и испорченные бюллетени³.

Производство вторичных выборов в перечисленных выше избирательных участках было назначено на 9 апреля 1906 года⁴. Прошли выборы успешно и даже оживленнее, чем первые по этим участкам: число явившихся на выборы оказалось значительно большим.

Пристальное внимание уделялось избранному от Ростова и Нахичевани депутату А. П. Хартахаю. По газетным статьям и заметкам можно утверждать, что буквально каждый шаг депутата «отслеживался» и фиксировался на страницах донской периодики: подробно описываются чествование депутата банкетом в Нахичеванском клубе, благодарственные речи Хартахаю избирателям, торжественные проводы депутата на Ростовском вокзале⁵.

¹ Южный телеграф. 1906. 8 марта.

² Приазовский край. 1906. 31 марта.

³ Приазовский край. 1906. 1 апреля.

⁴ Южный телеграф. 1906. 5 апреля.

⁵ Приазовский край. 1906. 19 и 21 апреля.

Выборы в Государственную думу активизировали деятельность всех политических сил Российской империи. Образовавшись вначале в главных городах страны, политические партии стали создавать свои отделения и по всей России. Исключением не стала и Область войска Донского, в которой были созданы отделения крупных общероссийских партий — «Союза 17 октября» (октябристов) и конституционно-демократической партии (кадетов).

На Дону действовали и другие партии. Одно из первых отделений партии «Союз 17 октября» возникло на Дону в ноябре 1905 года¹. Однако, программа донского отдела октябристов в принципе мало касалась Дона и казачества, поэтому и не была удостоена пристального внимания общественности. Также на Дону действовала и Донская прогрессивная партия. Следует отметить, что сведений о партии в донской периодической печати достаточно мало (по сравнению с партиями кадетов и октябристов). На Дону действовали и правые, черносотенные партии. В Ростове, Новочеркасске и Таганроге имелись отделения Союза русского народа.

Проанализировав деятельность политических партий в Области войска Донского, мы пришли к выводу, что конституционно-демократическая партия на Дону удачнее других использовала газеты как мощный инструмент в деле пропаганды и популяризации партийных идей и программы. На страницах донской периодической печати практически ежедневно мы находим заметки и статьи, повествующие о партийных съездах и конференциях кадетов в различных учреждениях городов Дона, а также в округах Области, предвыборных собраниях и лекциях конституционно-демократической партии. Благодаря такому источнику, как периодическая печать, мы можем установить, что заседания партии были проведены 4 ноября 1905 г., 30 ноября 1905 г., 4 декабря 1905 г., 10 декабря 1905 г., 7 января 1906 г., 27 февраля 1906 г., 13 марта 1906 г. и т.д.². На этих заседаниях обсуждались программа партии, вопросы предвыборной тактики и агитации, избирались члены организационного бюро партии. Также комитет партии постоянно устраивал лекции для населения Дона; как правило, они были посвящены выяснению порядка выборов в Государственную думу³.

После того, как стали известны сроки созывов избирательных съездов, а также были выставлены для обозрения избирательные списки, конституционно-демократическая партия стала вести активную агитацию и пропаганду среди населения Области войска Донского. Следует отметить, что частота появления статей о партии кадетов в донской прессе была связана с проведением избирательных кампаний в Государственные

¹ Галий И. П. Партия «Союз 17 октября» в Донской области: 1905–1912 гг.: Дис. ... к. ист. н. Ростов-на-Дону, 2005. С. 44.

² Донская жизнь. 1906. 7 января, 27 февраля, 13 марта.

³ Приазовский край. 1906. 10 января.

думы. Именно во время выборов жизнь партии была максимально оживленной.

На наш взгляд, партия кадетов никогда не смогла бы развернуть свою деятельность в таких масштабах и вызвать столь значительное сочувствие в общественных кругах Дона, если бы не подготовившая этот успех донская пресса.

Донская периодическая печать играла исключительно большую роль на арене общественно-политической борьбы в Области войска Донского в начале XX века. Газеты участвовали в формировании общественного сознания, обладали большим авторитетом и были «газетами влияния». Для Ростова, Донского региона и Юга России ежедневные политические газеты являлись уникальными, их история не менее увлекательна, чем история общероссийских изданий, а публикации газет действительно отражали процессы организации регионального самосознания, рост гражданских запросов читателей и стали летописью Области войска Донского.

БОРЬБА НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ I–II СОЗЫВОВ В ВИЛЬНО

ЛАВРИНОВИЧ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
первый проректор
УО Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова,
Могилев, Республика Беларусь;
e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

Аннотация: Город Вильно, как один из 26 крупнейших городов Российской империи, по избирательному закону от 11 декабря 1905 г. получил право на собственное представительство в Государственной думе. На избирательные кампании в городе влияли особенности межнациональных отношений и поликонфессиональный состав населения. Основная борьба за депутатское кресло велась между польскими и еврейскими национальными группами, ориентировавшимися на Конституционно-демократическую партию. Во время выборов I Государственной думы польские демократы выдвинули кандидатуру адвоката Т. Врублевского, а представители еврейских либералов — вначале М. М. Винавера, затем сиониста Ш. Левина. Победа Ш. Левина углубила расхождения между местными польскими активистами и конституционными демократами. На выборах во II Думу польский избирательный комитет смог добиться реванша и провести в депутаты своего кандидата — виленского городского голову М. Венславского.

Ключевые слова: Государственная дума, Вильно, политические партии, национальные группы, конституционные демократы, еврейский избирательный комитет, польский избирательный комитет.

В начале XX в. Вильно был крупным городом Российской империи, центром генерал-губернаторства, культурной столицей земель, входивших ранее в состав Великого княжества Литовского. В нем пересекались интересы польского, белорусского и литовского национальных движений. В городе жило многочисленное еврейское население, он считался одним из важнейших еврейских культурных и образовательных центров в «черте оседлости». Особенности межнациональных отношений, поликонфессиональный состав населения, политическая активность национальных партий и организаций, историческое прошлое Вильно серьезно влияли на избирательные кампании в городе, делая ситуацию во многом уникальной, а потому и вызывающей особый интерес у исследователей.

Город Вильно, как один из 26 крупнейших городов Российской империи, по избирательному закону от 11 декабря 1905 г. получил право на собственное представительство в Государственной думе.

Общероссийские правые партии в Вильно были представлены отделами «Русского собрания» и Союза русского народа (СРН). Отделы

«Русского собрания» и Союза русского народа образовались в 1906 г. в ходе Первой российской революции. Первый насчитывал 51 члена, среди которых преобладали чиновники (гражданские и военные), представители администрации и преподавательского состава учебных заведений города. Среди них были старший чиновник особых поручений при виленском генерал-губернаторе Г. П. Сюзор, попечитель Виленского учебного округа В. А. Попов, его помощник А. В. Белецкий, директор Виленского реального училища А. И. Доброхотов, директор Виленского христианского учительского института В. С. Богоявленский, председатель Виленской археографической комиссии Ф. Н. Добрянский и другие известные и влиятельные люди¹. Более многочисленным и демократичным по составу был отдел СРН, в который записалось около тысячи человек, в том числе православные купцы, мещане, крестьяне окрестных сел и представители православного духовенства. Лидером союзников был А. А. Шмидт, издававший и редактировавший в 1907–1910 гг. газету «Морская волна» — одно из самых крайне правых изданий на территории Российской империи². Кроме губернского отдела СРН в Вильно был открыт и активно действовал железнодорожный отдел Союза русского народа³.

Общероссийские либерально-консервативные партии в Вильно были представлены отделом «Союза 17 октября». Отдел партии октябристов был открыт 4 декабря 1905 г. Его возглавил инженер Н. Ю. Мацон⁴. К октябристам примкнул и виленский железнодорожный Конституционный союз, позднее преобразованный в железнодорожный отдел под председательством чиновника управления Полесских железных дорог А. А. Чаманского⁵. Социальный состав организаций «Союза 17 октября» в Вильно составили чиновники, служащие, учителя и представители православного духовенства. О приблизительной численности октябристов в Вильно позволяют судить итоги собрания русских избирателей в марте 1906 г. Тогда за резолюцию, предложенную октябристами, проголосовало 128 человек⁶. Вероятно, примерно столько же членов насчитывал и местный отдел.

Помимо общероссийских партий и организаций в общественно-политической жизни на территории белорусских губерний активно участвовали региональные политические объединения. Ближайшим союзником октябристов было «Северо-Западное русское вече» (СЗРВ), образованное в Вильно в декабре 1905 г. В данной организации, насчитывавшей около 500 членов, состояли, главным образом, чиновники,

¹ Бондаренко К. М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.). Могилев, 2010. С. 178, 343–347.

² Там же. С. 299.

³ Там же. С. 118.

⁴ Лавринович Д. С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев, 2015. С. 118.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 119.

учителя и священники. Много было и старообрядцев. СЗРВ издавало газету «Белая Русь». Лидеры организации рассматривали свою партию как оборонительную организацию русского населения, которая в будущем, возможно, превратится в национально-либеральную партию. Белорусов «вечевики» считали частью русского народа, хотя и признавали, что они имеют свои национальные особенности¹. В конце 1906 г. местные октябристы и СЗРВ сформировали общую надпартийную организацию — Русский окраинный союз (РОС), в рамках которого они в блоке с правыми монархистами участвовали в выборах II Государственной думы.

Близким по духу местным октябристам было общество «Крестьянин», созданное в Вильно в начале 1906 г. и издававшее одноименный журнал. «Крестьянин» поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции. Численность организации составляла около тысячи человек. Делами «Крестьянина» заведовал Центральный комитет. Его председателем был преподаватель Виленской первой гимназии С. А. Ковалюк, выходец из крестьянского сословия, заместителем председателя — преподаватель местного реального училища А. С. Вруцевич, бывший сыном священника. Вначале они планировали распространить деятельность организации на все губернии Северо-Западного края², но фактически вся работа сосредоточилась в Вильно.

Несмотря на поддержку со стороны официальных властей, русские монархические партии и организации практически не имели шансов на успех на городских выборах, поскольку в Вильно большинство населения составляли евреи, а на втором месте находились поляки, имевшие поддержку со стороны польских землевладельцев губернии³. Именно поэтому борьба за депутатское кресло велась, прежде всего, между польскими и еврейскими национальными группами, представленными различными политическими партиями и объединениями.

На рубеже 1905–1906 гг. в Вильно была образована Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси (ККПЛиБ) во главе с католическим епископом Э. фон Роппом. Ее программа и деятельность носили оппозиционный, религиозный и националистический характер, сочетая в себе элементы либеральной и консервативной идеологии. Фактически ККПЛиБ защищала интересы католического духовенства и консервативной части польских аграриев. ККПЛиБ пользовалась поддержкой католической части населения Виленской и других западных губерний, но в самом Вильно она уступала по популярности польским демократам, ориентировавшимся на Конституционно-демократическую партию

¹ Лавринович Д. С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев, 2015. С. 126–128.

² Там же. С. 202.

³ По данным переписи населения Российской империи 1897 г. в Вильно проживало 154 532 жителей, из которых 61 847 (40,0 %) были евреями, 47 795 (30,9 %) поляками, 30 967 (20,1 %) русскими, 6 514 (4,2 %) белорусами, 3 238 (2,1 %) литовцами. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н. А. Тройницкого. [СПб.], 1904. [Вып.] IV: Виленская губерния. Тетр. III (последняя).

(КДП)¹. Среди еврейских организаций наиболее влиятельной силой в городе был Союз борьбы за полноправие евреев в России, также ориентировавшийся на КДП.

Польский конституционно-демократический союз начал оформляться в Вильно в сентябре 1905 г. Параллельно польской в городе складывалась и еврейская конституционно-демократическая группа. Существенную помощь делу организации виленских демократов оказал ноябрьский земский съезд 1905 г. в Москве. По окончании его работ ЦК КДП устроил ряд совещаний (с 12 по 14 ноября) с теми его членами, которые вошли в состав партии. Активным участником этих совещаний был Т. Врублевский². Тадеуш Врублевский (1858–1925) родился в семье врача, был родственником одного из лидеров восстания 1863 г. в Польше, Литве и Беларуси, а также Парижской коммуны В. Врублевского. После окончания гимназии в Вильно Т. Врублевский учился в медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, а затем в Варшавском университете. За участие в деятельности польской партии «Пролетариат» он был арестован и сослан в Сибирь. После возвращения из ссылки окончил Санкт-Петербургский университет, работал адвокатом в Санкт-Петербурге и Вильно. Выступал как защитник на многих судебных процессах над деятелями революционного движения, в т. ч. участниками восстаний на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков».

Т. Врублевский, участвуя в пленарном заседании ЦК КДП 14 ноября, агитировал за союз различных национальных организаций на конституционной основе: «Русских конституционных демократов в Западном крае почти нет. Но есть прогрессисты-демократы (*под последними подразумевался польский конституционно-демократический союз.* — Д.Л.)... Есть еврейская демократическая партия... Надо устроить, чтобы эти партии слились вместе и имели на выборах (*в Государственную думу.* — Д.Л.) общих кандидатов»³.

Однако польские демократы занимали особую позицию по аграрному вопросу. Они были противниками принудительного отчуждения части помещичьих земель в пользу крестьян, предлагавшегося российскими кадетами, т. к. знали, что для польских помещиков в Северо-Западном крае «удержание унаследованной земли в своих руках было возведено в степень национальной и общественной добродетели»⁴.

¹ Лавринович Д. С. Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси в общественно-политической жизни начала XX века // Вестник Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. Серия А. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 12–22.

² Отчет ЦК Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). За два года, с 18 октября 1905 г. по октябрь 1907 г. СПб., 1907. С. 20.

³ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. М., 1994. Т. 1. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. С. 41, 42.

⁴ Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 363.

Более последовательной союзницей КДП была Виленская еврейская конституционно-демократическая группа. В нее вошли представители местной интеллигенции и средней буржуазии, но были и представители мелкой буржуазии, а также служащие. Председателем комитета группы был Г. Д. Ромм (1855–1932)¹. Георгий Давидович Ромм родился в семье издателя Д. Ромма, окончил Дерптский университет, получил степень доктора медицины. Он работал в Петрозаводской губернской земской больнице, а затем в Виленском еврейском госпитале Святого Якова. Г. Д. Ромм принимал активное участие в общественной деятельности, поддерживал связи как с либералами, так и с представителями социалистических партий и организаций. Его брат, Илья Давидович Ромм (1860–1912), обучался в Дерптском и Московском университетах. Еще в годы студенчества он начал принимать активное участие в общественной жизни, увлекшись идеями народничества. В итоге за ним на долгое время был установлен контроль со стороны органов политической полиции². В более зрелые годы взгляды И. Д. Ромма эволюционируют в сторону либерализма, но, как показывают его публикации, он не перестает увлекаться и социалистическими учениями.

Разногласия между различными национальными группами препятствовали развитию деятельности КДП в Виленской губернии. Один из лидеров еврейской группы Я. Е. Выгодский честно признавался ЦК: «...причина малоуспешной деятельности группы к.-д. заключается в характере населения губернии. Последнее делится на 4 народности (*имелись в виду евреи, поляки, литовцы и белорусы.* — Д.Л.), в общем друг другу чужих»³. Но еврейская кадетская группа все же не оставляла надежды на создание общей организации КДП, стремясь завершить ее формирование до начала выборов в I Государственную думу⁴.

Виленскую еврейскую группу КДП поддерживал Союз для достижения полноправия еврейского народа в России, образованный в марте 1905 г. Его программные установки перекликались с основными положениями политической платформы кадетской партии. М. М. Винавер, официальный лидер союза, входивший в кадетский ЦК, в январе 1906 г. был направлен на помощь виленским кадетам⁵. Поддерживали еврейскую группу КДП и некоторые сионисты, а также Еврейская демократическая группа, представителем которой в Вильно был Ц. О. Шабад⁶.

¹ Переписка ЦК КДП кадетами Виленской губернии (1905–1906 гг.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 175. ЛЛ. 3, 17.

² О купеческом сыне И. Д. Ромме // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901 г. Оп. 299. Д. 306.

³ Переписка ЦК КДП кадетами Виленской губернии (1905–1906 гг.). Л. 8.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. Т. 1. С. 49.

⁶ Дубнов С. М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб., 1998. С. 260.

В феврале 1906 г. в Вильно были образованы еврейский и польский избирательные комитеты. Первый состоял из членов еврейской группы КДП и Виленского отделения Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. Руководителем комитета стал С. М. Дубнов. Семен Маркович Дубнов (1860–1941) родился в Мстиславле Могилевской губернии в семье торговцев среднего достатка, ортодоксальных иудеев. Получил традиционное еврейское воспитание, закончив хедер и иешиву, далее занимался самообразованием. Сотрудничал с еврейскими журналами, занимался изучением истории и культуры евреев. С 1903 г. С. М. Дубнов жил в Вильно. Свои взгляды на задачи еврейского национального движения он изложил в «Письмах о старом и новом еврействе» (1897–1907 гг.). Дубнов считал, что еврейская нация должна иметь равные права с другими нациями, в т. ч. и право самоопределения. Конкретным выражением национального равноправия, по мнению Дубнова, могла быть лишь культурно-национальная автономия евреев в России, представлявшая собою организацию самоуправляемых еврейских общин¹.

От еврейского населения Вильно кандидатом в депутаты был назначен М. М. Винавер². Максим Моисеевич Винавер (1863–1926) родился в Варшаве, где окончил гимназию и университет, получив профессию юриста. После переехал в Санкт-Петербург, начал заниматься адвокатской практикой, писать статьи для ряда научных юридических изданий. В 1904–1906 гг. М. М. Винавер был одним из редакторов журнала «Вестник права». С марта 1905 г. он принимал активное участие в деятельности Союза для достижения полноправия еврейского народа в России, являлся одним из основателей КДП.

Польский избирательный комитет выдвинул кандидатуру Т. Врублевского³. Комментируя предвыборную ситуацию, Я. Е. Выгодский писал в ЦК КДП: «На выборах в Виленской губернии происходит борьба не между партиями, а между национальными группами. Избирательные комитеты, и еврейский, и польский, представляют собой блок партийных организаций, следующих под национальными флагами»⁴. Таким образом, еврейские и польские демократы, выставив разных кандидатов в Думу, начали открыто конкурировать между собой.

В начале марта 1906 г. в Вильно приехал М. М. Винавер, выступивший перед выборщиками. На митинге присутствовали члены Бунда. После этого в ночь с 3 на 4 марта был арестован Г. Д. Ромм. Таким образом полиция пыталась сорвать предвыборную кампанию еврейского комитета. ЦК КДП постановил обратиться по этому поводу с телеграммами

¹ Дубнов С. М. Письма о старом и новом еврействе (1897–1907). СПб., 1907. С. 314.

² Дубнов С. М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. С. 275; Переписка ЦК КДП с кадетами Виленской губернии (1905–1906 гг.). Л. 15.

³ Переписка ЦК КДП с кадетами Минской губернии (1906 г.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 243. Л. 32.

⁴ Переписка ЦК КДП с кадетами Виленской губернии (1905–1906 гг.). Л. 8 об.

протеста в Совет министров, к виленскому губернатору и Виленской городской думе¹. Гласные городской думы сделали запрос губернатору о причинах ареста². Спустя несколько дней Ромм был освобожден с условием выезда за границу на два месяца³. В середине марта он уехал в Германию. На время его отъезда председателем Виленской еврейской группы КДП был избран Я. Е. Выгодский⁴. Яков Ефимович Выгодский (1857–1941) родился в Бобруйске в семье евреев-хасидов. Он окончил Военно-медицинскую академию, работал врачом в Вильно, много сделал для развития медицинско-санитарной части. Был активным деятелем еврейского общественного движения. Впоследствии в независимой Литве стал министром по еврейским делам, а в Польше — депутатом сейма.

Во второй половине марта 1906 г. М. М. Винавер снял свою кандидатуру в депутаты Государственной думы от Вильно. После этого баллотироваться было предложено С. М. Дубнову, но он отказался из-за загруженности литературной и научной деятельностью. Тогда Виленский еврейский избирательный комитет выставил кандидатуру сиониста Ш. Х. Левина⁵. Шмарья Хаимович Левин (1867–1935) родился в местечке Свислочь Бобруйского уезда Минской губернии в купеческой семье. Учился в Германии, где окончил философский факультет Кенигсбергского университета. По возвращении в Россию занимался преподаванием, публицистикой, был казенным раввином в Гродно и общественным раввином в Екатеринославле, с 1904 г. жил в Вильно. Принимал активное участие в сионистском движении и деятельности КДП.

Узнав о замене М. М. Винавера Ш. Х. Левиным, польские демократы направили в ЦК КДП телеграмму с просьбой поддержать на выборах их кандидата Т. Врублевского: «Кандидатом нашей партии в Вильно, избирающим только одного члена со стороны поляков, литовцев и части русских, выставлен Врублевский. Большинство евреев ставит кандидатуру вместо Винавера сиониста Левина, чем не довольны более левые евреи. Признавая по убеждениям, благодаря крупному ораторскому таланту, кандидатуру Врублевского наиболее полезной для партии, настоятельно советуем поддержать ее авторитетом ЦК... иначе от Виленской губернии не будет искреннего кадета...»⁶.

В конце марта 1906 г. Т. Врублевский написал открытое письмо избирателям, в котором заявил, что является сторонником программы партии кадетов «во всей ее полноте». В то же время, стремясь заручиться симпатиями представителей всех национальностей, Т. Врублевский позиционировал себя как защитника, прежде всего, интересов края. Он

¹ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. Т. 1. С. 57.

² Дневник // Новая заря. 1906. 12 марта. С. 3.

³ Переписка ЦК КДП с кадетами Виленской губернии (1905–1906 гг.). Л. 19.

⁴ Там же. Л. 20 об.

⁵ Дубнов С. М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. С. 276.

⁶ Переписка ЦК КДП с кадетами Минской губернии (1906 г.). Л. 32.

писал: «Как гражданин Литвы (*подразумевались все земли, входившие раньше в состав ВКЛ. — Д.Л.*) я при разрешении всех политических и общественных вопросов ставлю исходной точкой удовлетворение интересов всех коренных жителей нашего края, поляков и литовцев, евреев и белорусов, без различия вероисповедания и национальности, преимущественно и особо при том выделяя интересы широких народных масс...»¹. По мнению Т. Врублевского, в Государственной думе сначала должны были решаться следующие задачи: 1) предоставление всему населению империи равных гражданских и политических прав; 2) обеспечение свободы совести; 3) установление свободы обществ и союзов, свободы в организации школьного дела; 4) внедрение национальных языков в судебное и административное делопроизводство; 5) введение всеобщего избирательного права в Думу; 6) создание в Северо-Западном крае городских и земских органов самоуправления, а также особого областного самоуправления для «исторической Литвы» со всеобщим избирательным правом; 7) включение в компетенцию органов местного самоуправления хозяйственно-административных и культурно-образовательных вопросов, урегулирования земельных отношений; 8) восстановление автономии Царства Польского². Как представитель польской группы конституционалистов, отражавшей интересы местных землевладельцев, Т. Врублевский еще раз особо отметил: «Положения программы партии К.-Д. по вопросам аграрному и рабочему должны быть рассматриваемы не как полное и окончательное решение этих вопросов, а лишь как известные постулаты настоящего момента, характеризующие направление демократической мысли»³. Тем самым он оставлял возможность для сепаратного решения аграрного и рабочего вопросов на территории Северо-Западного края, с учетом мнения польских помещиков.

Выявившиеся расхождения между польскими конституционными демократами и линией ЦК КДП привели к тому, что кадетское руководство, по сути, оставило просьбы сторонников Т. Врублевского о помощи без ответа, и это еще более отдалило последних от российских либералов.

Важным было, на чью сторону склонится мнение «прогрессивных» русских избирателей Вильно. 19 марта в городском зале состоялось их общее собрание, организованное беспартийным кружком. Обсуждался вопрос: с кем блокироваться — с поляками или с евреями. Местные октябристы покинули собрание и решили действовать самостоятельно. После этого большинство собравшихся склонилось на сторону блока с евреями⁴.

17 апреля 1906 г. на городских выборах в Вильно победил Ш. Х. Левин. И. Д. Ромм так объяснял успех еврейского избирательного комитета:

¹ Материалы по истории выборов в первую Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров графа С. Ю. Витте графом В. А. Дмитриевым-Мамоновым // ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 1. Л. 182 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Собрание русских избирателей // Новая заря. 1906. 21 марта. С. 3.

«Наша теперешняя победа обязана больше случайности, чем нашим трудам, ибо, благодаря бойкоту *(со стороны левых социалистов. — Д.Л.)*, все протестующие элементы должны были баллотироваться за нас»¹.

I Государственная дума собралась 27 апреля 1906 г. и проработала 72 дня, вступив в конфронтацию с исполнительной властью. Осенью того же года начинается предвыборная борьба за места во II Государственной думе. В октябре 1906 г. в газете виленских еврейских демократов «Свободное слово» начали печататься предвыборные воззвания КДП и Союза для достижения полноправия евреев в России². В редакционных статьях И. Д. Ромм предупреждал о возможном вмешательстве местных властей в избирательный процесс, желании правительства изменить избирательный закон. «...всем прогрессивным партиям надо готовиться к упорной выборной борьбе, чтобы отстоять добытые крохи свободы от посягательства враждебных ей сил», — писал он³. В «Свободном слове» было опубликовано письмо лидера социал-демократов Г. В. Плеханова с комментариями Ромма, который доказывал, что революционерам необходимо забыть на время классовую ненависть к КДП. «Только соединив в одно все прогрессивные элементы, все борющиеся с нежелающим уступать старым режимом силы, можно надеяться, что победа ускользает из рук поднявшей голову реакции», — считал Ромм⁴. Таким образом, он выступал за создание блока всех демократических сил на выборах во II Государственную думу. «Усиленные обоюдным соглашением оппозиционные партии могут быть уверены в окончательной победе над старым режимом и черной реакцией», — полагал редактор «Свободного слова»⁵.

Между тем, осенью 1906 г. еврейская конституционно-демократическая группа понесла существенные потери. В сентябре на постоянное место, жительство в Санкт-Петербург переехал С. М. Дубнов⁶. В ноябре умер авторитетный член группы Т. О. Шапиро⁷, тогда же другой влиятельный общественный деятель Б. А. Гольдберг вошел в ЦК Российской сионистской организации и отошел от местных дел⁸.

Усилили давление на кадетов и власти. С 17 по 31 октября 1906 г. они конфисковали 5 номеров «Свободного слова». 31 октября И. Д. Ромм был вызван к судебному следователю по обвинению в публикации заметки об областном съезде партии социалистов-революционеров⁹. Ре-

¹ Дневник // Новая заря. 1906. 24 апреля. С. 3.

² Дневник // Свободное слово. 1906. 29 октября. С. 3.

³ Ромм И. Политика момента // Свободное слово. 1906. 14 октября. С. 2.

⁴ Ромм И. Вильно, 2 ноября // Свободное слово. 1906. 2 ноября. С. 2.

⁵ Ромм И. Вильно, 3 ноября // Свободное слово. 1906. 4 ноября. С. 2.

⁶ Дубнов С. М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. С. 280.

⁷ Некролог // Свободное слово. 1906. 15 ноября. С. 3.

⁸ Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 242.

⁹ Дневник // Свободное слово. 1906. 1 ноября. С. 2; Дневник // Свободное слово. 1906. 28 декабря. С. 3.

дактор газеты следующим образом объяснил свой поступок: «Стоя сами на почве демократических идей партии „Народной свободы“ (К.Д.) и ее внеклассовой программы, мы, однако, с первой же минуты объявили столбцы нашей газеты открытыми для всех демократических направлений...»¹. Действительно на страницах «Свободного слова» печатались статьи о деятельности Партии социалистов-революционеров, Бунда, РСДРП, освещалось издание первой белорусской газеты «Наша доля». Судебный следователь взял с И. Д. Ромма подписку о невыезде, после чего редактор предупредил читателей о возможности прекращения выхода газеты². В период с 6 по 11 ноября 1906 г. «Свободное слово» не издавалось. После конфискации 16 ноября очередного номера Ромм специально выпустил газету с «белыми пятнами» на месте передовых статей, чтобы подразнить цензуру. Этот номер тоже был конфискован.

Конкуренция на выборах, однако, не помешала Т. Врублевскому стать защитником И. Д. Ромма в Виленской судебной палате 13 января 1907 г. Редактор «Свободного слова» был приговорен к штрафу в размере 300 руб. или к отбытию 2-месячного тюремного заключения³.

В конце 1906 г. в Вильно состоялось собрание еврейских избирателей, председателем которого был избран И. Д. Ромм. Он предложил провести демократизацию выборов: устроить участковые избирательные собрания, на которых избиратели называли бы имя кандидата в депутаты Государственной думы, которого потом уже обязательно должны были бы избрать выборщики⁴. 26 ноября Виленский еврейский избирательный комитет единогласно постановил выставить кандидатом в депутаты присяжного поверенного О. О. Грузенберга⁵. Агитацию за него начало вести «Свободное слово». Оскар Осипович Грузенберг (1866–1940) был известен защитами видных писателей и политиков, таких как М. Горький, В. Г. Короленко, П. Н. Милуков, Л. Д. Троцкий и других. Кроме того, он участвовал в судебных разбирательствах по еврейским погромам и делам, связанным с кровавым наветом. Евреи считали его своим «национальным защитником».

Польские либералы со своей стороны снова выставили кандидатуру Т. Врублевского⁶, а затем М. Венславского — виленского городского головы. Михаил Венславский (1849–1917) — польский землевладелец, после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета служил в одном из департаментов Сената, позднее в Кишиневском окружном суде, с 1883 г. являлся присяжным поверенным при Виленском окружном суде. Кроме имения владел недвижимостью в Вильно. В 1905–1916 гг. он трижды избирался виленским городским

¹ Ромм И. Вильно, 5 ноября // Свободное слово. 1906. 5 ноября. С. 2.

² Там же.

³ Дневник // Свободное слово. 1907. 14 января. С. 3.

⁴ Собрание еврейских избирателей // Свободное слово. 1906. 14 ноября. С. 3.

⁵ Дневник // Свободное слово. 1906. 28 ноября. С. 3.

⁶ Наряд по секретной переписке по Виленской губернии // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 236. Д. 828. Ч. 6. Л. 1 об.

головой. Политические взгляды М. Венславского были правее позиции Т. Врублевского. Он придерживался воззрений польских «краевцев» либерально-консервативного направления¹.

В итоге из-за противодействия властей, а также польских землевладельцев края еврейский избирательный комитет и его союзники проиграли выборы. Город Вильно был поделен на 7 избирательных участков (по числу полицейских частей). Для того, чтобы ослабить позиции еврейских избирателей, к Вильно были присоединены 8 пригородных участков Виленского уезда. Решающее значение имел исход выборов по 5-му избирательному участку. Благодаря манипуляциям властей, численность польских избирателей по участку была увеличена на 84,3 %. Благодаря этому смог победить М. Венславский². Жалоба, поданная группой еврейских и русских прогрессивных избирателей во главе с Г. Д. Роммом на подтасовку выборов со стороны сторонников М. Венславского, ситуацию не изменила³.

Таким образом, в Вильно основная борьба за депутатское кресло велась между польскими и еврейскими национальными группами, представленными различными политическими партиями и объединениями. Национальные интересы ставились выше политических предпочтений. На выборах в I Государственную думу за депутатское место между собой боролись ставленник польских демократов Т. Врублевский и представители еврейских либералов — в начале М. М. Винавер, затем Ш. Левин. При этом все они обращались за поддержкой в ЦК партии кадетов. Победа Ш. Левина углубила расхождения между местными польскими активистами и конституционными демократами. На выборах во II Думу польская «партия» смогла добиться реванша и провести в депутаты своего кандидата М. Венславского.

¹ Смалянчук А. Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. СПб., 2004. С. 170.

² Дело виленского городского головы с препровождением прошения избирателей г. Вильны Ромма и др., жалующихся на неправильность утверждения при производстве выборов члена Государственной думы от Вильно (23–24 февраля 1907 г.) // Государственный исторический архив Литвы. Ф. 799. Оп. 1. Д. 85. Л. 5.

³ Там же. ЛЛ. 2–6 об.

ПРАВОО ДВОРЯННСТВО И ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТВА НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

СОРОКИН АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры зарубежного
регионоведения и локальной истории
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: skaliger1989@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению проектов правого дворянства по реформе системы выборов в Государственную думу Российской империи. Анализируются предложения съездов объединенного дворянства и русских людей накануне выборов во II Думу. Типологизируются и выделяются ключевые положения предложенных проектов.

Ключевые слова: выборы, Государственная дума, объединенное дворянство, правые, «Русское собрание», «Союз русского народа», «Союз русских людей».

Различные аспекты проведения выборов во II Государственную думу Российской империи являются предметом значительного количества исследований. Особый интерес представляет вопрос о борьбе за изменение избирательного законодательства, которая велась справа. И хотя эта проблема затрагивалась исследователями¹, проекты правых не были полностью типологизированы.

Правые начали требовать изменения избирательного закона еще до начала избирательной кампании во II Думу. При этом, целом в среде правых кругов отношение к предстоящим выборам было неоднородным. С одной стороны, по меткому выражению М. О. Меньшикова, это было «великим делом»: «Вторые парламентские выборы — великое государственное дело: тут Россия должна взять реванш за неудачу первых выборов»². Издаваемый же В. П. Мещерским «Гражданин» был настроен более скептически: реакционная Дума приведет к революции, а революционная Дума будет непременно распущена, в результате чего

¹ Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа: монография. М., 2012; Ивакин Г. А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905–1917 гг. М., 2014; Малышева О. Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М., 2018; Патрикеева О. А. Российская общественность и выборы в I и II Государственные думы (1905–1907 гг.). СПб., 2005.

² Новое время. 1907. 6 января.

правительство окажется в еще худшем положении, чем после роспуска первой Думы¹.

В «Вестнике Русского собрания» считали, что жители деревни и на Западе, и в России в большинстве своем относятся к выборам безразлично. Исходя из этого, издание полагало, что новой выборной кампанией не следует уделять какого-либо внимания². В. А. Грингмут называл выборы «в высшей степени рискованным экспериментом», поставленным над Россией, итоги которого невозможно предугадать: «Никогда, с тех пор как существуют культурные государства, мы не видели того, что ныне на наших глазах совершается в Российской Империи, в смысле искусственного отравления здорового государственного организма, с таким неожиданно-изумительным распределением ролей среди различного рода ее отравителей»³.

На проходившем 6–12 апреля 1906 г. II Всероссийском съезде русских людей было принято ходатайствовать об избрании в Государственную думу отдельных представителей от русского населения всех окраин, двух представителей от русского населения Закавказья, а также лишить евреев политических прав⁴.

В мае 1906 г. на первом же съезде дворянских уполномоченных (объединенного дворянства) А. Д. Кашкаров заявлял, что для установления порядка в России необходимо уничтожить революцию, одним из источников которой является Дума. В этой связи он предлагал «заявить, что члены Думы — не представители народных мнений, ибо всем нам известно, при каких условиях подкупа и обмана происходили выборы»⁵.

8 августа 1906 г. общим собранием монархической партии был принят всеподданнейший адрес, призывавший Николая II упразднить Государственную думу, поскольку «от новых выборов в Думу и от большинства членов Государственного совета ничего, кроме продолжения крамолы, ожидать нельзя»⁶.

На III съезде «Союза русских людей» в Киеве, который проходил 2–7 октября 1906 г., был поднят вопрос об изменении избирательного законодательства. 66 из 166 делегатов представляли «Союз русского народа» (18 — «Русское собрание», 12 — монархическую партию). На собрании, обсуждавшем изменения избирательного закона, председательствовал лидер «Союза русского народа» А. И. Дубровин.

Под председательством одного из лидеров Курской народной партии порядка графа В. Ф. Доррера была составлена комиссия по выработке проекта

¹ Бабеецкий А. Призрак и действительность // Гражданин. 1907. № 2. С. 4.

² Вестник Русского собрания. 1907. № 5. С. 1–2.

³ Собрание статей В. А. Грингмута. М., 1910. Вып. 4. С. 317.

⁴ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 8–21.

⁵ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. М., 2001. Т. 1: 1906–1908. С. 120.

⁶ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. М., 1998. Т. 1: 1905–1910 гг. С. 180.

избирательного закона. Комиссия высказалась за изменение прав депутатов, предложив «впредь до полного умиротворения Государства» право решающего голоса в Думе только русским православным депутатам, а депутатам из инородцев предоставить право совещательного голоса (решающего — только в случаях, если законопроект имеет отношение исключительно к их народности и территории). Предложенный комиссией проект существенно менял схему выборов. Во-первых, полностью лишались избирательных прав арендаторы, управляющие и иные, не являвшиеся собственниками недвижимости, лица; фактически устранялись от выборов получатели пенсий и содержаний из числа мелких служащих, а также рабочие (при отсутствии квартирного ценза); существенно ограничивались избирательные права евреев. Во-вторых, менялась схема выборов от крестьян, полностью устранявшая их от реального выражения своих политических взглядов за счет запрета крестьянам участвовать в выборах иначе, как в своей курии, а также за счет выборов путем жеребьевки (при этом от крестьян в качестве депутатов могли быть избраны священники). В-третьих, за счет устранения крестьян от голосования в других куриях и понижения земельного ценза увеличивалось представительство от землевладельцев. В-четвертых, увеличивалось количество городских избирателей, а выборы от городов с непосредственным представительством становились прямыми. В-пятых, обеспечивалось представительство от русского населения окраинных территорий за счет введения национальных курий. Лозунг «Россия для русских» последовательно проводился также и в отношении прав депутатов путем предоставления депутатам не из числа русского православного населения только совещательного голоса¹.

Проект комиссии на съезде был принят единогласно. Также при его обсуждении казанский помещик, профессор В. Ф. Залесский высказался за ходатайство перед монархом о признании Думы только законосовещательным органом. Эта поправка была принята перевесом в один голос, 35 представленными на съезде организациями против 34. При этом член СРН Н. Н. Ознобишин заявлял, что «в настоящее время невозможны никакие выборы». Съезд постановил выработанные предложения по поводу вопроса об избирательном законодательстве представить Николаю II с ходатайством до назначения новых выборов издать новый закон о выборах на данных началах и придать Думе лишь законосовещательное значение.

На II съезде дворянских уполномоченных, проходившем 14–18 ноября 1906 г., центральным стал вопрос о том, в каком направлении следует изменить закон о выборах и следует ли это сделать до выборов во II Думу. Как было справедливо замечено Е. П. Бариновой, дворянство не смогло повлиять на исход выборов в Думу и перекладывало свои неудачи на несовершенство избирательного законодательства². Показательным

¹ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 114–141.

² Баринова Е. П. Объединенное дворянство об актуальных вопросах развития России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8. № 3. С. 732.

в этом отношении является сетование председателя витебского отдела «Союза 17 октября» Н. Ю. Шильдер-Шульднера на то, что «в северо-западных губерниях растет сплоченная сила организованного польского дворянства и совершенно подавляет русское население», в результате чего на выборах в I Думу в Минской губернии не прошло ни одного депутата от русского населения¹. По его мнению, даже в случае отказа правительства от разработки нового избирательного закона нужно было донести до Думы заявление дворянской корпорации, «чтобы она знала, что мы, дворяне, не можем допустить того позора, возможного при этом законе, что представителями столиц являются евреи»².

Член Государственного совета и один из основателей объединенного дворянства и Курской народной партии порядка князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский подверг жесткой критике избирательное законодательство, заявив, что «с таким предательским бесчестным законом никакой нормальной Думы не может быть созвано». В доказательство он приводил тот факт, что по этому закону английский парламент состоял бы из 350 индусов, 150 сомалийцев и канадцев и 100 англичан. Многонациональность Думы для Касаткина-Ростовского представлялась недопустимой: «Если Дума не могла дать ничего хорошего, то потому, что она являлась винегретом из разных народностей». Призывать «к государственному строению» покоренные народы, с его точки зрения, было опасно, поскольку многие из них «клялись в верности неискренно»³.

Для богодуховского уездного предводителя дворянства Д. Н. Кованько недостаток избирательного закона виделся в том смысле, что он «дает перевес массам, всегда поддающимся под постороннее влияние», чем успешно пользуются левые партии⁴. В схожей тональности высказался и елецкий уездный предводитель дворянства С. С. Бехтеев: «Пора нам прямо и открыто сказать, что избирательный закон по существу своему направлен к тому, чтобы широко открыть доступ в Думу элементам противогосударственным, элементам некультурным и к государственной деятельности не подготовленным; что, с другой стороны, очень тесна дверь для вступления элементам порядка, подготовленным к государственной деятельности...»⁵.

Таким образом, критика закона о выборах приобретала два направления. С одной стороны, правое дворянство добивалось повышения роли дворянского сословия на выборах, а с другой — уменьшения представительства нерусских народов, в которых виделся источник сепаратизма.

А. И. Зыбиным на съезде был представлен доклад «Об избирательном законе», в котором предлагалось на предстоящие выборы взять за основу действовавшее избирательное законодательство и провести на выборах

¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. М., 2001. Т. 1: 1906–1908. С. 160.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Там же. С. 207.

в уездах разделение землевладельцев на две группы (крупных и мелких), установив, таким образом, четыре группы в губернском избирательном собрании: крестьян, крупных землевладельцев, мелких землевладельцев и представителей городов. Выборы депутатов предлагалось производить по этим группам, а затем избирать оставшееся число депутатов из всех выборщиков. Это была схема, поддержанная Постоянным советом объединенного дворянства. Сам Зыбин предлагал также предоставить всем четырем избирательным группам в губернском избирательном собрании право выбора по одному члену из своей среды, как это предоставлено ныне крестьянам¹.

Эту схему, получившую название сословно-групповой, поддерживал председатель Постоянного совета объединенного дворянства граф А. А. Бобринский. Что касается предложений о сословном представительстве, то им справедливо отмечалось, что если с обыденной точки зрения под условиями подразумеваются дворянство, крестьянство, духовенство и т. д., то по Своду законов их перечень гораздо шире, и в него входят и такие сословия, как присяжные поверенные и прочие².

В. М. Пуришкевич считал, что в рамках существовавших норм избирательного законодательства правых на выборах ожидает провал. Выход им виделся в поддержке проекта Зыбина и ходатайстве о немедленном изменении закона³.

Самарский губернский предводитель дворянства и член Постоянного совета объединенного дворянства А. Н. Наумов всецело поддерживал третий и четвертый пункты доклада. Обращаясь к опыту Франции, он отмечал, что в этой стране с давней историей представительства критикуется принцип всеобщих, прямых, тайных и равных выборов как приводящий в избранию незнакомых для избирателей людей; отталкиваясь от этого, Наумов приходил к следующему выводу: «Нужно, чтобы знакомый выбирал знакомого. Здесь было много прекрасных предложений, например, уничтожить губернские выборы, где действуют камарильи партий, и обратить в выборы прямые по уездам, таким образом мы выбираем человека хорошего, которого знают в уезде, а не того, который будет обещать дать больше»⁴.

Организатор Бессарабской партии центра и будущий лидер националистов П. Н. Крупенский считал необходимым внести в предлагаемый Зыбиным проект следующие изменения. Во-первых, утверждать депутатов в звании не самой Думой, а первым департаментом Сената, «который единственно может судить о законности или незаконности избрания». Во-вторых, ограничить избирательные права евреев («необходимо выделить евреев в отдельную избирательную группу, не смешивая ни с какой другой группой, чтобы не дать им возможности вредить другим»)⁵.

¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. М., 2001. Т. 1: 1906–1908. С. 214.

² Там же. С. 200–201.

³ Там же. С. 192–193.

⁴ Там же. С. 188–190.

⁵ Там же. С. 168.

М. Н. Головин недоумевал, как делить землевладельцев на две группы в тех уездах, в которых необходимо избрать только одно лицо. Второй пункт заключения им был подвергнут критике. Также он отмечал, что при разделении на группы в Думе будет не более 150 землевладельцев, включая поляков, т. е. около $\frac{1}{4}$ состава Думы¹.

О том, что невозможно разделить на две группы землевладельцев в тех уездах, где от них полагается один выборщик в губернское собрание, говорил и казанский земец князь П. Л. Ухтомский. Поэтому, с его точки зрения, было необходимо прежде всего увеличение количества выборщиков. Он также поддерживал предложение Наумова об отказе от губернских избирательных собраний и введении прямых выборов от уездов, поскольку в их пределах «люди хорошо друг друга знают, и партийное влияние будет менее сильно»².

Один из лидеров «Русского собрания» А. А. Нарышкин изложил позицию Орловского дворянского собрания, согласно которой действующее избирательное законодательство характеризовалось как не дающее возможности обеспечить «верное отражение народной мысли и совести», в связи с чем предлагалось установить выборы по сословно-бытовым группам³.

Б. Г. Бланк считал итоги выборов в I Думу унижением для дворянства и полагал необходимым обозначить в избирательном законе особый статус для дворянства, чтобы оно могло делегировать в Думу своих представителей, как это сделано для рабочих и крестьян⁴. За сословный принцип высказывался и член «Русского собрания» Н. А. Павлов, доказывавший, что «защита сословного начала есть защита монарха и с нею — цельности и силы государства». В рамках сословного представительства им не исключалось и увеличение числа самих сословий (например, землевладельцев-недворян). При этом классовая схема Зыбина им была подвергнута критике: «Берегитесь, не увлекайте народ, выходя на этот путь измельчания чуть не до цехов, вы приведете к всеобщей, тайной и равной [системе голосования – прим. авт.], не удовлетворив никого и занося руку над лучшим, что осталось в старине истории, — сословностью»⁵.

Сам Зыбин возражал сторонникам сословной схемы, что при ней не получат своего представительства землевладельцы-недворяне (хотя Павлов специально оговаривался о возможности выделения таковых в отдельное сословие), и землевладение будет представлено лишь дворянством. Особо им подчеркивалось, что не стоит опасаться ранее высказанных опасений о том, что требованием нового закона дворянство толкает правительство на неконституционный путь, поскольку,

¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. М., 2001. Т. 1: 1906–1908.

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Там же. С. 183–184.

во-первых, правительство уже широко пользуется ст. 87 Основных законов, а во-вторых, ряд изменений можно ввести и путем сенатского разъяснения или инструкционным порядком¹. Оппонентом сословной схемы выступил и один из учредителей партии правового порядка, входивший в Постоянный совет объединенного дворянства, князь Н. Б. Щербатов, доказывавший, что избирательный закон должен быть един для всей России, в то время как в Архангельской и Вологодской губерниях почти не существует дворянского землевладения, а в польских губерниях не существует сословий².

Н. Ю. Шильдер-Шульднер отмечал, что сословная схема может быть приемлема только в том случае, если в западных губерниях будут введены пропорциональные выборы по национальным группам (на I Всероссийском съезде октябристов в феврале 1906 г. делегаты от русского населения западных губерний также поднимали этот вопрос, требуя установления гарантии избрания как минимум одного русского депутата от каждой из окраинных губерний и 2 депутатов от Царства Польского³). Это было связано с уже высказывавшимся им замечанием о необходимости противостояния польской экспансии⁴. За введение пропорциональных выборов по национальным куриям выступил и А. В. Новиков, заявивший, что в Уфимской губернии главную избирательную силу представляют мусульмане, которых следовало бы отделить от христиан на выборах «во избежание столкновений»⁵. Поддерживал введение пропорциональных выборов в целях ограждения интересов русского населения и князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский⁶.

Как идеолог неославянофильства, один из учредителей «Союза русских людей» и Русской народной партии С. Ф. Шарапов доказывал, что единственно возможный способ правления в России — самодержавно-царский и земский, при котором широкое местное самоуправление сочетается с неограниченной монархией. В этой связи им был предложен Постоянному совету объединенного дворянства проект постановления, гласящий, что до организации всестороннего, широкого и свободного местного самоуправления никакие изменения избирательного законодательства не могут дать России работоспособного центрального законодательного учреждения, а потому всякую попытку к насаждению западного конституционного или парламентарного строя стоит считать исторической ошибкой⁷.

¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. М., 2001. Т. 1: 1906–1908. С. 206–207.

² Там же. С. 210.

³ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. М., 1996. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. С. 157–158.

⁴ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. М., 2001. Т. 1: 1906–1908. С. 204.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 206.

⁷ Там же. С. 187–188.

Представлявший Псковскую губернию участник съездов октябристов, а впоследствии прогрессист А. Н. Брянчанинов возражал Шарапову, что идея сведения земского самоуправления и высшего представительства в единую систему представляется непрактичной в силу сложности политической агитации и нежелательности смешения политических выборов с хозяйственными, как имеющими разные задачи. Вариант, который он предлагал, сводился к тому, чтобы отложить созыв II Думы до тех пор, пока не будет изменено должным образом избирательное законодательство. Однако предложенный им проект изменений существенно отличался от остальных представленных на съезде — положить в основу избирательного права не сословный или сословно-бытовой принцип, а образовательный ценз, который дал бы преобладающее положение дворянству в Думе как «культурной силе». Это объяснялось следующим образом: «Для составления и проведения реформ нужен ум, подготовленный для быстрого решения; следовательно, нельзя избирать людей для государственной работы с образованием ниже среднего»¹.

Брянчанинову оппонировал В. Н. Шеншин, по мнению которого следовало бы остановиться на проекте Зыбина. Особо им отмечалось, что как в земском хозяйстве участвуют лишь плательщики сборов, так и право быть избранными в Думу следовало бы доверить лишь имеющим ценз оседлости плательщикам, чтобы депутатами не становились «такие бездомовные, которые попадали в прошлую Думу и которые не могут служить представителями нужд населения местности, в которой не живут». С его точки зрения, также не стоило переоценивать роль предложенного Брянчаниновым образовательного ценза: «Русское образование поставлено так слабо, что вовсе не дает подготовки к занятию места в Государственной думе, развитие же получается не образованием, а воспитанием»².

Съезд, по окончании прений, единогласно постановил признать существовавший избирательный закон неудовлетворительным и большинством 17 голосов против 9 решить вопрос о желательных изменениях немедленно, без передачи на обсуждение дворянских собраний, как это предлагал сделать Н. А. Павлов³.

На голосование из указанных нами предложений были поставлены лишь четыре. За использование проекта о сословно-групповых выборах Совета объединенного дворянства в дальнейшей разработке правительством нового избирательного закона проголосовали уполномоченные 16 губерний, за его применение на текущих выборах — 15. За поправку А. И. Зыбина было подано 11 голосов, а за предложение А. Н. Брянчанинова — всего 1⁴.

¹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. М., 2001. Т. 1: 1906–1908. С. 202–203.

² Там же. С. 208.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же. С. 215.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что можно выделить несколько основных типов проектов избирательной реформы, которые предлагались правым дворянством (за исключением предложения монархической партии об упразднении Думы). Во-первых, это система сословных выборов, должная закрепить права дворянства (Н. А. Павлов). Во-вторых, система сословно-групповых выборов, подразумевавшая разделение землевладельцев на крупных и мелких. Подчеркивалось, что эта система должна быть использована именно на предстоящих выборах, а затем лечь в основу нового избирательного закона. Поправка А. И. Зыбина к этому проекту также предусматривала гарантированное представительство всем четырем группам: мелким и крупным землевладельцам, крестьянам и городским избирателям. В-третьих, это ограничение пассивного избирательного права цензом оседлости и уплатой сборов (В. Н. Шеншин). В-четвертых, это введение выборов по национальным куриям в ряде губерний (II Всероссийский съезд русских людей, комиссия В. Ф. Доррера, Н. Ф. Касаткин-Ростовский, А. В. Новиков, Н. Ю. Шильдер-Шульднер). В-пятых, это замена Думы Земским собором (предложение С. Ф. Шарпова). В-шестых, это лишение или ограничение избирательных прав евреев (II Всероссийский съезд русских людей, комиссия В. Ф. Доррера, П. Н. Крупенский). В-седьмых, это реформа крестьянских выборов, направленная на исключение крестьян из предвыборной борьбы за счет запрета на участие в выборах вне крестьянской курии и введения выборов по жеребьевке (комиссия В. Ф. Доррера). В-восьмых, это исключение из числа избирателей значительной части лиц, не являющихся собственниками, что должно было повысить роль избирателей из числа землевладельцев и собственников городской недвижимости (комиссия В. Ф. Доррера).

«ОКТАБРИСТЫ ЯВЛЯЮТСЯ ЛЮДЬМИ, ЧУЖДЫМИ ВЗГЛЯДАМ И ЧУВСТВАМ МОСКВЫ»: К ИСТОРИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В III ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ПО 2-Й КУРИИ Г. МОСКВЫ

ТИМОХИНА ДАРЬЯ АРКАДЬЕВНА,

кандидат исторических наук,

ответственный редактор

Некоммерческого партнерства

«Издательское, исследовательское и просветительское

содружество „Посев“»,

Москва, Россия;

e-mail: darktimokhina@gmail.com

Аннотация: В статье на основе документов из фондов ГА РФ, РГАСПИ, РГИА, ЦИАМ и материалов периодической печати («Утро России», «Голос Москвы», «Новое время», «Речь» и др.) впервые реконструирован ход предвыборной кампании по дополнительным выборам депутата III Государственной думы по 2-й курии избирателей г. Москвы. Автор анализирует отношение общественности и различных политических сил к внеочередным выборам, дана характеристика приемов избирательной борьбы основных конкурентов — кадетов и октябристов. Проведенный анализ позволил сделать вывод о причинах успеха кадетов на фоне неблагоприятных для выборов внешних условий и слабости других кандидатов.

Ключевые слова: Н. В. Тесленко, К. Э. Линдеман, И. И. Скворцов (Степанов), Третья Государственная дума, конституционно-демократическая партия, «Союз 17 октября», кадеты, октябристы, выборы, агитация, электорат.

Перед началом четвертой сессии III Государственной думы, 7 октября 1910 г., депутат от 2-й курии г. Москвы кадет Ф. А. Головин, получивший железнодорожную концессию, сложил свои полномочия¹.

Накануне внеочередной избирательной кампании можно было предполагать, что политические партии проявят недостаточную активность при выдвижении кандидатов. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, дополнительные выборы стали к этому времени уже довольно обыденным, рутинным явлением в жизни III Думы². Во-вторых, ос-

¹ Головин Федор Александрович // Государственная дума Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия / Ред. кол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 133–134; Заявление Ф. А. Головина на имя председателя Государственной Думы от 7 октября 1910 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 192. Л. 23.

² К осени 1910 г. умерли, отказались от депутатского звания, были признаны выбывшими или незаконно избранными 33 депутата: это были 34-е по счету довыборы. Подсчитано по: Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912. СПб., 1912. С. 68–70.

новое внимание представителей различных политических сил уже было приковано к подготовке к «большим» думским выборам 1912 г. Кроме того, срок полномочий «преемника» Головина (в зависимости от Высочайше утвержденной даты выборов) составлял менее года. Между тем, эти довыборы стали уже вторыми для Первопрестольной, таким образом, появилась возможность переизбрать половину депутатов, что могло резко поменять расстановку политических сил во второй столице, и у партий был резон бороться за этот мандат¹.

Высочайший указ о проведении дополнительных выборов 20 марта 1911 г. был опубликован 24 декабря, накануне Рождества и в разгар думских каникул². На проведение избирательной кампании отводилось почти три месяца. Партиям предстояло определиться, будут ли они участвовать в выборах и кого выставят кандидатами. Де факто предвыборная гонка стартовала лишь 22 февраля 1911 г. после того, как были обнародованы списки избирателей³.

По сравнению с 1907 г. число избирателей 2-й курии значительно сократилось — на 41 % (23424 vs 39755)⁴. Согласно сенатским разъяснениям 1909 г. дополнительные выборы были продолжением основных, и новые списки избирателей не составлялись. Кроме того, запрещалось голосовать два и более раз при наличии нескольких цензов⁵. Статистический отдел Городской управы должен был осуществить проверку данных об уплате налогов, после чего был проведен обход избирателей и разосланы опросные карты для уточнения сведений⁶. Так, например, первоначально в избирательные списки не был внесен действующий депутат от г. Москвы В. А. Маклаков на том основании, что опросная карточка была заполнена не им самим, а дворником⁷. В целом, жалоб на невнесение в избирательные списки было подано крайне мало⁸. На деле многие

¹ Как и все прочие подобные, этот избирательный марафон не получил специального освещения в историографии, однако краткие упоминания о нем можно встретить в целом ряде работ: Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 423; Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 123; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 184; Седова Я. А. Октябрьский режим [в 2 т.]. Т. 2. М., 2018. С. 503.

² Именной высочайший указ Правительствующему сенату № 2210 о сроке производства новых выборов одного члена Государственной думы от второго разряда городских избирателей города Москвы от 24 декабря 1911 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 41. Л. 67.

³ К выборам в Государственную думу // Русское слово. 1911. 22 февраля.

⁴ Московские вести // Русские ведомости. 1911. 9 февраля.

⁵ Журнал совещания председателей и товарищей председателей участковых избирательных комиссий, 11 марта 1911 г. // ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 22. Д. 153. ЛЛ. 59–59 об.

⁶ Московские вести // Русские ведомости. 1911. 14 января.

⁷ Московские вести // Русские ведомости. 1911. 27 февраля.

⁸ К выборам в Государственную думу // Русское слово. 1911. 9 марта. Всего в избирательные списки (включая дополнительные) было внесено 23895 чел. (Список лиц, имеющих право участвовать в избрании одного члена Государственной думы по г. Москве от 2-го разряда избирателей // ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 22. Д. 153. ЛЛ. 83–132).

из тех, кто обладал избирательными правами на далеких «больших» выборах 1907 г., ценз утратили. Лица же, приобретшие избирательный ценз в 1908–1910 гг., автоматически оказывались «за бортом» выборов.

Фаворитами на старте предвыборной гонки были кадеты: именно они одержали в 1907 г. уверенную победу по 2-й курии и довольно неожиданно провели на дополнительных выборах 1909 г. по 1-й курии своего кандидата Н. Н. Щепкина¹. Они же первыми — 13 января — определились с кандидатом². Им стал известный «политический защитник», бывший депутат II Государственной думы Н. В. Тесленко³.

Октябристы, соответственно провалившиеся на московских выборах 1907 и 1909 гг., испытывали трудности с поиском «проходимого» кандидата. В газетах поначалу анонсировалось выдвижение кандидатуры члена ЦК «Союза 17 октября», многолетнего гласного Московской городской думы, декана Юридического факультета Императорского Московского университета Л. А. Камаровского, уже баллотировавшегося по 2-й курии в 1907 г.⁴ Однако переговоры октябристов с ним окончились неудачей, т. к. после отставки А. А. Мануйлова именно Камаровский был назначен временно и. о. ректора университета⁵.

«Союз 17 октября» попытался заручиться поддержкой многочисленных московских старообрядцев⁶. Велись переговоры с представителями различных общин и согласий о поддержке их общего кандидата (упоминались в этой связи представители белокриницкого согласия М. И. Бриллиантов, братья Ф. Е. и В. Е. Мельниковы, беспоповец В. И. Большаков, а также сын старообрядческого епископа Александра Я. А. Богатенков), который должен был в случае избрания вступить в думскую фракцию

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 41.

² Московские вести // Русские ведомости. 1911. 14 января. Московское отделение кадетского ЦК еще осенью приступило к составлению списка кандидатов: «Москва должна быть особенно осмотрительна в выборе кандидата. Выставленный кандидат должен импонировать всем [членам комитета] и должен быть всеми признан единодушно». Обсуждалось выдвижение А. А. Кизеветтера (отказался) и Н. В. Тесленко ([Протокол заседания МОЦК 20 октября 1910 г.] // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. / Сост. Д. Б. Павлов. М., 1994. Т. 1. 1905–1911. С. 406).

³ Тесленко Николай Васильевич // Государственная дума Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. С. 609–610; *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы, 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 129.

⁴ Камаровский (Комаровский) Леонид Алексеевич // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / Сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М., 2010. С. 293–294; Москва, 16 января // Русские ведомости. 1911. 16 января; Октябристы и выборы в Думу // Русское слово. 1911. 16 января; Профессор гр. Л. А. Камаровский — кандидат в Гос. думу // Россия. 1911. 4 января.

⁵ Камаровская Е. Л. Воспоминания. М., 2003. С. 106–107; Москва, 16 января // Русские ведомости. 1911. 16 января.

⁶ По переписи 1912 г. в Москве насчитывалось как минимум 23 000 старообрядцев (Статистический ежегодник г. Москвы. М., 1916. Вып. 4. 1911–1913. С. 21).

октябристов¹. Общее мнение «раскольников» по поводу возможного сотрудничества и потенциального предвыборного блока выразил бывший член «Союза 17 октября», представитель белокрыницкого согласия, председатель Остоженской старообрядческой общины П. П. Рябушинский: «Наше объединение религиозное, и оно не всегда совпадает с политическим объединением <...> В политическом отношении старообрядцы имеют в своих рядах как правых, так и кадетов, а также и левых. Поэтому выставить старообрядческого кандидата под каким-нибудь одним партийным флагом представляется совершенно невозможным»².

В итоге октябристы, похоже, застигнутые внеочередной избирательной кампанией врасплох, смогли определиться с кандидатом лишь к концу февраля (т.е. уже после опубликования списков избирателей, всего за несколько недель до выборов)³. Им довольно неожиданно стал бывший ординарный профессор общей зоологии Петровской сельскохозяйственной академии, а в то время преподаватель естествознания в мужской гимназии Ф. И. Креймана, лидер автономной немецкой группы «Союза 17 октября» К. Э. Линдеман⁴. Он неоднократно позже утверждал, что решение о выдвижении кандидатуры было вынужденным: «повинуясь партийной дисциплине, он исполняет приказ партии», «воля партии — ... закон»⁵.

За депутатский мандат решили побороться и социал-демократы. Уже в начале января в прессе упоминались в качестве потенциальных кандидатов левых присяжный поверенный Н. К. Муравьев и бывший преподаватель Арбатского четырехклассного городского училища, публицист, переводчик «Капитала» К. Маркса И. И. Скворцов (псевд. И. Степанов)⁶. Муравьев вскоре публично выступил с опровержением⁷, а у Скворцова

¹ Неудачный предвыборный блок октябристов со старообрядцами // Раннее утро. 1911. 1 февраля; Новый октябристский кандидат // Земщина. 1911. 17 января; Октябристы и московские старообрядцы // Русские ведомости. 1911. 20 января.

² Московские вести // Русские ведомости. 1911. 29 января; К выборам в Москве // Русское слово. 1911. 1 февраля.

³ Московские вести // Русские ведомости. 1911. 4 марта.

⁴ Айсфельд А. Карл Линдеман: политическая и общественная жизнь московского ученого // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: Междунар. науч.-ист. конф., посвящ. 850-летию Москвы (Москва, 5 июня 1997 г.) / Научн. ред. Ю. А. Петров. С. 268–291; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1911 год. М., 1911. С. 331; Павлов Д. Б. Немцы в российской партийной политике: «Союз 17 октября» // «Большое будущее»: немцы в экономической жизни России [сопроводит. кн. к выст.] / Под ред. Д. Далманна. С. 84–89. По переписи 1912 г. в Москве насчитывалось как минимум 28 000 немцев (Статистический ежегодник г. Москвы. Вып. 4. С. 19–27).

⁵ Кандидат октябристов (Беседа) // Раннее утро. 1911. 26 февраля; События дня // Новое время. 1911. 15 марта; Предвыборные собрания // Русские ведомости. 1911. 15 марта.

⁶ Кандидат левых в Думу // Русское слово. 1911. 20 января; Участие крайних левых и правых в выборах // Утро России. 1911. 18 января.

⁷ Муравьев Н. К. Письмо в редакцию // Русское слово. 1911. 26 января.

был произведен обыск (наружное наблюдение за ним было установлено еще 6 января¹), после которого он был арестован и в разгар избирательной кампании выслан на 3 года в Астраханскую губернию². Арест И. И. Скворцова вызвал широкий резонанс в прессе³ и Государственной думе⁴. Неожиданно высокопоставленные сочувствующие арестованному нашлись даже в правом лагере⁵. Шумиха вокруг этой истории вызвала беспокойство в МВД: начальнику московской «охранки»

¹ [Сведения агентурного наблюдения за И. И. Скворцовым, кличка «Русак»] // ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 3326. ЛЛ. 1–6. Причем предполагалось провести обыск, «подвергнув задержанию впредь до выяснения обстоятельств дела независимо от результатов обыска» (Постановление московского градоначальника № 97 от 27 января 1911 г. // Там же. Оп. 189. Д. 153. Т. 3. Л. 40).

² Представление московского градоначальника — министру внутренних дел, 1 февраля 1911 г. // ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 101. Д. 4. Т. 9. Л. 2; Отношение Департамента полиции — московскому градоначальнику, 5 марта 1911 г. // Там же. Л. 6. Что не помешало некоторым советским исследователям утверждать, что Скворцов активно участвовал в избирательной кампании по довыборам в III Думу (Шаров В. В. И. И. Скворцов-Степанов. М., 1972. С. 17). Однако, находясь далеко за пределами Москвы, он узнавал о ходе предвыборной гонки преимущественно из газет: «Газет никаких не высылайте: достаточно и здешних. Есть „Речь“ и „Русские ведомости“. Если будет что-нибудь особенно [подчеркнуто в оригинале — Д.Т.] любопытное в „Русском слове“ или „бульварных“ газетах („Раннее утро“ и „Утро России“), особенно в связи с московскими выборами, пожалуй, вышлите» (И. И. Скворцов — О. И. Скворцовой, 14 марта 1911 г. // РГАСПИ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 71. Л. 32).

³ Арест // Речь. 1911. 30 января; Московские вести // Русские ведомости. 1911. 28 января.

⁴ 4 февраля 1911 г. группой из 32 депутатов — представителей социал-демократической фракции, трудовиков и народной свободы — было внесено на рассмотрение Думы заявление о запросе по поводу причин ареста Скворцова. В нем прямо говорилось, что арест приобрел «огромное принципиальное и политическое значение»: при обыске ничего «предосудительного» обнаружено не было, и Скворцов был арестован только лишь как кандидат от социал-демократов, а в Положении о выборах в Государственную думу «нет указаний, ограничивающих в избирательных правах лиц, исповедующих социал-демократические убеждения» (Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. II. Стб. 1200–1201). Меж тем, при обыске было изъято 64 наименования книг и брошюр революционного содержания и резолюции Московского комитета РСДРП (Опись книгам и брошюрам, отобранным при обыске // ГА РФ. Ф. 63. Оп. 189. Д. 153. Т. 3. ЛЛ. 46–47; Справка по делам Московского охранного отделения // ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 101. Д. 4. Т. 9. Л. 4). Заявление не было признано спешным, было передано в комиссию по запросам и вновь обсуждалось Думой лишь год спустя, утратив политическую актуальность (Доклад комиссии по запросам Государственной думы об аресте в Москве литератора Скворцова [февраль 1912 г., копия] // ГА РФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1911. Д. 151. Л. 33).

⁵ А. А. Кузьмин — П. Г. Курлову, 17 февраля 1911 г. // ГА РФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1911. Д. 151. Л. 13. Племянница Кузьмина была замужем за племянником жены Скворцова, поэтому депутат Государственной думы и попросил товарища министра внутренних дел «обратить свое благосклонное внимание на это дело».

полковнику П. П. Заварзину «поставили на вид», что «момент для ликвидации был выбран крайне необдуманно и неудачно, так как в широких общественных кругах будут утверждать, что таковая была произведена с целью сделать невозможным выбор Скворцова в Государственную думу»¹. Заварзин в свое оправдание подчеркивал, что арестованный, «объединяя социал-демократический элемент Москвы, внушал опасение, что вовлечет рабочую массу в солидарные со студенчеством противоправительственные выступления»². Спешка же с высылкой Скворцова была продиктована тем, что «оставление его под стражей в Москве по неразрешенной административной переписке может повлечь вручение ему на днях и даже завтра предвыборного листка»³.

Властям не удалось устранить И. И. Скворцова от участия в выборах: он был внесен в дополнительные избирательные списки (как плательщик квартирного налога, хотя и не заполнивший вовремя опросную карту). Городская управа успела за несколько дней до выборов получить ответ от прокурора Московской судебной палаты, что арестованный под судом не состоит и числится за Охранным отделением⁴. Таким образом, он не подпадал под действие ст. 10 Положения о выборах, по которой лишались избирательных прав «лица, подвергнувшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение и ограничение прав состояния»⁵.

Особенностью этой избирательной кампании стала интенсивность предвыборных собраний, первое из которых состоялось лишь за две недели до выборов, 6 марта. Кадеты успели организовать 5 собраний, октябристы — 3.

Кадетский кандидат Н. В. Тесленко во всех своих выступлениях в простой и доступной форме критиковал неработоспособную, покладистую, «гуттаперчевую» октябристскую III Думу. Типичный его полемический прием: «Что сделала Третья Дума? Устроила стеклянный потолок в зале заседаний и увеличила себе жалованье! Вот и все!»⁶. Тесленко популистски отмечал, что «по отношению к запросам Дума превратилась в похоронное бюро»⁷. Одно из его самых ярких выступлений закончилось фразой «Народное представительство есть само по себе господин, пред

¹ Директор Департамента полиции — начальнику Московского охранного отделения, 8 февраля 1911 г. // ГА РФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1911. Д. 205. Л. 33.

² Начальник Московского охранного отделения — директору Департамента полиции, 2 февраля 1911 г. [Телеграмма] // Там же. Л. 20.

³ Московский градоначальник — директору Департамента полиции, 3 марта 1911 г. [разбор шифрованной телеграммы] // ГА РФ. Ф. 63. Оп. 189. Д. 153. Т. 3. Л. 76.

⁴ К выборам в Государственную думу // Русское слово. 1911. 13 марта.

⁵ Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную думу [3 июня 1907 г.] // ПСЗ-3. СПб., 1910. Т. XXVII. Отд. 1. № 29242. С. 322; Московские вести // Русские ведомости. 1911. 13 марта.

⁶ Дополнительные выборы в Москве // Голос Москвы. 1911. 18 марта.

⁷ Предвыборные собрания // Русские ведомости. 1911. 8 марта.

которым другие господа должны преклоняться»¹. Отметим, что хотя партия народной свободы на этот раз не испытывала проблем с получением разрешений на проведение собраний (что, несомненно, могло быть ею использовано в политических целях), без скандала не обошлось: одно из собраний было закрыто полицией после того, как Тесленко образно и эмоционально сравнил правительство П. А. Столыпина и III Думу с Мефистофелем и Фаустом соответственно².

Выступления К. Э. Линдемана (как отмечают современники, довольно косноязычные) и других ораторов «Союза 17 октября» содержали не столько критику кадетов, сколько контрвыпады по поводу деятельности фракции октябристов, а также обвинения в адрес «форменных бездельниц» I и II Дум, преувеличение заслуг III Думы, которая рассмотрела порядка 1350 законопроектов, из которых «многие имеют первостепенное значение для русской жизни»³. Кандидату октябристов приходилось отвечать и на нападки по поводу своей национальности (в том числе от кадетов, самих выставлявших ранее на московских выборах М. Я. Герценштейна и А. А. Кизеветтера): он объяснял, что «наблюдается ... закон, что люди с иностранной кровью, живущие долго в известной стране, служат ей с особой сердечностью и силой», приводя в качестве примера имена доктора Ф. П. Газа и юриста А. Ф. Кони⁴.

Политические оппоненты вели и печатную агитацию. Два воззвания выпустили октябристы (в том числе одно на немецком языке), два — кадеты.

Октябристы в своем воззвании в поддержку «известного ученого и убежденного сторонника проведения в русскую жизнь идей строгого монархическо-конституционного направления» Линдемана, отвечая на нападки слева, настойчиво утверждали, что III Дума вполне работоспособна, а провал многих законопроектов вызван разногласиями между Думой и Госсоветом⁵. В воззвании немецкой группы «Союза 17 октября» отмечалось, что партийный кандидат идет в Думу, прежде всего, для «защиты интересов проживающих в России немцев»⁶. По мнению «Нового времени», «выставляя кандидатуру К. Э. Линдемана, человека с крупным ученым именем и безупречной личной и политической репутацией, партия [октябристов] имеет в виду усилить ряды думского центра, на плечах которого лежит вся тяжесть думской работы»⁷.

¹ В предвыборном собрании // Русские ведомости. 1911. 11 марта.

² Предвыборное собрание // Русские ведомости. 1911. 20 марта.

³ Предвыборные собрания // Русские ведомости. 1911. 15 марта; Предвыборное собрание // Голос Москвы. 1911. 17 марта.

⁴ Предвыборное собрание // Голос Москвы. 1911. 18 марта; Предвыборное собрание // Русские ведомости. 1911. 17 марта.

⁵ События дня // Новое время. 1911. 8 марта.

⁶ Воззвание московской немецкой группы Союза 17 октября // Утро России. 1911. 17 марта.

⁷ Дополнительные выборы // Голос Москвы. 1911. 20 марта.

В кадетском воззвании осмыслялось значение выборов для текущего политического момента в качестве возможного суда над правыми и октябристами, их «угоднической» политикой и тактикой в Думе. Воззвание, несмотря на то, что «исход предстоящих выборов, конечно, не изменит характера Третьей Государственной думы», призывало избирателей «исполнить свой долг» — «громко заявить о том, как вы относитесь к современному положению государственных дел» и выразить своего рода вотум недоверия правительству и Думе, проголосовать за «стойкого и красноречивого защитника народных интересов и нужд и настойчивого обличителя произвола» Тесленко¹. Была отдельно выпущена листовка с портретом и биографией кадетского кандидата, в которой описывались его заслуги в качестве депутата II Государственной думы, прежде всего, участие в разработке законопроекта по отмене военно-полевых судов².

Еще одной особенностью этих выборов была пассивность полемики между кадетами и октябристами на страницах прессы, хотя оба основных соперника охотно давали интервью³. Внимание газетчиков было приковано сначала к новому витку студенческих беспорядков и событиям вокруг обсуждения законопроекта о земстве в западных губерниях в Государственном совете, а затем к министерскому и думскому кризису⁴. Тем не менее, октябристская и правая печать муссировала слухи о переходе Н. В. Тесленко в лютеранство ради женитьбы на еврейке⁵. Оппозиционные издания иронизировали по поводу возраста и профессиональных качеств «злополучного жуковеда» Линдемана⁶.

Сами выборы, почти совпавшие по времени с выборами нового председателя Государственной думы, прошли спокойно, без нарушений, без устной или печатной агитации на улице и в помещениях участков в день голосования⁷.

Убедительную победу одержал Н. В. Тесленко, набравший 11 672 голоса и оставивший далеко позади занявшего второе место К. Э. Линдемана (1712 голосов). За И. И. Скворцова проголосовали 902 избирателя, причем по 4-му участку (в рабочем районе Пресни) он вышел

¹ «Граждане избиратели! Вам предстоит подать голос...» // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 188. Л. 2.

² Николай Васильевич Тесленко // Там же. Л. 1.

³ События дня // Новое время. 1911. 14 марта; Н. В. Тесленко // Раннее утро. 1911. 1 марта; События дня // Русское слово. 1911. 14 марта.

⁴ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 318–348; Гайда Ф. А. Указ. соч. С. 64–120, Дякин В. С. Указ соч. С. 212–241.

⁵ Будущий депутат от православной Москвы // Земщина. 1911. 13 марта; К выборам в Г.Д. // Русское знамя. 1911. 13 марта. В личном деле депутата Тесленко указано вероисповедание: «православный» (Сведения о члене Государственной думы III созыва // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 788. Л. 3, 5).

⁶ Г-н Линдеман // Русское слово. 1911. 17 марта; Яблоновский С. Зачем мучили старика? // Русское слово. 1911. 22 марта; Около Линдемана // Утро России. 1911. 19 марта.

⁷ Выборы в Государственную думу в Москве // Русские ведомости. 1911. 22 марта.

на 2-е место¹. Не обошлось без курьезов: одна избирательная записка была подана за Николая Чудотворца, еще на одной на злобу дня была нарисована карикатура, изображавшая А. И. Гучкова, В. М. Пуришкевича и П. Н. Крупенского со словами «Скоро ли прекратится эта игра?»².

Явка составила всего 61,4 % от и без того сократившегося числа избирателей (причем 14679 чел. пришли к избирательным урнам, а лишь 14 515 бюллетеней было признано действительными)³. Таким образом, в процентном соотношении кадеты улучшили свои показатели по сравнению с «большими» выборами 1907 г. (80 % у Н. В. Тесленко vs 60,3 % у В. А. Маклакова и 60,2 % у Ф. А. Головина), при этом количественно их электорат сократился почти на 30 % (с 16407 голосов за Маклакова до 11 672 за Тесленко). А у октябристов — на 70 %: с 5862 (21,6 %) голосов за их лучшего кандидата Л. А. Камаровского до 1709 голосов (11,6 %) за Линдемана. Социал-демократы несколько сдали свои позиции (в 1907 г. 8,3 % набрал М. Н. Покровский и 8,2 % — И. И. Скворцов, в 1911 г. Скворцов набрал лишь 6,1 %), но в количественном отношении продемонстрировали стабильность своего электората — число поданных голосов сократилось соразмерно общему числу избирателей (2268 vs 902)⁴.

В прессе появились диаметрально противоположные оценки итогов выборов. «Русское слово» удовлетворенно констатировало: «Москва осталась на высоте своего культурного и политического призвания», «целых три четверти [избирателей] не желают посылать в Думу октябристов — могильщиков тех прав, которые были возведены Манифестом 17 октября. <...> Октябристы являются людьми, чуждыми взглядам и чувствам Москвы»⁵.

Неожиданно Московский отдел Всероссийского национального союза выступил с заявлением в поддержку октябристов и немца Линдемана: «Н. В. Тесленко — не представитель исторической и национальной русской Москвы: он представитель партии, случайно овладевшей выборами, но чуждой заветам и духу Москвы»⁶.

М. О. Меньшиков в статье с характерным названием «Потеря Москвы» сокрушался о том, что еще в декабре 1905 г. власти «довольствовались

¹ Алфавитный список лиц, предложенных в члены Государственной думы // РГИА. Оп. 3. Д. 41. ЛЛ. 75–76.

² [Протокол 2-й подкомиссии III участка от 21 марта 1911 г.] // РГИА. Оп. 3. Д. 41. Л. 113. Выборы в Государственную думу в Москве // Русские ведомости. 1911. 22 марта.

³ Протокол московской городской избирательной комиссии // РГИА. Оп. 3. Д. 41. Л. 69 об. Эти цифры заслуживают особого внимания, однако, например, В. С. Дякин ошибочно связывал снижение числа проголосовавших по сравнению с 1907 г. в 2 раза (14515 вместо 28000) не с «прореживанием» избирательных списков, а с близостью «больших» выборов, падением авторитета Думы (Дякин В. С. Указ. соч. С. 184).

⁴ Результаты выборов в Государственную думу // Утро России. 1911. 22 марта.

⁵ Вотум Москвы // Русское слово. 1911. 22 марта; Долг избирателей // Там же. 20 марта.

⁶ Москва, 25 марта // Русские ведомости. 1911. 25 марта.

наружным замирением и не почистили Москвы, как следует <...> и после революции сердце России осталось во власти освободительного движения ... жидо-кадетской печати». Теперь же «к большому несчастью России ни правительство, преисполненное прекрасных намерений, ни патриотические партии не сумели отстоять Москву от мирного жидо-кадетского захвата <...> Несомненно, столь победоносное проведение в Г. Думу жидо-кадета ... представляет серьезное поражение русской государственности»¹.

Результаты московских выборов 1911 г., проходивших на фоне крупных политических событий, могут послужить показателем изменений в политических настроениях избирателей, повышения их оппозиционности. Министерский кризис еще больше сплотил активную часть электората 2-й курии вокруг кадетов, традиционно побеждавших на московских выборах. Их привычная критика курса Столыпина и деятельности III Думы оказалась очень злободневной. Октябристам не удалось укрепить свои позиции во 2-й курии: сыграли свою роль и неудачный выбор кандидатуры, и внутрипартийный кризис, и отставка А. И. Гучкова с поста спикера. Фактически вопрос стоял уже о том, сохранят ли они второе место или уступят его социал-демократам.

¹ *Меньшиков М.* Потеря Москвы // Новое время. 1911. 23 марта.

ВЛАДИМИРСКИЕ МОНАРХИСТЫ В ЧЕТВЕРТОЙ ДУМСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

ОМЕЛЬЯНЧУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор
Владимирского государственного университета,
Владимир, Россия;
e-mail: omeliyanchuk@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается участие монархистов Владимирской губернии в четвертой думской избирательной кампании. Несмотря на то, что в целом монархическое движение в стране переживало определенный спад, владимирские монархисты сумели на этих выборах одержать убедительную победу. Под их знаменами в Государственную думу прошли два правых (Б. А. Голицын и Н. Г. Марков), националист (П. В. Тарутин) и близкий к правым октябрист Н. Н. Сомов. Оппозиция смогла провести всего двух своих кандидатов. Монархисты по-прежнему уступали своим оппонентам на информационном поле: они не смогли представить привлекательную для масс предвыборную программу, а количество и качество их повременных изданий на несколько порядков уступало оппозиционной печати. Но губернские сторонники самодержавия впервые сумели выставить в качестве кандидатов в выборщики достаточное количество представителей цензовых классов, что и стало залогом их победы, так как избирательный закон 3-го июня давал цензовикам значительные электоральные предпочтения.

Ключевые слова: Владимирская губерния, правые партии, монархисты, IV Государственная дума, избирательная кампания.

Губернские правые подошли к четвертой избирательной кампании в «разобранном» состоянии: их силы существенно ослабил раскол Союза русского народа (СРН) на «дубровинцев» и «обновленцев», затронувший и местные организации. Поэтому единства по вопросу о действиях на думских выборах в лагере монархистов не было. Если лидеры обновленческого Союза русского народа (СРН), Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) и Всероссийского национального союза (ВНС) пошли на известный компромисс с целью объединения усилий в предвыборной борьбе, то Главный Совет Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН) накануне выборов разослал местным организациям циркуляр, в котором содержался призыв не вступать в блоки с «опасными лицами», к каковым, наряду с революционерами и кадетами, были также отнесены октябристы и даже националисты. «Никакие соглашения с ними не допустимы», — говорилось в этом документе¹.

Кроме того, правые во Владимирской губернии фактически потеряли свою последнюю газету — «Ивановский листок», ранее поддерживавшую Иваново-Вознесенскую самодержавно-монархическую

¹ ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

партию (ИВСМП), с 1906 г. на правах отдела СРН. На выборах в IV Думу газета заняла неожиданную для монархистов позицию, агитируя за блок октябристов с умеренно-правыми. А СРН и ВДСРН она вообще сбросила со счетов, доказывая, что на выборах предстоит борьба «между двумя партиями — кадет и октябристов вместе с умеренно правыми». Свои симпатии «Ивановский листок» выражал предельно ясно: «...все те „люди“, которые занимают общественные должности, пожалуй, примыкают к октябристам. Кандидатами в выборщики они поставили людей старых, владимирских фамилий, известных своей стойкостью убеждений, честностью...». А именно: в г. Владимире по 1-й курии «Союз 17 октября» выставил М. П. Бабушкина, Н. Н. Сомова и В. М. Тарасова, по 2-й — А. П. Виноградова и В. А. Златовратского¹. Последний, вероятно, представлял в этом списке умеренно-правых, будучи октябристом со стажем, но всегда симпатизировавшим Союзу русского народа.

Не имея во Владимире ни собственных достойных кандидатов, ни возможности повлиять на исход борьбы в 1-й городской курии, правые сосредоточили свои усилия на 2-й, выставив в ней священника П. В. Ильинского². Однако успеха добиться не удалось. При этом активность владимирских городских избирателей явно оставляла желать лучшего: «По 1-му отделению 2-го городского съезда... из 604 избирателей на выборы пришло 204»³.

По землевладельческой курии кандидатом от монархистов был выставлен председатель губернского отдела обновленческого СРН В. М. Карякин. На предварительный съезд мелких землевладельцев «явилось 14 неполноцензовых избирателей» из 87 внесенных в списки. В. М. Карякин сумел пройти лишь первый этап выборов, получив 10 голосов «за» и 3 «против»⁴. Тем не менее, от уездных землевладельцев был избран А. А. Протасьев, ранее весьма близкий к СРН⁵, ныне же числившийся председателем созданного в начале мая 1911 г. Владимирского отдела умеренно-правого Всероссийского национального союза⁶. Правда, отдел этот, и в лучшие времена насчитывающий в своих рядах не более десятка членов, уже более полугодом ничем не напоминал о своем существовании, проведя последнее собрание 2-го февраля 1912 г.⁷

В Шуйском уезде избирательная кампания в IV Думу также началась весьма вяло. В феврале 1912 г. уездный исправник сообщал: «Никакой активной деятельности партий по подготовке к выборам в Государственную

¹ Ивановский листок. 1912. 28 сентября.

² Старый Владимирец. 1912. 8 сентября.

³ Ивановский листок. 1912. 6 октября.

⁴ Старый Владимирец. 1912. 16 сентября.

⁵ В феврале 1906 г. при создании Владимирского отдела СРН кандидатура А. А. Протасьева даже выдвигалась на пост председателя, и только после его отказа на эту должность избран был В. М. Карякин. См.: Клязьма. 1906. 16 февраля.

⁶ Старый Владимирец. 1911. 3 мая; Старый Владимирец. 1911. 11 ноября.

⁷ Старый Владимирец. 1912. 2 февраля.

Думу не замечается»¹. Однако уже в апреле председатель Шуйского Союза русских православных людей (ШСРПЛ), с 1906 г. на правах отдела СРН, М. К. Петров «заручился согласием представителей таких же союзов в гор. Шуге, Коврове и Кинешме на устройство в мае месяце предвыборных собраний»². «Старый Владимирец» признавал: «Предвыборная агитация в г. Шуге ведется только союзниками» (членами Шуйского Союза русских православных людей — отдела СРН), добавляя при этом, что «широковещательные» афиши, «приглашавшие обывателей г. Шуи от союза русских людей в г. Шуге и самодержавно-монархической партии в г. Иваново-Вознесенке явиться 14 сентября на предвыборные собрания», были составлены «удивительно безграмотно»³.

Кандидатом от ШСРПЛ был утвержден его председатель М. К. Петров⁴. Однако иваново-вознесенские монархисты, памятуя прошлые электоральные неудачи и скандальную репутацию М. К. Петрова, на этот раз решили отказать ему в поддержке, сделав ставку на собственных кандидатов⁵. А так как «на прошлых выборах в Государственную думу союзник Петров собрал что-то около 30 голосов в г. Шуге» (Иваново-Вознесенск дал ему тогда более 300), то «Старый Владимирец» считал шансы на успех М. К. Петрова ничтожными⁶. Кроме того, губернатор И. Н. Сазонов запретил печатать в губернской типографии листовки ШСРПЛ, хотя Шуйский исправник сообщил, что «данные объявления представляют точную копию с такого же предвыборного воззвания во II Государственную думу», а «тогда объявление не встретило каких-либо препятствий к распространению»⁷.

В Иваново-Вознесенске 1-го июля на собрании ИВСМП священник А. Охотин, охарактеризовав деятельность предыдущих Дум как антигосударственную, заявил, что «4-я Дума должна быть чисто русская и состоять из русских православных людей», которые на предстоящих выборах «должны сплотиться и не быть такими халатными, как были раньше»⁸. Тем не менее, в июле «Старый Владимирец» писал, что в Иваново-Вознесенске «наблюдается небывалое равнодушие избирателей к выборам в государственную Думу»⁹. Даже 7-го сентября, за три недели до выборов, газета утверждала, что в Иваново-Вознесенске «какой-либо предвыборной кампании не наблюдается» вообще¹⁰.

¹ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 871. Л. 22.

² Ивановский листок. 1912. 25 апреля.

³ Старый Владимирец. 1912. 20 сентября.

⁴ Ивановский листок. 1912. 25 сентября.

⁵ Ивановский листок. 1912. 25 апреля.

⁶ Старый Владимирец. 1912. 25 сентября.

⁷ Рубанков К. С. Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 — февраль 1917 гг. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): Дис. ... к. ист. н. Кострома, 2007. С. 127.

⁸ Ивановский листок. 1912. 4 июля.

⁹ Старый Владимирец. 1912. 10 июля.

¹⁰ Там же. 7 сентября.

ИВСМП выставила по 1-й городской курии местного купца А. В. Константинова, являвшегося на тот момент членом комитета ШСРПЛ (не иначе как в пику М. К. Петрову), по 2-й — священника А. Охотина и торговца Н. И. Куражева¹. Правда, спустя несколько дней в предвыборном обращении ИВСМП осталось только две фамилии — Константинов и Охотин²; В. И. Куражеву, вероятно, припомнили его реверансы в сторону октябристов. Кроме того, главная «ударная сила» партии на предыдущих выборах — беспартийный фабрикант П. Н. Дербенев — теперь баллотировался от октябристов³.

Однако ко дню выборов ситуация несколько поменялась: «Близость выборов заметно разбудила обывателя от его „гражданской“ спячки: стали появляться слухи, намеки и т. п. признаки современной предвыборной „агитации“!» Правда, признавала газета, «некоторое оживление проявляют» только «партии флангов — Союз русского народа и прогрессисты, стоящие левее некогда существовавшего здесь „блока конституционных партий“. Центр, или, выражаясь точнее, сам „блок“ — молчит!»⁴.

Монархисты не строили иллюзий по поводу результатов предстоящих выборов. Лидеры ИВСМП ожидаемую неудачу объясняли отказом от популизма в предвыборной агитации: «Мы, правые, не рассчитываем теперь, за несколько недель или даже дней до выборов... на массовый прилив голосов рабочего люда в поддержку кандидатов правого направления — не зазываем вас... в свою политическую лавочку»⁵. Священник А. Охотин во всем винил низкую политическую активность монархистов: «Кадетствующие... на выборы явятся в полном составе, чего трудно ожидать от хладнокровных монархистов»⁶.

Выборы подтвердили опасения правых, в очередной раз продемонстрировав их электоральную слабость в Шуйском уезде. По 1-й курии потребовалась перебаллотировка, в результате которой избранными оказались два прогрессиста — врач Можжевитин (140 голосов) и инженер Ауэр (109 голосов). Кандидат от правых А. В. Константинов занял третье место, получив 68 записок⁷. Выборщиком по 2-й курии стал врач больницы чернорабочих кадет А. П. Иванов, получивший 313 голосов в Шуге и 605 в Иваново-Вознесенске. А. Охотин стал «бронзовым призером» (32 и 218 голосов соответственно), М. К. Петров — лишь шестым с 19 голосами (на предыдущих выборах, напомним, он набрал 331 голос). Интересно, что П. Н. Дербенев, перейдя к октябристам, получил в Иваново-Вознесенске по 2-й курии всего 2 голоса⁸.

На выборах уполномоченных от рабочих правым также не сопутствовал успех: из 24 избранных (в одном случае выборы не состоялись) только двое

¹ Старый Владимирец. 1912. 11 сентября.

² Ивановский листок. 1912. 26 сентября.

³ Старый Владимирец. 1912. 28 сентября.

⁴ Там же. 26 сентября.

⁵ Там же. 16 сентября.

⁶ Там же. 28 сентября.

⁷ Там же. 1912. 9 октября.

⁸ Ивановский листок. 1912. 3 октября.

оказались монархистами — В. И. Кувальцев (от завода братьев Константиновых) и Н. Г. Беркольцев (от типографии Соколовых)¹. Остальные — левые². Несколько подсластила пилюлю победа «правого» священника села Тейково П. И. Виноградова, прошедшего в выборщики от духовенства³.

В Коврове правые начали избирательную кампанию еще весной. 15-го апреля состоялось предвыборное собрание, на которое «пришло человек 20 во главе с предводителем дворянства Н. В. Култашевым, торговцем мебелью г. Сазоновым... и священником о. Н. А. Преображенским». Уездный предводитель в своем выступлении «доказывал необходимость полицейского воздействия на население, для того чтобы прошли на выборах союзники, говорил о необходимости просить об этом воздействии, просить, чтобы не допускались никакие предвыборные собрания, кроме союзнических. Далее Н. В. Култашев указывал, что надо просить священников, чтобы они с амвона воздействовали на прихожан подавать голоса на выборах за союзнических кандидатов». В свою очередь священник Н. А. Преображенский «высказал ту мысль, что надо просить предводителя, чтобы он употребил все усилия к тому, чтобы восторжествовали на выборах союзнические кандидаты». Их спор разрешил Г. М. Сазонов, который, «возражая г. Култашеву и о. Преображенскому, указал, что в предвыборной агитации могут участвовать не только священники и предводители, но и все „истинно-русские“ люди». Однако оба спорщика тут же стушевались: «Н. В. Култашев указал на свой престарелый возраст, мешающий принять энергичное участие в предстоящей предвыборной кампании, а о. Н. А. Преображенский — на обремененность своими прямыми обязанностями»⁴.

Ближе к выборам часть ковровских монархистов во главе со священником И. Парвицким попыталась создать в Коврове отдел Русского народного Союза им. Михаила Архангела, внеся тем самым раскол в доселе сплоченные ряды уездных правых. Кандидатом в выборщики от новой организации был намечен ее председатель — И. Парвицкий⁵. Однако дальше проектов дело не продвинулось.

На выборах по 1-й городской курии в Коврове борьба уже традиционно развернулась между кандидатом от СРН А. А. Апариным и его соперником из прогрессивного лагеря. На выборах в IV Думу в качестве такового выступил врач В. А. Лебедев. Так же по традиции победил А. А. Апарин, набравший 40 голосов. В пользу его оппонента было подано 37 записок. Явка избирателей была очень низкой, на выборы пришел всего 61 человек⁶. От уездных землевладельцев были избраны только правые кандидаты: священник с. Лежнева Д. И. Капацкий, св. с. Воскресненского В. В. Крылов и земский начальник Н. М. Маньков⁷. По 2-й городской

¹ Ивановский листок. 1912. 18 сентября.

² Старый Владимирец. 1912. 20 сентября.

³ Там же. 28 сентября.

⁴ Там же. 22 апреля.

⁵ Там же. 20 сентября.

⁶ Там же. 29 сентября.

⁷ Там же. 10 октября.

курии и при выборе уполномоченных от волостей правые потерпели поражение, уступив оппозиционным кандидатам — врачу М. А. Воинову и торговцу из с. Лежнева А. Д. Симонову соответственно¹. Но в целом эту избирательную кампанию ковровские правые, проводившие 4 из 6 кандидатов в выборщики, вполне могут занести себе в актив.

Успех ждал монархистов и в Юрьеве-Польском, где два правых выборщика прошли от землевладельцев (князя А. Б. и Б. А. Голицыны), один по городской курии — городской голова Ганшин² (однако, его «правизна» вызывает некоторые сомнения, так как на выборах во вторую Думу он значился мирнообновленцем³), а от духовенства был избран бывший член II Думы националист А. Г. Знаменский⁴. В Гороховецком узде от съезда землевладельцев избраны только правые кандидаты — неперенный член губернского присутствия А. А. Бурмин, земский начальник Н. А. Бурмин и член губернской земской управы Ф. К. Пришлецов⁵. В Александрове выборщиками также стали два правых — генерал-майор Красюк и священник Соколов⁶. В Вязниках правыми считались оба выборщика от землевладельцев — фабрикант А. Ф. Малинин и присяжный поверенный В. А. Гвоздев⁷, от духовенства также избран монархист — протоиерей Вязниковского Казанского собора В. М. Орлов⁸. В Суздале прошли два правых выборщика — священник Н. И. Сперанский, позиционируемый «Старым Владимирцем» как примыкающий к умеренно-правым⁹, и городской голова М. А. Головашкин¹⁰ (правда, спустя два дня «Старый Владимирец» уже называл М. А. Головашкина октябристом¹¹). В Муроме в выборщики также прошел правый — городской голова И. П. Мяздриков¹², кроме того, от духовенства все избранные, «по-видимому, из правых, так по крайней мере о них отзываются у нас в Муроме», — писала либеральная пресса¹³.

Следует отметить, что «Старый Владимирец» в этой избирательной кампании достаточно произвольно толковал понятие «правые», включая в него и октябристов. Но такое объединение имело под собой достаточные основания, так как на губернском избирательном собрании собственно правые объединились с «партийными октябристами» в группу, насчитывавшую 27 человек. К ним присоединились 9 правых крестьян и 13 священников. Этот блок, насчитывающий 49 человек, получил

¹ Старый Владимирец. 1912. 11 октября.

² Там же. 1912. 28 сентября.

³ Ковровские вести. 1907. 4 февраля.

⁴ Старый Владимирец. 1912. 18 сентября.

⁵ Там же. 29 сентября.

⁶ Там же.

⁷ Там же. 28 сентября.

⁸ Там же. 29 сентября.

⁹ Там же. 30 сентября.

¹⁰ Там же. 28 сентября.

¹¹ Там же. 30 сентября.

¹² Там же. 11 октября.

¹³ Там же. 20 сентября.

большинство. Им противостояла левая группа в составе «12 прогрессистов, 18 кон.-дем. и 10 крайне левых, всего 40 голосов».

Правый блок наметил кандидатами «крестьянина Тарутина, землевладельца князя Голицына, по 1-й городской — Сомова, по 2-й городской в последний момент отыскивали Маркова [инженера-механика Меленковской мануфактуры, — *И.О.*], — и за проведение этих четырех депутатов обещали священникам 6-е место (от рабочих депутат проходил по их выбору)».

Несмотря на наличие у монархистов большинства, выборы для них проходили достаточно сложно. Только по двум куриям им удалось одержать победу «за явным преимуществом». В землевладельческой курии соперники правого кандидата Б. А. Голицына вообще отказались от участия в выборах, и князь баллотировался единолично, набрав 47 голосов, обеспечивших ему прохождение в Думу. По 1-й городской курии также без труда победил близкий к правым октябрист Н. Н. Сомов, получивший 48 записок¹.

В выборы по рабочей курии правые не смогли вмешаться — победил социал-демократ Ф. Н. Самойлов². Монархические идеи утрачивали популярность в пролетарской среде, к тому же многие рабочие просто проигнорировали выборы. Так «на выборах уполномоченных от рабочих на фабрике гг. Балиных в с. Юже», где имелся отдел СРН, «из 7000 рабочих на собрание явилось только 70 человек»³.

По крестьянской курии в противовес правому кандидату П. В. Тарутину левые выставили сразу троих — крестьянина с. Ступина Шуйского уезда Борисова, торговца из с. Лежнева Ковровского уезда Симонова и волостного старшину с. Александрова Судогодского уезда Голикова (редкий случай, когда волостной старшина оказался в лагере оппозиции). Однако материальные блага, даваемые статусом члена Государственной думы, побудили еще 7 (!) крестьян выставить свои кандидатуры. Среди них были и члены правого блока, в результате чего последний утратил большинство. По этой причине П. В. Тарутин был проведен только при повторной баллотировке относительным большинством в 40 голосов. Его оппонент из лагеря оппозиции Голиков уступил ему лишь один голос. «Старый Владимирец» утверждал, что П. В. Тарутин победил только потому, что «один из прогрессистов по ошибке положил своему кандидату налево» (т. е. проголосовал «против»).

При выборах по 2-й городской курии «большинство правого блока снова распалось на Н. Г. Маркове, о котором недостаточно сговорились, поэтому по этой курии оппозиция провела А. А. Эрн относительно голосованием». Первая баллотировка дала Н. Г. Маркову 41 голос, А. А. Эрну — 42. В результате перебаллотировки кандидат от оппозиции набрал 45 голосов, чего было достаточно для победы.

А вот выборы кандидата от общего съезда вновь, хотя и не без проблем, принесли успех правым. Монархисты намеревались отдать это место священнику Сперанскому. Но ему, «по слухам, изменили крестьяне и даже священники». К этому моменту у правого блока из 49 имевшихся изначально

¹ Старый Владимирец. 1912. 11 октября.

² Там же.

³ Там же. 16 сентября.

голосов осталось всего 32. «Произошло это потому, что не все правые голосовали за священников, и что из самих священников оказалось желающих пройти человек 8, и все они клали налево друг другу, и только при вторичном голосовании, когда св. Сперанский и фабрикант Никитин (октябрист) получили по 32 голоса, а прогрессист Голубев — 33 голоса, правые опять объединились на том же Маркове... и он получил 42 голоса и оказался выбранным». Успеху правых способствовал раскол в рядах оппозиции, от которой «отделились крайне левые, проводившие своих кандидатов»¹.

Таким образом, в этой избирательной кампании правые несомненно добились успеха: членами Думы стали два правых (Б. А. Голицын² и Н. Г. Марков³), националист (П. В. Тарутин⁴) и близкий к правым октябрист Н. Н. Сомов⁵. Правда, вскоре после победы правые депутаты поспешили заявить об умеренности своих позиций. Депутат Н. Г. Марков, о котором «Старый Владимирец» писал, что он, «сын неукротимо правого отца» (известного инспектора народных училищ в Московской губернии), сам по поводу своей партийности сказал следующее: «Я не правый и не националист. Скорее ближе к октябристам. Но во всяком случае беспартийный»⁶. В Думе же Н. Г. Марков вошел во фракцию октябристов⁷. А. Б. Голицын также заявил: «Я не крайний правый... крайние правые — Пуришкевич, Марков [Н.Е.], которые кричат, шумят. Я просто правый»⁸.

Таким образом, собственно правых в четвертой Думе представлял только один депутат — Б. А. Голицын. Однако три владимирских депутата, оказавшиеся на скамьях националистов, в Думу прошли под правыми знаменами. Таким образом их успех можно записать губернским монархистам в актив.

В первых трех думских избирательных кампаниях на пути правых к победе стояли отсутствие привлекательной избирательной платформы (монархисты не могли обещать своим сторонникам немедленных позитивных преобразований), слабость и малочисленность монархической повременной печати, заметно уступавшей оппозиции как по количеству, так и по качеству изданий, и наконец, в-третьих — отсутствие в рядах правых «интеллигентных сил». Если первые две проблемы правым так и не удалось решить, то в четвертой думской избирательной кампании монархисты уже не испытывали дефицита в представителях цензовых классов для выдвижения в качестве кандидатов в Государственную думу, что и обусловило их электоральный успех.

¹ Старый Владимирец. 1912. 11 октября.

² Николаев А. Б. Голицын Борис Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 133.

³ Николаев А. Б. Марков (Марков 3-й) Николай Гурьевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 357.

⁴ Николаев А. Б. Тарутин Петр Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 605–606.

⁵ Николаев А. Б. Сомов Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 570–571.

⁶ Старый Владимирец. 1912. 6 ноября.

⁷ Николаев А. Б. Марков (Марков 3-й) Николай Гурьевич. С. 357.

⁸ Старый Владимирец. 1912. 6 ноября.

ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПОЛЬСКАЯ ПРЕССА О ВЫСТУПЛЕНИИ РОМАНА СКИРМУНТА ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ В I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 16 МАЯ 1906 г.

ЮРКОВСКИЙ РОМАН ЯНОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой Всемирной истории

Института истории

Варминско-Мазурского университета в Ольштыне,

Ольштын, Польша;

e-mail: roman.jurkowski@uwm.edu.pl

ORCID-0000-0002-3424-0307

Аннотация: В статье представлено отношение польской прессы к выступлению Р. Скирмунта в Первой Государственной думе 16 мая 1906 г. о принудительном отчуждении помещичьей земли. Депутат Пинского уезда Минской губернии категорически выступил против основных положений кадетского аграрного проекта, известного как «проект 42». Таким образом в Государственной думе начались бурные дебаты по аграрному вопросу. Оценка выступления Скирмунта в прессе явно зависела от политической направленности конкретных журналов. В консервативных газетах хвалилось мужество депутата, который не колеблясь выступал против настроений Думы, требующих «земли и воли». Прогрессивные и социалистические газеты критиковали его неприязнь к принципу принудительной экспроприации. Р. Скирмунт, а до этого и граф Юзеф Потоцкий, был первым депутатом Первой Государственной думы, публично выступившим против принципа принудительного отчуждения частной помещичьей земли.

Ключевые слова: принудительное отчуждение земли, кадетский аграрный проект, речь против экспроприации, отношение польской прессы.

Польский послевоенный историк, перу которому принадлежит первая монография, посвященная Польскому колу в I, II и III Государственной думе, Зигмунт Лукавский (Zygmunt Łukawski) так выразился об земельном вопросе в I Думе: «Не было тогда в России более важной проблемы, которая бы больше всего бурлила мысли и вызывала горячие дискуссии

<...> как аграрный вопрос»¹. Не могли ее обойти и оба Польские коло I Думы, т.е. Польское коло депутатов Царства Польского и парламентская группа Западных окраин, именуемая также Колом депутатов поляков из западных губерний. В дискуссиях о способах ликвидации крестьянского земельного голода путем принудительного отчуждения были подготовлены гораздо лучше депутаты из западных губерний по той причине, что только двое из 18 его членов были крестьянами, два священника (в том числе епископ, принадлежавший к земельному дворянству, — барон Эдвард Ропп), остальные были польскими потомственными дворянами. Даже Александр Ледницкий (Aleksander Lednicki), один с лидеров партии кадетов, был ярким противником принципа принудительного отчуждения частной собственности, а ведь вокруг этого происходила главная политическая битва в короткой жизни I Думы.

Для польских депутатов из западных губерний важнейшей задачей во всей их деятельности в I Думе было не допустить принятия принципа принудительной экспроприации частных помещичьих земель. С другой стороны, когда речь шла о насильственном отчуждении имущества церкви, государства или царского дома, эти депутаты не высказывали никаких оговорок. Что касается земельного имущества царской семьи, то это было несколько лицемерно, потому что имения, принадлежавшие лично, например царю Николаю II, также были его частной собственностью, как и собственность Романа Скимунта или графа Юзефа Потоцкого.

Депутаты из группы Западных окраин четко сформулировали свою точку зрения по этому поводу уже во время обсуждения ответа Думы на тронное выступление. Самым большим эхом в польской прессе в то время было выступление волынского депутата графа Юзефа Потоцкого 2 мая 1906 г. Ссылаясь на Волынскую губернию, он сказал: «Там культура высока, и я думаю, что если будут розданы все частные земли между крестьянами, они потеряют половину дохода и заработка, который они имеют теперь. Я готов с цифрами в руках доказать перед какой угодно комиссией, что такой социальный переворот уменьшил бы на половину годовой заработок самого крестьянства, даже при увеличении теперешнего их надела. Разрешение аграрного вопроса в несколько строк, одной общей формулой для всего государства, является для меня большим нарушением норм общественного и экономического строя, и практическое осуществление такого переворота повело бы к обеднению всех, к полному, ужасному банкротству государства. Не следует обманывать самих себя, бросать опасные лозунги государству и родине»².

С графом Ю. Потоцким полемизировал депутат Алексей Аладьин, лидер Трудовой группы, который, по сообщению «Kurier Litewski», встретился

¹ Łukawski Z. Koło Polskie w rosyjskiej Dumie Państwowej w latach 1906–1909. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. S. 33.

² Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 82. В польской прессе пространно это выступление прокомментировал «Kurier Litewski»: L. Przemówienie hrabiego Potockiego // Kurier Litewski. № 105. 11 (24) V 1906.

в кулуарах Думы с Ю. Потоцким и поговорил с ним на английском языке о принудительной экспроприации. Граф Потоцкий пригласил его в свои имения на Волыни, чтобы показать ему, как там ведется хозяйство, и если А. Аладьин назовет это бесхозяйственностью, то «пусть он приговорит меня к принудительному отчуждению земли», — сказал Ю. Потоцкий¹.

Второй польский парламентский клуб в Думе, объединяющий поляков из Царства Польского, находился под руководством национальной демократии. Начав свою деятельность в российском парламенте, Польское коло не имело никакой конкретной аграрной программы. Предполагалось, что этот вопрос будет решаться местными автономными органами, и именно приобретение такого статуса Царства является главной задачей членов Польского коло. Тем не менее, было сочтено целесообразным принять участие в дискуссии при обсуждении реакции Думы на тронную речь. Определенный Польским коло крестьянский депутат Юзеф Наконечный 3 мая 1906 г. сказал: «Мы, депутаты от Царства Польского, находим, что надлежащее решение аграрного вопроса у нас возможно не иначе как тем способом и на тех началах, которые будут определены органами местного самоуправления и представительным законодательным собранием края»². Позиция Польского коло по аграрному вопросу претерпела частичные изменения оглашении 8 мая 1906 г. кадетами своей аграрной программы — так называемый «проект 42». Поляки, принимая ее с оговорками, рассчитывали на поддержку со стороны кадетской партии в получении автономии для Царства Польского. В результате они ничего не получили, а лишь ухудшили свои отношения с польскими землевладельцами из группы Западных окраин.

Одним из наиболее видных ораторов в этой группе был минский депутат Роман Скирмунт из Пинского уезда, где в своем родовом поместье Поречье владел хорошо управляемыми земельными угодьями и, прежде всего, различными заводами деревообрабатывающей промышленности³. Он выступил в I Думе в ходе обсуждения вопроса о выборе и численности комиссии для решения аграрного вопроса в России. Выступление Р. Скирмунта вызвало аграрные дебаты в I Думе, несмотря на то, что «проект 42» вообще не прошел парламентскую процедуру, так как для его рассмотрения

¹ Выступление графа Ю. Потоцкого было прокомментировано также в российских консервативных и аристократических кругах. Постоянный корреспондент варшавской газеты «Слово» привел следующее выражение одного, к сожалению, не названного по имени, российского князя: «Во всем парламенте оказался только один человек, который имел смелость выступить в защиту [частной] собственности — как досадно, что это поляк» (*Wuk [Wincenty Kosiakiewicz]. Znad Newy. W okolo parlamentu // Slovo. № 148. 2 VI 1906*).

² Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 132.

³ *Смалянчук А.* Раман Скірмунт (1868–1939): жыццiя і грамадзянiна краі. Мiнск, 2018. С. 59–126. В этой, пока единственной обширной биографии Р. Скирмунта, известный белорусский историк приводит весь текст выступления от 16 V 1906 г. и делает его анализ (там же. С. 157–162).

сначала надо было создать комиссию, а затем она должна была составить свое собственное предложение по аграрному вопросу и представить его Думе, и только после этого должны были начаться парламентские прения.

В своей речи 16 мая 1906 г. Р. Скирмунт подверг резкой критике аграрный проект кадетской партии. В ней он поднял следующие вопросы:

1. Реализация «проекта 42» приведет к ликвидации частной собственности на землю: «если все те предложения, которые заключены в этом заявлении, будут приняты, то крупное и среднее землевладение будет упразднено. <...> также в некоторых других случаях разрешается отчуждение даже мелких участков земли. Словом, если бы законопроект был разработан на основании заявления, то из прежней частной собственности не осталось бы ровно ничего».

2. Создание государственного земельного фонда из экспроприированных хозяйств не означает, что владельцами земли станут новые собственники: «Местные землевладельцы были бы замещены миллионами новых счастливых собственников? Вовсе нет. Единственным наследником <...> было бы государство. Все земли поступили бы в государственный земельный фонд. Опять благодать для бюрократии, Эльдorado».

3. Аренда земли в свете кадетского проекта вовсе не делает арендатора собственником: «<...> земли будут отдаваться казной в аренду на известный срок 10–12 лет <...> не в собственность, все наследственные права будут безусловно исключены».

4. Предоставление перемещенным лицам остальной части нераспределенной земли будет, особенно в центральных губерниях, вызывать дальнейшие социальные конфликты: «Не следует устраивать переселенческой проблемы во внутренних губерниях России со сравнительно значительным населением <...> Через несколько лет эти земли будут необходимы местному населению, между тем, они могут быть заняты переселенцами».

5. Такие действия, как всеобщая экспроприация по всей стране, требуют больших финансовых ресурсов, а у России их нет: «ведь будут отчуждены сплошь и рядом все земли, находящиеся под усадьбами, промышленными заведениями <...> все это требует громаднейших финансовых средств и расходов: откуда взять?»

6. Он также спросил: а как же требования безземельных, городских пролетариев и безработных фабрично-заводских рабочих? Они тоже могут выступить с требованиями об экспроприации домовладельцев и фабрик: «останутся рабочие, останется и бедное городское население. Они тогда предъявят иском к имущим классам <...>. И это требование будет вполне справедливо».

7. Или при осуществлении «проекта 42» не толкаем ли мы государство в новую авантюру на подобие войны с Японией?: «... не толкнем ли мы страну в новую экономическую и социальную авантюру, еще более опасную в своих последствиях, чем все те, которые мы уже пережили»¹.

¹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 409–411.

Роман Скирмунт был хорошим оратором, что несомненно было результатом многолетних выступлений и дискуссий на общих собраниях Минского сельскохозяйственного общества. Прежде всего, он говорил громким голосом, что было очень важно в большом зале пленарных заседаний Таврического дворца. Обратил на это внимание Винсент Косякевич (Wincenty Kosiakiewicz), парламентский корреспондент варшавского «Słowa»: «Прежде всего голос. Для больших залов. Это выступающий, для которого нет плохой акустики. Сразу же опадают руки, к уху приложенные слушателями, сидящими дальше. Слышно каждое слово, каждую интонацию в каждом углу. Докладчик говорит приподнятым голосом, но как только этот голос поднимается, он говорит все время с полной свободой, без каких-либо усилий. Говорит решительно, с убедительной ровностью. Словом, оратор»¹. Тот же корреспондент охарактеризовал форму выступления как: «ничего изумительного. Нет игры на чувствах или нервах, а тем более на популярных лозунгах или господствующих настроениях. Выступающий предельно конкретный и очень опасный: готов склонить к раздумьям самого скептического слушателя; в наименее ожидаемом месте чувствовалось в нем, что хочет выиграть самыми простыми и обычными средствами»².

Уже во время выступления крестьянские депутаты громко комментировали слова Р. Скирмунта, иронично выражаясь на некоторые формулировки. Когда речь подошла к концу, были слабые аплодисменты со скамейки, которые занимали польские депутаты из западных губерний, в то время с верхних рядов послышались громкие призывы к «тсс...тсс» для того, чтобы заставить замолчать любые признаки поддержки в виде аплодисментов со стороны некоторых членов, которые хотели вознаградить Р. Скирмунта. Вот как описала эту сцену кадетская «Речь»: «Во время речи г. Скирмунта, которую он произнес с сильною экспрессией и в тоне глубокой убежденности, по рядам депутатских кресел, особенно среди крестьян <...> несколько раз проходил не очень впрочем явственный шум неудовольствия и слышались иронические замечания. Когда же оратор кончил и кем-то из его земляков и друзей по партии была сделана слабая попытка выказать ему одобрение, то из всех верхних рядов послышались звуки „тсс...“, приглашавшие не выражать одобрения»³.

¹ Wuk [Wincenty Kosiakiewicz]. Pan Roman Skirmuntt, poseł miński. Z galerii sylwetek parlamentarnych. Petersburg 30 maja // Słowo. № 148. 2 VI 1906.

² Там же.

³ Речь. 1906. 19 мая. То, что слышал и видел журналист «Речи», совершенно ускользнуло от репортера варшавского «Слова». Корреспондент варшавской газеты раскритиковал польских депутатов за то, что они «позволили без единого аплодисмента уйти великому польскому оратору, так мужественно защищающему польские интересы». Кроме того, он объяснил эти «шикания» крестьянских депутатов во время выступления только их недовольством словами Р. Скирмунта, а не тем, что, кроме того, после выступления они хотели замолчать дальнейшие аплодисменты для депутата из Минска (Wuk [Wincenty Kosiakiewicz]. Pan Roman Skirmuntt).

Такое поведение парламентариев-трудовиков вызвало реакцию председателя Думы Сергея Муромцева, видного политика, который пользовался большим авторитетом среди всех членов I Государственной думы (он был избран председателем 426 голосами против 10). Заявление С. А. Муромцева стоит привести в полном объеме согласно стенографических отчетов, поскольку оно продемонстрировало не только его личный высокий уровень парламентской культуры, но и его большое внимание к принципам парламентской этики. К тому же, это было первое в истории Думы такое прямое замечание председателя о неправомерных действиях депутатов: «Прошу прощения, что в качестве председателя я позволяю сказать себе следующее: авторитет законодательного учреждения, каковым является Государственная дума, стоит высоко и может стоять высоко только при условии, что все члены Государственной думы имеют возможность высказывать свободно свое мнение, именно потому, что Дума выслушивает все мнения и, выслушав их, постановит свое решение большинством голосов, именно потому, что решение последует после выслушивания всякого рода мнений, это решение приобретет особой авторитет, и про него нельзя будет сказать, что решение сказано под односторонним влиянием и т. д. Поэтому я вас прошу, усерднейше прошу, воздерживаться от знаков неодобрения. Эти знаки неодобрения всегда ораторов смущают. Можно не одобрять дурной поступок, если только допустить, что кто-нибудь из нас способен на такой поступок, но не одобрять взгляды, которые высказываются членами Государственной думы, по долгу совести, мне кажется, не следует. Прошу извинения, что я позволил себе это сказать ... (Аплодисменты)»¹.

Реакция прессы на выступление Р. Скирмунта была очень широкой, главным образом потому, что она была первой и, кроме того, выступала не только против самого аграрного проекта кадетов, но и, прежде всего, против общего настроения I Думы, содержащихся в лозунге «земля и воля»². Было понятно, что будь то газета или другое печатное издание, критиковали или хвалили выступления Р. Скирмунта в зависимости от их политической ориентации и редакционных взглядов.

Консервативный краковский «Czas», имея своего специального корреспондента в Думе, не упомянул отдельно речи Р. Скирмунта. Однако

¹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 411. Репортер «Речи» дополнил и от себя: «Единодушный взрыв дружных аплодисментов всей палаты покрывает заключительные слова председателя. Вся палата, несомненно, с глубоким уважением относится к своему избраннику. Не раз приходилось слышать, как крестьянские депутаты с нескрываемой гордостью любовно отзывались о своем председателе» (Государственная дума. Заседание 16 V по аграрному вопросу // Речь. 1906. 19 мая).

² После публикации выступления в российской прессе Р. Скирмунт получил много телеграмм от российских землевладельцев. Варшавское «Слово» сообщало в своих корреспонденциях из Петербурга: «Скирмунт получает множество телеграмм от российских аграриев. Между прочими телеграммы прислали: граф Бобринский и князь Мещерский» (Słowo. № 147. 1 VI 1906).

он указал на реакцию палаты, когда докладчик завершил свое выступление словами: «Хочет ли Дума подтолкнуть страну к новому социально-экономическому положению, которое было бы еще хуже [чем война с Японией. — Р.Ю.]. (Длительные возгласы и свист¹). Председатель заявляет, что он не должен позволять членам Думы выражать свое недовольство таким образом. Предназначение парламента заключается в том, что мнение каждого должно быть услышано (Продолжительные аплодисменты)»². Этот же корреспондент накануне заявил, что «вокруг аграрного вопроса в Думе господствует гипноз», и, к сожалению, признал, что «гипноз есть и в наших головах. В обоих польских клубах есть люди, которые считают „демократизацию земли“ законным, необходимым и „священным принципом“ — моментом для этого удобным, а пути реализации предложенные кадетами отличными»³.

Консервативное варшавское «Słowo», процитированное выше, писало о необходимости «твердо противостоять фантастическим проектам реформ, не идя с ними на какие-либо компромиссы». Газета сочла, что никаких радикальных реформ для восстановления сельского хозяйства в России, как предлагают кадеты, не требуется. Изменения необходимы, но не требуют фундаментальной трансформации существующего законодательства: «Потребности могут быть решены даже без крупных законодательных реформ»⁴.

Самая популярная варшавская ежедневная газета «Kurier Warszawski», не представляющая ни одной польской политической партии, на самом деле только процитировала речь Р. Скимунта, не дав никаких собственных комментариев⁵. Корреспондент газеты обратил внимание на критику со стороны С. Муромцева в адрес депутатов, но речь минского депутата была подана как одна из многих. Лишь десять дней спустя кадетская «Речь» написала в одной из статей, что «эндецкие газеты „Kurier Warszawski“ и „Dziennik Kijowski“ были восхищены выступлением Скимунта в аграрном вопросе». Этот же корреспондент более широко объяснил, что «Kurier Warszawski» не является органом национально-демократической партии. Он добавил, что «никогда не выражал восхищения содержательной речью депутата Скимунта»⁶. Эта позиция «Kuriera Warszawskiego» удивляет, потому что, когда все российские газеты писали о выступлении Р. Скимунта, то одна из самых крупных

¹ То, что одни называли «шумом протеста» (*Ligenza [Czesław Jankowski]. Sprawa agrarna w Dumie Państwowej. Pierwsze strzały // Kurier Litewski. № 110. 18 (31) V 1906*); «протестами крестьян» («Słowo»); и звуками тсс... тсс... («Речь»), для репортера «Czasu» было «возгласами и свистом».

² *Duma. Kwestia agrarna // Czas. № 123. 30 V 1906 (утр. вып.)*.

³ *Kappa. Starcie Dumy z rządem. Petersburg 27 V. 1906 r. // Czas. № 122. 29 V 1906 (веч. изд.)*.

⁴ *Artykuł wstępny, Warszawa 5 VI // Słowo. № 149. 5 VI 1906*.

⁵ *Mowa R. Skimunta // Kurier Warszawski. № 148. 30 V 1906*.

⁶ *Wł. Prawdzic. Listy z Petersburga, 7 czerwca // Kurier Warszawski. № 159. 11 VI 1906*.

польских газет в Царстве Польском особо подчеркивала, что не восхищается этой речью. На мой взгляд, разгадку следует искать в личной неприязни корреспондента газеты к Роману Скирмунту.

Два прогрессивных издания посмотрели на речь Р. Скирмунта таким образом, что это отвечало характеру их политической линии. Еженедельник «Prawda» полностью проигнорировал критику «проекта 42», отметив, что Р. Скирмунт «признал необходимость расширения площади крестьянских земель даже за счет пожертвований от крупных землевладельцев, но с сохранением частной собственности»¹. Более того, журналист еженедельника обратил внимание на другие «прогрессивные» пассажи в речи Р. Скирмунта, связав их с критикой российских властей за провоцирование войны с Японией: «После японской авантюры, после неудачной внутренней борьбы была бы еще хуже, еще опаснее социальная авантюра»². Лишь в одном предложении говорилось о негативном отношении крестьян из белорусских губерний к идее национализации земли и принципах ее аренды.

Газета подчеркивала, что там, где не было общины, крестьян интересует только полное владение землей, полученной после принудительной экспроприации земельных помещичьих хозяйств. Благодаря такой процедуре, которую сегодня мы назвали бы информационным манипулированием, читатель еженедельника «Prawda» не получил основного тезиса критики кадетского проекта, сделанного Р. Скирмунтом, а сам он мог бы рассматриваться неориентированными читателями как прогрессивный политик, полностью поддерживавший принудительную экспроприацию.

«Новая газета», более радикальная в своей «прогрессивности», чем «Prawda», сначала отреагировала на неблагоприятный прием речи Р. Скирмунта левыми депутатами I Думы, а затем написала: «Крайне характерно, что хотя в Думе заседают представители крупной частной собственности и миллионных состояний из всех частей огромной Российской империи, слово взял и осудил проект новой раздачи земли безземельным и малоземельным первый и единственный ... литовский дворянин»³. Но то, что было неприятным и неловким для «Новой газеты», для консервативного «Słowa» было похвальным и почетным: «Для нас факт речи польского дворянина в этом духе, как это сделал Р. Скирмунт, является также характерным, но не только понятен, но и симпатичен. Если кто и принадлежит к этой знати в Литве, которая искренне и честно трудится над распространением культуры во всех областях, то это Скирмунты. Они пытались развить промышленность, принадлежа к ее пионерам, что, как правило, не является выгодным»⁴.

¹ Prawda. № 24. 16 VI 1906. S. 289.

² Там же.

³ A.D. [Antoni Donimirski]. Co pisał inni. O pośle Skirmuncie // Słowo. № 148. 2 VI 1906.

⁴ Там же.

Издававшаяся только в 1906 году варшавская либерально-прогрессивная газета «Dzień Dobry» резкими словами осудила аграрное выступление графа Ю. Потоцкого и Р. Скимунта: «Аграрии забранных земель [у Речи Посполитой. — Р.Ю.], устами Р. Скимунта и Потоцкого, выразили то, что чувствуют и думают. Сказали без малейшей церемонии и с вызовом, игнорируя революционизирующую переворотными идеями крестьянскую и кадетскую толпу»¹. По оценке издания, выступления обоих депутатов стали пятном на добром имени поляков, которое существует среди прогрессивной российской общественности. Поэтому очень хорошо получилось, что Польское коло согласился с принципом принудительной экспроприации, даже с условием принятия решения о его реализации автономными институтами.

Но, по мнению газеты «Dzień Dobry», с согласия Польского коло на принудительную экспроприацию, должно быть сделано дополнительное заявление русскому народу о том, что «народ польский не хочет решать аграрный вопрос в отсталом духе». Такое свидетельство «прямо необходимо в связи со скандальным выступлением Потоцкого и Скимунта, которые нанесли тяжелый удар по польскому делу, дискредитирующему хорошую славу польского имени в демократической России»². Дальше во вступительной части этой статьи анонимный автор не оставляет сухой нити на обеих противниках принципа принудительной экспроприации частных землевладений, называя их выступления «проделками классового эгоизма и свидетельством герметичности сердец и мозгов»³. В другой статье в этой же газете Р. Скимунт назван «отсталым литовским аграрием»⁴. Столь резкая критика выступления Р. Скимунта редакцией «Dzień Dobry» была следствием не только ее социалистических взглядов, но и возникала также из веры некоторых польских прогрессивных кругов в склонность кадетов к автономии Царства Польского. Поэтому считалось, что конфликт на фоне принудительной экспроприации земли с сильнейшей партией в Думе может привести к тому, что кадеты не поддержат автономических предложений Польского коло.

Чеслав Янковский, депутат от Виленской губернии, коллега Р. Скимунта по парламентской скамье и редактор издаваемого в Вильнюсе «Kuriera Litewskiego», написал в статье, опубликованной через два дня после выступления депутата от Минской губернии: «от группы депутатов поляков Литвы и Руси высказан первый голос этой оппозиции и задан тон всему, что будет сказано в Палате и аграрной комиссии против радикальной аграрной реформы»⁵. Но наряду с похвалами за мужество и логику аргументации была также высказана критика за преждевременное поднятие проблемы, за провоцирование дискуссии, которая

¹ Wywłaszczenie ziemi // Dzień Dobry. № 96. 2 VI 1906.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Im dalej w las... // Dzień Dobry. № 97. 3 VI 1906.

⁵ Ligenza [Czesław Jankowski]. Sprawa agrarna w Dumie Państwowej. Pierwsze strzały // Kurier Litewski. № 110. 18 (31) V 1906.

по существу стала эмоциональной. Чеслав Янковский также знал, что у Польского коло нет собственной аграрной программы, и что оба коло, объединяющие поляков, еще не обсуждали этот вопрос, не говоря уже о согласовании своих позиций. Это обвинение о том, что «минский депутат зашел очень далеко ... слишком далеко в главном вопросе, а с точки зрения тактики чрезвычайно далеко...»¹, сразу же объяснил журналист прогрессивной «Gazety Wileńskiej». Вот его слова: «Проще говоря, г-н Скирмунт, по небрежности или открытости, возможно, выходящий из темперамента, слишком рано открыл позицию и обнаружил тех, кто будет выступать против радикальной аграрной реформы»².

Аналогичным образом выступление Р. Скирмунта оценил «Dziennik Kijowski», вторая по величине польская газета западных губерний того времени. Петербургский корреспондент «Dziennika Kijowskiego», скрываясь под криптонимом А.С., пришел к выводу, что «плохо только получилось, что первым, кто вытащил его [аграрный вопрос. — Р.Ю.] из этих рамок на широкий разговор по существу, был поляк г-н Скирмунт. Таким поворотом событий ни конституционные демократы, ни Трудовая группа не могут быть удовлетворены, поскольку обе партии не желали предметного обсуждения на заседании»³. Журналист киевской газеты посмотрел на речь Р. Скирмунта под углом целесообразности, считая ее наиболее важной составляющей политической игры, которую, по его мнению, должны вести польские репрезентанты в Думе. С этой точки зрения, согласно «Dziennika Kijowskiego», «он призывал волка выйти из леса», потому что, поскольку Р. Скирмунт был сторонником региональной автономии в решении государственных проблем, в том числе и таких, как аграрный вопрос, он совершенно излишне раздражал крестьянских депутатов, которые, в конце концов, в Думе проголосуют за или против автономических решений. Поэтому окончательный вывод «Dziennika Kijowskiego» был следующим: «Заявления г-на Скирмунта, несомненно, были правильными, но серьезные сомнения остаются из-за времени, места, формы и обстоятельств, среди которых они были представлены»⁴.

Именно с точки зрения четырех упомянутых выше элементов следует оценивать речь об аграрном вопросе Романа Скирмунта.

1. Время. Время, в котором Р. Скирмунт выступил со своей речью, следует рассматривать с двух точек зрения. В целом, это было правильное время. В России произошли далеко идущие изменения, лучшим примером которых стали создание и деятельность Государственной думы и реформированного Государственного совета. Когда же, если не в первом российском парламенте, нужно было говорить об аграрных реформах, ожидаемых миллионами крестьян по всей стране? С другой стороны, что

¹ Ligenza [Czesław Jankowski]. Sprawa agrarna w Dumie Państwowej. Pierwsze strzały // Kurier Litewski. № 110. 18 (31) V 1906.

² X. «Kurier Litewski» roni łyzy // Gazeta Wileńska. № 53. 21 V (3 VI) 1906.

³ A. S. Sprawa agrarna. Korespondencja własna «Dziennika Kijowskiego». W Izbie Państwowej. Petersburg 29 maja // Dziennik Kijowski. № 89. 20 V (2 VI) 1906.

⁴ Там же.

касается того конкретного времени, когда Р. Скирмунт выступил с речью, то необходимо согласиться с мнением некоторых польских газет о том, что оно было избрано неверно. Прежде всего потому, что нужно было дожидаться создания аграрной комиссии и результатов ее работы и только потом критиковать «проект 42».

2. Обстоятельства. Они были следующими: обсуждение способа выборов и числа членов аграрной комиссии, которая должна была представить Думе все проекты, представленные в секретариат Думы для преодоления земельного голода. Поэтому обстоятельства не требовали ни выражения собственной позиции по кадетскому проекту, ни тем более его тщательной критики. Более того, Р. Скирмунт не принял во внимание настроений крестьянских депутатов в Думе и того факта, что подавляющее большинство из них не имели парламентского опыта, и поэтому сразу же его речь, произнесенная только от своего имени, была принята в качестве программной позиции поляков, крупных землевладельцев из западных губерний. Более того, как опытный оратор (а он все-таки был долгое время членом Совета Минского сельскохозяйственного общества) и в то же время как наблюдатель за гораздо более ранними политическими дебатами в I Государственной думе он должен был знать, что такие выступления будут провоцировать реплики, полемику и другие выступления (а это то, что произошло), которые на этапе выборов аграрной комиссии были совершенно ненужными.

3. Место. Было абсолютно уместно. Ведь где, как не в Государственной думе, нужно было обсуждать аграрную реформу Российской империи?

4. Форма. Она была идеальной. Громкий голос был слышен в каждом углу зала заседаний, соответствующая интонация, логическая аргументация и правильный русский язык. Выступление было содержательным, связным и не слишком длинным. Докладчика не смогли покоробить громкие возгласы со скамьи группы трудовиков. Роман Скирмунт был отважным человеком, непоколебимо защищающим свои взгляды, даже если все были против него. Об этом можно найти необходимые свидетельства в цитируемой выше прекрасной книге Александра Смалянчука. О гражданском мужестве свидетельствует и его трагическая гибель. Несмотря на то, что он имел возможность покинуть родовое имение Поречье, когда Советский Союз 17 сентября 1939 г. без объявления войны вступил на территорию Польши, все же остался, там и 7 октября этого же года был убит местными советскими активистами в урочище Корань вблизи собственного дома¹.

* * *

Почти вся польская пресса отметила выступление Р. Скирмунта. Характер и форма оценки, конечно, зависели от политического направления конкретного издания. Консервативная пресса решительно

¹ Смалянчук А. Раман Скирмунт (1868–1939). С. 9.

поддерживала критику принципа принудительного отчуждения и национализации земли, отобранной у частных владельцев. Это особенно видно по публикациям варшавского «Слова», не единожды защищавшим минского депутата. Близкий к консерваторам, но считавший себя либерально-консервативным «*Kurier Litewski*» счел выступление преждевременным с точки зрения парламентской тактики польских коло в Госдуме. «*Dziennik Kijowski*», связанный с национальными демократами, критически отнесся к выступлению Р. Скирмунта за то, что он слишком рано раскрыл свои карты в политической игре на думском форуме. Обе газеты западных провинций обратили внимание на один аспект, который был полностью игнорирован варшавской прогрессивной и национально-демократической прессой. Дело в том, что насильственная экспроприация польской собственности на литовских, белорусских и украинских землях могла также означать ликвидацию сильных центров польскости и католицизма на этой территории. Либеральные и прогрессивные газеты осудили выступления Р. Скирмунта — польского помещика, к тому же также имевшего большое поместье на белорусских землях, что было для них символом отсталости, эксплуатации крестьянства и анахронической шляхетской культуры, о которой давно следовало бы забыть. К тому же он противился «прогрессу», поэтому критика была глубокой и беспощадной.

Интересно, что один элемент ускользнул от большинства репортеров прессы и политических комментаторов. Это было отношение Р. Скирмунта к самому принципу проведения аграрной реформы и путях оздоровления сельского хозяйства в России. Он не был совершенно ярым противником экспроприации крупных имений. В конце концов в последних словах своего выступления он сказал: «Частная собственность может быть сохранена и должна быть сохранена для общей пользы государства, однако одновременно площадь крестьянского землевладения может быть и должна быть увеличена. Мы знаем, что это невозможно сделать без многих жертв со стороны имущих классов, но на это все приготовлены». Так что дело обстояло не в самом принципе, а в форме его реализации.

ПОЛЬСКОЕ КОЛО И ВОПРОС О НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

БАХТУРИНА АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВНА,

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории государственных учреждений
и общественных организаций
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: b-a-t13@mail.ru

Аннотация: Движение за национальную школу в годы Первой русской революции охватило большинство народов Российской империи, но в Царстве Польском имел место массовый протест, охвативший значительную часть населения края. Образовательная политика в Польше не заняла в силу особенностей периода 1905–1907 гг. значимого места в деятельности Польского коло. В статье рассматриваются взаимодействия думских депутатов и чинов министерства народного просвещения в период между роспуском Думы первого созыва и открытием II Государственной думы, а также реакция польских депутатов на инициативы правительства, затрагивавшие народное образование в Царстве Польском. Делается вывод о взаимовлиянии государственных структур и Польского коло в решении вопросов о национальной польской школе в годы Первой русской революции.

Ключевые слова: Царство Польское, Первая русская революция, Польское коло, Министерство народного просвещения, национальная школа.

Создание национальной школы в Российской империи в начале XX в. стало одним из существенных элементов политической агитации и политических устремлений общественно-политических деятелей. Расширения преподавания на национальных языках требовали различные общественно-политические группы. В этом смысле стремление к преподаванию на национальных языках было вызвано самыми разными целями: от задачи укрепления отдельных национальных диаспор до борьбы за национальную автономию. В Царстве Польском движение за национальную школу в годы Первой русской революции приняло массовый характер, став частью движения за польскую автономию и, в конечном итоге, восстановления национальной государственности.

Движение за национальную школу в течение длительного времени рассматривалось в контексте истории Первой русской революции

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00426 А) (The reported study was funded by RFBR, project number № 20–09–00426 A).

в губерниях Царства Польского¹, где непременно указывается на «школьную забастовку» 1905 г., ставшую важной фазой движения за национальную школу и преподавание на польском языке во всех учебных заведениях Царства Польского. Также «школьная забастовка» являлась объектом самостоятельного исследования, но при этом эволюция позиции царского правительства и верхов российской бюрократии в вопросе о национальной польской школе не рассматривалась². Авторы подводят итог исследований, указывая, что под влиянием забастовочного движения правящие верхи пошли на уступки, что безусловно верно, но не отражает всего спектра полемики по вопросу о национальной польской школе. Деятельность Польского кола в Думе достаточно подробно рассмотрена как в коллективных исследованиях³, так и в статьях И. В. Лукоянова, Р. А. Циунчука и других⁴. Но и в них проблема национальной польской школы является периферийной. Поэтому весьма полезным представляется рассмотреть вопрос о позиции Польского кола в отношении школьного вопроса в Царстве Польском.

В Царстве Польском после восстания 1863 г. проводилась последовательная политика распространения русского языка в образовании и делопроизводстве, в результате которой к началу XX в. сфера применения польского языка ограничивалась рядом правительственных распоряжений. Ответной реакцией стало институциональное оформление движения за национальную школу: был создан «Союз национализации школы» — молодежная организация в Варшаве. И именно он в 1905 г. призвал к бойкоту русской правительственной школы вплоть до введения в ней преподавания на польском языке. В феврале 1905 г. в Царстве Польском началась так называемая школьная забастовка.

Народно-демократическая партия, партия реальной политики, Польская прогрессивная партия, Лига независимости Польши призывали

¹ Тымовский М, Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004; *Badziak K., Samus P. Rewolucja 1905–1907 w Lodzi: kronika wydarzen.* Lodz, 1985; *Przenioslo M., Wiech C. Rewolucja 1905–1907 w Krolestwie Polskim I wRosji.* Kielce, 2005.

² *Zarnowska A. Rewolucja 1905–1907 a aspiracje oświatowe robotników Warszawy* [The revolution of 1905–1907 and the educational aspirations of the Warsaw workers] // *Francja Polska XVIII–XIX.* Warszawa, 1983. S. 232–238.

³ Бережная Л. А. и др. Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. С. 341–406; Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных думах России: (опыт законотворчества). М., 1999.

⁴ Кисляков А. С. Национально-политическая программа Польского кола в Государственной думе I и II созывов (1906–1907 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2011. № 4. С. 89–101; Лукоянов И. В. Польское коло в Государственной думе // Россия и Польша: память империй / империи памяти / Отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб., 2013. С. 229–244; Циунчук Р. А. История российского парламентаризма в мемуарах члена Государственного Совета Российской империи Эдварда Войнилловича // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2015. С. 246–255.

население бороться за польскую школу и продолжать бойкот русских учебных заведений¹.

Студенты и гимназисты требовали преподавания на польском языке и демократизации школы². Среди населения распространялась прокламация «Прогрессивной молодежи средних школ Царства Польского», где говорилось, с одной стороны, что польская школа должна иметь национальный характер, но, с другой — не исключалось право других национальностей иметь свою национальную школу³. Характерным моментом движения за национальную польскую школу в 1905–1907 гг. стало присоединение к движению крестьянства, когда «стали очевидными результаты процесса формирования национального сознания деревни на протяжении 30 лет после Январского восстания»⁴.

Различие во взглядах на развитие польской школы имело место и в среде высшей российской бюрократии. Первоначально требование национальной школы в Царстве Польском рассматривалось как отражение «чрезмерных притязаний» «некоторых кругов польского общества». Именно так высказался в рескрипте от 14 марта 1905 г. на имя варшавского генерал-губернатора генерал-адъютанта К. К. Максимовича Николай II. Хотя в документе говорилось, что не должно быть «несправедливого стеснения языков местных», но указывалось, что Царство Польское должно находиться «в неразрывном единении» с «остальными частями Российской державы»⁵. Рескрипт довольно четко отражал на тот момент позицию правящих верхов и понимание того, что движение за национальную школу означает движение за национальную государственность. Русский язык рассматривался как важнейший связующий компонент государственности, обеспечивавший единство Империи. Хотя из рескрипта следовало, что в марте 1905 г. правительство не было готово к немедленным уступкам, но вопрос обсуждался. Итог этих работ был обнародован 6 июня 1905 г. в положении Комитета министров «О порядке выполнения пункта 7 именного высочайшего указа 12 декабря 1904 года в отношении губерний Царства Польского».

Постановление затрагивало вопросы употребления польского языка в преподавании и делопроизводстве. В нем говорилось, что на польском языке возможно преподавание римско-католического закона Божия и польского языка⁶.

Развитие движения за национальную школу подвигло самодержавие на дальнейшие уступки. 1 октября 1905 г. высочайшим указом Сенату разрешалось преподавать ряд предметов на польском и литовском языках в частных школах Царства Польского. Министры народного

¹ ГА РФ. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 72. Л. 5.

² Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 гг. М., 1976. С. 376.

³ Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г. М., 1956. С. 196–197.

⁴ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С. 377.

⁵ Правительственный вестник. 1905. 16 марта.

⁶ ПСЗ-3. Т. 25. Отд. 1. № 26368. С. 437–438.

просвещения и финансов могли разрешать преподавать в частных школах на польском и литовском все предметы, кроме русского языка, истории и географии России. Последние включались в число обязательных предметов и могли преподаваться исключительно на русском языке¹. Также говорилось, что указ является временной мерой и будет действовать до появления законодательства, обеспечивающего выполнение Положения Комитета министров от 6 июня 1905 г.

Несмотря на это, движение за национальную школу стало усиливаться после публикации манифеста 17 октября 1905 г. Осенью 1905 г. начальные школы Варшавы, по словам обер-полицмейстера Петра Мейера, «самовольно перешли на польский язык»². В Варшавской губернии в первой половине ноября были прекращены занятия в 66 школах³. 21 октября учителя начальных школ г. Варшавы на общем собрании постановили, что во исполнение данных Манифестом 17 октября 1905 г. конституционных свобод необходимо начать преподавание всех предметов на польском языке. 14 ноября в Варшаве состоялся съезд польских учителей народных школ, принявший резолюцию об обязательном обучении на польском языке в начальной школе. В документе говорилось, что «все распоряжения Учебного округа, противоречащие вышеприведенным принципам, должны игнорироваться учителями»⁴.

Таким образом, к началу работы I Государственной думы и формирования Польского коло движение за национальную школу в Царстве Польском приобрело значительный размах. Уступки царского правительства создали возможности для ограниченного использования польского языка в преподавании, но, несмотря на это, как отмечал министр народного просвещения И. И. Толстой, «вся школьная жизнь края замерла, польские дети перестали ходить в учебные заведения, и продолжали функционировать с грехом пополам только казенные русские учебные заведения, которые под охраною полиции, а иногда и войск стали посещать только немногочисленные дети русских и еврейских семей, находясь под ежечасным страхом разгрома со стороны патриотов»⁵. Представители польских политических партий включили требование национальной школы в свои программы, но не уделили ему достаточного внимания, сосредоточившись на требованиях по аграрному вопросу и польской автономии.

К моменту открытия I Государственной думы весной 1906 г. власти под давлением «школьной забастовки» разрешили преподавание на польском языке в I классах начальных школ. Это стало толчком для дальнейшего развития польской школы и выхода из подполья начальных школ,

¹ ПСЗ-3. Т. 25. Отд. 1. № 26756. С. 710–711.

² *Zarnowska A.* Rewolucja 1905–1907 a aspiracje oświatowe robotników Warszawy. S. 232–233.

³ Факты, характеризующие политическое движение в Царстве Польском после 17-го октября 1905 г. Варшава, 1905. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ *Толстой И. И.* Мемуары графа И. И. Толстого. М., 2002. С. 163.

которые были легализованы под патронатом Польской школьной матицы, обеспечивавшей их финансирование¹.

Важность движения за образование на национальном языке трудно переоценить, но реакция польских депутатов в I и II Думе на происходящие в Царстве Польском события была весьма сдержанной.

Наиболее значимой демонстрацией позиции Польского коло в I Государственной думе стало заявление 27 депутатов от Царства Польского, оглашенное депутатом от Ломжинской губернии Я. Н. Гарусевичем 30 апреля 1906 г. В нем содержалось требование о «восстановлении надлежащих прав <...> края», т. е. автономии² без указания на ее составляющие, в том числе и образование на родном языке.

Вопрос об образовании на польском языке обсуждался в Думе первого созыва несколько раз как в связи с законопроектами, так и в связи с событиями, происходящими в Царстве Польском.

В мае 1906 г. представители фракции кадетов внесли в I Государственную думу законопроект «Об обеспечении действительной неприкосновенности личности»³. Авторы проекта и участники дискуссии предлагали отменить ряд статей и законов, устанавливавших исключительные меры, как противоречившие «духу нового правового государства»⁴. От Польского коло выступил депутат от съезда городских избирателей г. Варшавы Ф. И. Новодворский, который заявил, что законопроект кадетов не упоминал о ряде исключительных законов, действующих в губерниях Царства Польского. Среди них он назвал указ от 3 апреля 1892 г. «Об утверждении временных правил о взысканиях за содержание тайных школ в Северо-западном и Юго-Западном крае», действовавший в Царстве Польском с 26 мая 1900 г. В качестве меры наказания виновные подвергались штрафу и аресту на три месяца. Новодворский отметил, что взыскания зависели от произвола низшей администрации. Наказывали «и тех, кто обучает, и тех, у кого обучают, и детей, причем... не только за занятия в тайных школах, но и за обучение на дому трех-четырех детей из разных семей». Правительство обратило внимание на указ 3 апреля 1892 г., который был отменен после Государственной думы первого созыва.

Следующее обсуждение проблем образования инициировала общественность Царства Польского, а не депутаты. На имя члена Думы ксендза Яна Гралевского из Варшавы поступила телеграмма об увольнении почти двухсот учителей начальных классов за введение преподавания на польском языке. Вопрос не был отнесен к числу срочных и передан для подготовки запроса на имя министра народного просвещения в комиссию под председательством Н. Н. Львова.

¹ *Zarnowska A.* Rewolucja 1905–1907 a aspiracje oświatowe robotników Warszawy. S. 223.

² Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 51.

³ *Шелохаев В. В.* Либерализм в России в начале XX века. М., 2019. С. 243.

⁴ Там же. С. 244.

Во время обсуждения текста запроса на заседании 5 июня 1906 г. Н. Н. Львов отметил, что положение школьного дела в крае осложнено тем, что, несмотря на высочайшие указы, которыми «изменен ход школьного образования в Царстве Польском», начальство учебного округа хотело сохранить прежнюю систему¹. Его поддержал Гралевский, заявивший, что чиновники Министерства народного просвещения исказили закон и спровоцировали нарушения, за которые было уволено почти 200 человек учителей начальной школы: «Незаконмерные действия вывели из терпения польский народ, и он решил сам провести в жизнь реформу согласно духу последних узаконений и нуждам народа»². Собственно обсуждение вопроса на этом завершилось и не вызвало бурной дискуссии. Но в выступлении депутата от г. Лодзь А. М. Ржонда прозвучали размышления о том, почему вопрос об образовании в Царстве Польском, волнующий все население края, не привлекает внимания Думы: «Если дело народного образования в этой Государственной думе не пошло... на первый огонь (так в тексте — А.Б.), то это можно объяснить лишь исключительностью нашего времени»³.

В «междумский» период с 8 июля 1906 г. по 20 февраля 1907 г. представители польской общественности, среди которых были и думские депутаты, пытались решить вопрос о преподавании на польском языке, воздействуя непосредственно на руководство Министерства народного просвещения. И. И. Толстой в воспоминаниях отметил, что «все польские депутации, приезжавшие в Петербург для представления правительству объяснений о нуждах края, считали долгом делегировать ко мне специально по несколько своих членов для хлопот по школьным делам... все требования сводились к решительной и коренной реформе всего учебного дела в крае с отказом со стороны правительства от всей своей русификаторской системы»⁴. Ситуация усугублялась тем, что администрация Варшавского учебного округа, по мнению представителей польской общественности, нарушала новое законодательство о польской школе, издав 30 октября 1906 г. распоряжение, согласно которому «учителя обязаны вести с учащимися предметные беседы для ознакомления их с устной разговорною русскою речью». Например, на уроках арифметики «знакомить детей параллельно и с русской терминологией»⁵. По замечанию товарища министра народного просвещения О. Г. Герасимова, в октябре–ноябре 1906 г. Министерство «испытывало определенный и твердый натиск» со стороны представителей польской общественности, которые «требовали решения польского

¹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 1026.

² Там же. Стб. 1027.

³ Там же. Стб. 1028.

⁴ Толстой И. И. Указ. соч. С. 163.

⁵ ГА РФ. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 76. Л. 4.

школьного вопроса до Думы»¹. Они подготовили проект школьной реформы в Царстве Польском, который затрагивал положение правительственной школы². Настойчивость польской общественности, стремление обойти Думу, добившись соответствующего министерского решения, чины Министерства интерпретировали как попытку продвинуть самостоятельный проект реформы школы для Царства Польского и считали, что попытка создать особую польскую школу является нарушением прав других народов Российской империи³. Отвергнутый Министерством народного просвещения проект о реформе преподавания на польском языке в правительственных школах был подан во II Думу, но не обсуждался.

Проблемы образования в Царстве Польском в Государственной думе второго созыва обсуждались в мае 1907 г., когда 4 мая 1907 г. Министерство народного просвещения внесло законопроект о всеобщем начальном образовании. Его обсуждение стало поводом для критики МНП представителем Польского коло Я. Гралевским, указавшим, что последнее ограничивает открытие польских школ по прошениям общества «Польская школьная матица» (Polska Macierz Szkolna)⁴. Также Гралевский высказался против положения законопроекта о том, что «учителя должны обладать законным правом на обучение». По мнению Гралевского, необходима свобода «в допущении новых учителей». Вызвал возражения пункт о том, что МВД должно участвовать в утверждении школ. Гралевский расценил это как установление полицейского контроля над школами, признавая его недопустимым⁵. В целом замечания Гралевского не вызвали бурной дискуссии, и депутаты перешли к очередным делам.

Бурная дискуссия разразилась 21 мая 1907 г. в связи с внесением в Думу положения Совета министров от 24 августа 1906 г. «Об отмене действия правил 3 апреля 1892 г. о взысканиях за тайное обучение в губерниях Западного края, а также Царства Польского»⁶, утвержденного до созыва Думы.

Собственно оснований для какой-либо дискуссии не было. Правительство отказалось от мер пресечения тайного обучения и оформило это законодательство. Закон вступил в действие до созыва Думы, и последней оставалось только в соответствии со ст. 87 Основных государственных законов Российской империи его принять. Но депутаты поспешили высказать свое мнение, и если депутаты-литовцы П. С. Леонас и В. А. Сташинский от губерний Западного края (Сувалкской и Ковенской) выходили на трибуну, чтобы «приветствовать Министерство народного просвещения», сказать, что они испытывают «чувство облегчения» от появления

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 2. Стб. 912.

² Там же. Стб. 915.

³ Там же. Стб. 913.

⁴ Там же. Стб. 155–157.

⁵ Там же. Стб. 155–156.

⁶ ПСЗ-3. СПб., 1906. Т. 6. № 28226. С. 823.

долгожданного закона¹, то епископ Евлогий — депутат от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний — выступил с развернутой критикой «тайных школ» и польских школ в целом, рассматривая их как средство давления на православное население: «Просветительные польские общества „Освята“ и „Матица“, а равно и частные лица всюду насаждают эти польские школы, направляя свою энергию преимущественно на местности со смешанным населением, и не скрывают своих целей — колонизации чисто русского населения»². Цель отмененного закона 1892 г., по мнению епископа Евлогия, была «оборонительная», преследовавшая задачу «не обрусения инородцев, а защиты от ополячения»: «Разве не вправе закон требовать от всех русских граждан, чтобы они воспитывались в духе русской государственности?»³.

Далее в дискуссию вступил товарищ министра народного просвещения О. Г. Герасимов, сообщив о попытках польских политиков до открытия Думы утвердить в Министерстве проект школьной реформы в Царстве Польском, о котором говорилось выше. В ответ Роман Дмовский, признанный лидер Польского коло в Думе, заявил, что существуют несомненные различия между школьным вопросом в Польше и других национальностей Империи. Они заключаются в том, что в Царстве Польском существовали все ступени образования, и «мы требуем всей школы на национальном языке»⁴. Позиция Польского коло подверглась критике депутата от Минской губернии, крестьянина В. М. Мельника: «Они (поляки — А.Б.) думают, что благодаря их многовековой культуре, которой они так гордятся, школьный вопрос должен решаться раньше всех и лучше всех, но здесь в Думе все равны...»⁵.

Выступления представителей Польского коло в I и II Государственных думах показывают, что школьный вопрос не занимал центрального места в их деятельности. Депутаты лишь реагировали на отдельные ситуации и правительственные инициативы. Этому есть двоякое объяснение. Во-первых, для польских политических деятелей в годы Первой русской революции приоритетными являлись социально-экономические и политические лозунги, что признавали и сами депутаты. Во-вторых, конфликт с МНП накануне созыва II Думы свидетельствует о том, что польские депутаты не исключали возможности обойти Думу в решении школьной проблемы. В какой-то мере к этому подталкивал опыт прибалтийского немецкого дворянства, представители которого в аналогичной ситуации активно использовали личные связи в Министерстве народного просвещения и Государственном совете. Но отношение правительства к представителям польской общественности было иным, и попытки принятия закона о польской школе, минуя Думу, были расценены как очередное проявление борьбы за особый статус Царства Польского.

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 2. Стб. 902–904.

² Там же. Стб. 908.

³ Там же.

⁴ Там же. Стб. 916.

⁵ Там же. Стб. 918.

ГРУППА ЦЕНТРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА (1906–1911): СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЁМИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
Москва, Россия;
e-mail: vadime_demine@mail.ru

Аннотация: В статье говорится о первом этапе истории крупнейшей фракции верхней палаты России начала XX в. Рассмотрены ее численность, состав, руководство, влияние. Показано, что в 1906 г. группа центра заняла в Государственном совете руководящее положение и добилась поддержки им I Государственной думы в ее борьбе с правительством. С 1907 г. центр верхней палаты переходит к поддержке правительства. Из-за уменьшения численности и нарастания внутренних противоречий группа с 1908–1909 гг. в значительной мере утратила руководящее положение в Совете. Его решения по большинству резонансных дел стали определяться правыми. В то же время именно центристы обеспечивали прохождение через верхнюю палату основной массы законопроектов, в т. ч. преобразовательных.

Ключевые слова: Государственный совет, группа центра, польское коло Государственного совета, реформа Сената, западное земство.

Фракционный состав Государственного совета изучен в литературе явно недостаточно. Диссертация и статьи А. Д. Степанского посвящены исключительно периоду Первой российской революции¹. В монографии автора предлагаемой статьи группы верхней палаты, включая центр, рассмотрены скорее в статике; изменение их состава и политический позиции во времени, а также деятельность изучены недостаточно подробно². В монографии А. П. Бородина главным образом рассматривается фракция правых и время I мировой войны³. Этому же периоду посвящено и исследование А. Н. Мичурина⁴. В то же время развитие политической структуры реформированного Государственного совета в начале его работы также представляет значительный интерес для понимания

¹ Степанский А. Д. Государственный совет в период революции 1905–1907 гг.: Дис. ... к. ист. н. М., 1965; *его же*. Политические группы в Государственном совете в 1906–1907 гг. // История СССР. 1965. № 4. С. 49–64; *его же*. Польская группа Государственного совета в 1906–1907 гг. // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971. С. 362–372.

² Дёмин В. А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006.

³ Бородин А. П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999.

⁴ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.

особенностей парламентской и политической истории России начала XX в. Предлагаемая статья посвящена одной из крупнейших групп верхней палаты в начальный период ее (группы) истории.

Как известно, группа центра была создана в мае — июне 1906 г. рядом умеренных членов по назначению во главе с бывшим министром земледелия и государственных имуществ (в 1893–1905 гг.) А. С. Ермоловым, инициатором создания Государственной думы¹, ставшим председателем ее бюро. По характеристике гр. С. Ю. Витте, подтверждаемой деятельностью Ермолова, Алексей Сергеевич отличался высокими интеллектуальными, но слабыми волевыми качествами и неспособностью играть первые роли². Сходными достоинствами и недостатками обладали и другие лидеры группы в 1906 г.: бывший министр юстиции (в 1905 г.) С. С. Манухин, крупнейший криминалист России Н. С. Таганцев, бывший управляющий Министерством народного просвещения (в 1880–1881 гг.) А. А. Сабуров. Все они принадлежали к членам по назначению, составившие 3/5 группы члены по выборам влияния в ней первоначально не получили.

Численность группы в целом и среди представителей различных курий указана в таблице 1. Как видно из нее, первоначально центр объединил абсолютное большинство членов верхней палаты: больше 40 % членов по назначению, всех членов от торговли и промышленности, почти всех от землевладельцев, почти 2/3 представителей земств и больше половины делегации дворянства. В группу вошло значительное большинство октябристов и членов близких к ним региональных политических организаций.

Таблица 1³

сессия	всего	по назначению	от земств	от дворянства	от землевладельцев	от торговли и пром.	от науки	от церкви
I (1906)	107	42	22	10	20	12	—	1
II (1907)	100	37	21	9	20	12	—	1
III (1907–08)	93	37	14	9	21	11	—	1
IV (1908–09)	85	29	13	10	21	10	1	1
V (1909–10)	87	29	15	9	22	11	—	1
VI (1910–11)	63	23	6	5	19	10	—	—

¹ Записки А. С. Ермолова // Красный архив. 1925. Т. 1. С. 49–69

² Витте С. Ю. Воспоминания. Таллинн; М., 1994. Т. 1. С. 348–349.

³ Составлена автором по: Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006. С. 304–331; Государственный совет Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. См. подробн.: Россия накануне великих потрясений. М., 2017. С. 102–105.

I сессия Государственного совета (28.4–7.7.1906 г.) оказалась единственной, в ходе которой группа центра сумела использовать свое большинство и заняла в верхней палате руководящее положение. Занимавшие в это время должности председателя и вице-председателя Совета гр. Д. М. Сольский, Э. В. Фриш и И. Я. Голубев по своим взглядам фактически примыкали к группе. Центр (точнее, его назначаемая часть) получил значительное или очень значительное большинство во всех комиссиях палаты и все должности их председателей¹.

Под руководством центристов Государственный совет в 1906 г. осторожно поддержал I Государственную думу (требовавшую его упразднения) в ее борьбе с императорским правительством. В принятом по предложению возглавляемой Ермоловым комиссии адресе императору говорилось о «прямодушном стремлении к взаимодействию с Государственной думой», необходимости «насаждения широкого, на началах всеобщего обучения, просвещения народа», «твердой охраны его прав и дарованной свободы», «всестороннего развития производительных сил страны» и «подъема благосостояния всех слоев населения, в особенности же многочисленного крестьянства», «развития начал самоуправления и распространения их на местности, до сих пор его лишенные, а также справедливого уважении к особенностям племен и народностей нашего обширного отечества», а также ограниченной политической амнистии².

В конце сессии Совет благодаря группе центра одобрил в думской редакции проект о помощи пострадавшим от неурожая, отклонив правительственные поправки к нему. Ермолов принимал участие в переговорах о создании правительства с участием представителей кадетской партии и рассматривался газетами как кандидат в председатели такого министерства.

С 1907 г. начинается быстрое уменьшение влияния группы центра. Введение пропорциональной системы при выборах комиссий устранило преобладание в них центристов. В 1907 г группа потеряла (до 1910) председательство в важнейшей комиссии — финансовой, обсуждавшей бюджет и все связанные с расходами законопроекты. В большинстве комиссий председателями оставались центристы, но в некоторых руководство стали получать правые.

Как видно из таблицы 1, с 1907 г. численность группы центра уменьшалась. В 1907–1908 гг. из группы вышли некоторые члены, примкнувшие к ней случайно. В частности, после раскола Союза 17 октября летом 1906 г. в левую группу перешел бывший руководитель земского либерального движения Д. Н. Шипов, представлявший Московское губернское земское собрание.

В апреле 1907 г. председателем Государственного совета был назначен правый М. Г. Акимов. Голубев остался вице-председателем, но во время

¹ Включая И. Я. Голубева, избранного председателем комиссии по составлению Наказа.

² Государственный совет. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., 1906.

председательства Акимов (1907–1914) не пользовался политическим влиянием. Новый глава верхней палаты начал энергично усиливать правую группу. По его докладам в назначаемой части Совета выбывавшие центристы замещались правыми или беспартийными.

Группа центра изначально отличалась большой разнородностью, которая первое время, несмотря на уменьшение численности группы, усиливалась. В нее вошли некоторые консервативно настроенные сановники, не желающие дальнейших радикальных реформ, однако отрицательно относившиеся к реакционным взглядам руководства правых. Эти члены в большинстве случаев ориентировались на правительство¹. В то же время среди центристов были и довольно последовательные политические (но не социальные) либералы. Идейные разногласия приобрели организационное оформление.

В частности, в центр вошел возникший в мае 1906 г. (раньше образования группы) польский кружок (коло), объединяющий поляков — представителей землевладельцев западных губерний и некоторых членов от торговли (первоначально — 14 членов). Эта подгруппа распадалась на две: представителей Польши и членов от северо- и юго-западных губерний, которые однако всегда выступали совместно. Состоящий из избранников наиболее состоятельных классов польского общества, кружок находился под влиянием Партии реальной политики, добивавшейся русско-польского примирения и автономии Польши в составе России, хотя в его составе и были отдельные члены более радикально-националистических партий. Польские представители довольно последовательно выступали за либеральные преобразования во всех отраслях государственной жизни.

Торгово-промышленная подгруппа объединяла основную часть представителей соответствующей курии. Ее интересы ограничивались экономическими проблемами и трудовым законодательством, и самостоятельность была незначительной.

В 1907 г. примерно два десятка представителей земств и дворянства образовали правый кружок, который возглавил бывший екатеринославский губернатор (в 1904–1906 гг.), шурин Столыпина А. Б. Нейдгарт, избранный в Совет Нижегородским губернским земским собранием. Он оказывал значительное влияние на своего зятя и обладал большим авторитетом в палате². Правый кружок своей основной задачей считал поддержку правительства. По национальным и религиозным вопросам он за единичными исключениями придерживался крайне националистических позиций, смыкаясь с правыми, а по остальным вопросам в большинстве случаев одобрял умеренные реформы вместе с другими течениями центра.

Ермолов оказался не в состоянии руководить превратившейся в разнородную коалицию группой, и в феврале 1907 г. ее председателем

¹ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 439.

² Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 140.

был избран член от дворянства кн. П. Н. Трубецкой, бывший (в 1889–1906 гг.) московский губернский предводитель. Он придерживался умеренных взглядов и стремился примирить интересы поместного дворянства с таковыми других сословий. В частности, Трубецкой принимал участие и в земских съездах (примыкая в них к меньшинству), и в создании организации объединенного дворянства. В итоге однако он не вошел в Союз 17 октября не принимал участие в съездах Объединенного дворянства и из-за недовольства московских дворян его недостаточным консерватизмом был вынужден отказаться от должности предводителя. В Государственном совете князь имел репутацию «большого тактика в деле объединения и председательствования, уступчивого и довольно беспринципного», отличавшегося, умом, обходительностью и слабоволием¹.

Товарищем председателя группы в 1908 г. был избран видный октябрист М. В. Красовский, представлявший Черниговское губернское земское собрание, но не чуждый высшей бюрократии: он служил старшим председателем харьковской судебной палаты и обер-прокурором Сената и имел чин тайного советника.

Несмотря на выдвижение на высшие посты в группе двух членов по выборам, в целом в центре примерно до 1913 г. продолжали преобладать умеренные бюрократы. Показательно, что два будущих председателя Государственной думы — октябристы М. В. Родзянко и Н. А. Хомяков — весной 1906 г. были избраны в Государственный совет (соответственно Екатеринославским губернским земским собранием и дворянством) и, войдя в группу центра, оказались в ней рядовыми членами. Оба предпочли перейти в Государственную думу (Хомяков — весной, Родзянко — осенью 1907 г.) и заняли в ней куда более заметное положение. Их примеру последовал и лидер октябристов А. И. Гучков, в конце весны 1907 г. избранный в Совет от торговли и проработавший в нем и группе центра несколько дней.

Во II сессию (20.2–5.6.1907 г.) большая часть группы центра перешла к поддержке правительства, в то же время стараясь отклонять думские проекты лишь по формальным мотивам. В ответ на декларацию председателя Совета министров с обещанием различных реформ верхняя палата приняла внесенную центром резолюцию («формулу перехода») о «полной готовности содействовать проведению в жизнь тех законопроектов и мероприятий правительства, которые будут направлены ко благу народа и водворению в стране порядка и законности».

Большая часть центра поддержала признание проекта I Думы об отмене смертной казни отпавшим, а также отклонение проекта II Думы об отмене Положения о военно-полевых судах (после прекращения его действия правительством). Центристы добились отклонения заявления правых о запросе о попустительстве студенческим беспорядкам учебного начальства, подчиненного входившему в группу (до решения Совета

¹ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 4, 148.

министров о запрете членам правительства входить в группы верхней палаты¹) министру просвещения П.М. фон Кауфману.

Сессия завершилась конфузом центра. Сабуров, возглавлявший в 1905 г. Особое совещание для пересмотра действующего Учреждения Правительствующего сената и подготовивший радикальный проект его превращения в независимого и эффективного блюстителя законности, оставленный правительством без движения, решил использовать для его реализации законодательную инициативу Государственного совета и при поддержке руководства центра внес соответствующее заявление. Несмотря на наличие у группы абсолютного большинства, оно оказалось отклонено верхней палатой. Закон о соответствующей реформе (в несколько менее радикальном варианте) был издан только в декабре 1916 г.

В III сессию (1.11.1907–5.7.1908 гг.) группа центра утратила абсолютное большинство в Государственном совете. При единодушном голосовании она совместно с левыми могла бы определять его решения, однако в спорных вопросах центристы почти неизменно голосовали вразнобой. В итоге решения Совета в вызывающих наибольший политический резонанс вопросах стали все чаще определяться правой группой во главе с энергичным и волевым П. Н. Дурново.

Большая часть центра по требованию правительства вместе с правыми голосовала за восстановление отклоненных Думой кредитов на военное кораблестроение. В то же время центр, несмотря на возражения большей части правых, добился одобрения Советом проекта о создании Московского народного университета им. А. Л. Шанявского. Также группа практически единодушно поддержала строительство Амурской железной дороги.

В IV сессию (15.10.1908–12.6.1909 гг.) центр при поддержке правительства добился одобрения ряда реформ, в т.ч. введения условного досрочного освобождения. Основная часть группы продолжала поддерживать правительство и правых в бюджетном конфликте с Думой о военном кораблестроении. Наибольший политический резонанс вызвало рассмотрение проекта о штатах Морского генштаба. Часть центра вместе с правыми проголосовала против поддержанного правительством думского законопроекта. В результате большинство в его пользу оказалось довольно слабым, что помогло Акимову добиться его отклонения императором².

В V сессию (10.10.1909–17.6.1910 гг.) основной подгруппе и правому кружку центра при поддержке правительства удалось, несмотря на возражения большей части правых, польского кружка и левых, провести через Государственный совет крестьянскую реформу с отклонением

¹ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 21.

² См.: подробн.: Аврех А. Я. Третья Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908–1909) // Исторические записки. М., 1955. Т. 53. С. 50–109; его же. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Кризис самодержавия в России. Л., 1984.

поправок, направленных на признание выделенных из общины земель в той или иной форме семейной собственностью¹. Подавляющее большинство группы (за исключением некоторых либералов) поддержало проект ограничения автономии Финляндии. Центр проголосовал за ряд частных реформ: о разрешении включать в наказание время пребывания под стражей во время следствия и суда, разрешении сообщать присяжным грозящее подсудимому наказание и др.

При рассмотрении проектов о старообрядческих общинах, которому думские октябристы придавали важное значение, большая часть центра вслед за правительством поддержала правых. По докладу возглавившего соответствующую комиссию Дурново верхняя палата не только отклонила думские поправки об улучшении положения старообрядцев, но и пересмотрела в реакционном духе правительственный проект, предложив лишить старообрядцев некоторых прав, предоставленных им изданным в 1906 г. чрезвычайным указом². Значительная часть группы проголосовала против поддержанного министром юстиции проекта о введении условного осуждения, который в результате был отклонен. Основная часть центра вновь проголосовала за восстановление отклоненных Думой кредитов на военное кораблестроение.

В VI сессию (15.10.1910–28.5.1911 гг.) группа центра вновь успешно поддержала целый ряд частных реформ: Положение о землеустройстве, проекты об авторском праве, упрощенном порядке наложения опеки на крестьян-расточителей, увеличении максимального срока аренды, страховании от несчастных случаев и болезни рабочих и вольнонаемных служащих промышленных и технических заведений финансового ведомства. Либеральная часть группы, случайно получив большинство (совместно с левыми) в соответствующем заседании Совета, добилась одобрения поправок об отмене почти всех ограничений для лишенных или сложивших духовный сан. В итоге законопроект не был утвержден императором³.

Однако при рассмотрении вызвавшего наибольший политический резонанс проекта о западном земстве центр фактически раскололся на несколько группировок. Правый кружок в соответствии с позицией правительства решительно поддержал проект.

Польское коло и либеральная часть группы не могли согласиться с лежащей в основе проекта дискриминацией польских землевладельцев. Либералы также добивались увеличения представительства крестьян и были против лишения права голоса иудеев.

Компромиссную позицию занял председатель особой комиссии Совета по проекту кн. Трубецкой. Он выступил против выборов по национальным

¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1910. Стб. 13–17, 1117–1186, 1189–1259, 1261–1338, 1341–1420, 1425–1479, 1481–1560, 1563–1627, 1629–1706, 2385–2458, 2461–2534, 2549–2601, 3831–3841.

² Там же. Стб. 28, 2795–2954, 2958–3122, 3229–3244, 3528–3531, 3543–3544.

³ Государственный совет. Сессия VI. СПб., 1911. Стб. 295–296. 515–603, 604–634, 639–676, 696–698, 2346.

куриям, на которых жестко настаивал Столыпин, считая необходимым объединение русских и польских помещиков перед лицом крестьян и «третьего элемента», соглашаясь в то же время на дискриминацию поляков в других вопросах. В частности, князь провел поправку об избрании от объединенной землевладельческой курии значительного большинства гласных из русских (включая украинцев и белорусов).

Разброд и шатания в центре стали одной из причин триумфа правых во главе с Дурново. Несмотря на решительную поддержку проекта Столыпиным, сделавшего его символом своей национальной политики, Государственный совет вначале отклонил статью о куриях 92 (в т. ч. большей части центра) голосами против 68, а затем 124 голосами против 23 — проект в целом. Во втором случае в большинстве голосовали как либералы и поляки, недовольные сохранившейся в проекте национальной и сословной дискриминацией, так и правый кружок, в соответствии с мнением Столыпина считавший проект неприемлемым без курий. Меньшинство составили сторонники председателя группы центра.

Весной 1911 г. правый кружок вышел из нее, создав самостоятельную группу правого центра. Оставшаяся часть центра перешла в оппозицию к Столыпину и инициировала предъявление запроса правительству (впервые в истории Государственного совета) об издании чрезвычайного указа о создании западного земства. Внесенная центром резолюция с признанием действий правительства незаконными была принята 99 против 53.

Убийство кн. Трубецкого 4 октября 1911 г. наряду с выходом правоцентристов подвело черту под первым этапом истории группы центра.

В заключение можно отметить, что результаты деятельности группы центра в этот период оказались противоречивыми. Она руководила Советом лишь в 1906 г., когда его деятельность имела минимальный общественно-политический резонанс. Затем группа оказалась не в состоянии использовать свое первоначально большинство, затем центральное положение и с 1908 г. перестала определять политическое лицо верхней палаты. Основными причинами такого положения стали отсутствие у центра внятной идеологии и программы, его внутренняя разнородность, противоречия между более многочисленными выборными членами и более влиятельными назначенными, отсутствие яркого и волевого лидера, сопоставимого с П. Н. Дурново, а также поддержка правых весьма влиятельным председателем Совета.

В то же время необходимо отметить, что если правые добивались успеха в большинстве резонансных дел, то центристы обеспечивали прохождение через верхнюю палату основной массы законопроектов, в т. ч. преобразовательных. В некоторых политически важных делах, например, при обсуждении крестьянской реформы, группе центра удавалось определить решения Совета.

ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ О МЕСТЕ И РОЛИ «УЧИТЕЛЬСТВА» И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (нач. XX в.)

ОРЧАКОВА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА,
доктор исторических наук,
профессор Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: luchlg@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается правотворческая деятельность парламента России начала XX века в сфере образования, раскрываются взгляды и подходы депутатов Государственной думы на цели и содержание усовершенствования российского образования в начале XX века, место и роль учительства в модернизации образования, общественном предназначении учителя.

Ключевые слова: Государственная дума, деятельность депутатов, система образования, история законодательства об образовании, педагог, реформы образования.

Первая Государственная дума, собравшаяся на свое первое заседание 27 апреля 1906 года, «сразу увидела, что ей предстоит гигантская работа, что ей нужно начать постройку государственного здания на совершенно других основаниях и на совершенно другой почве»¹. К наиболее важным вопросам, по которым требовалось установить правовое регулирование, депутаты отнесли заботы «об умственных силах народа, о распространении образования и возвышении умственного уровня народной массы»².

Надо сказать, что вопрос образованности народа, реформирования образования Российской империи в начале XX века был чрезвычайно важным, требующим своего безотлагательного решения. Приоритетность развития этой сферы понимали как само государство, так и общественные и политические организации. В вопросе просвещения народа заметна была социальная и частная инициатива. Эти процессы порождали острые дискуссии, где главными оставались назначение и результат модернизации образования. Подтверждением этому могут служить опубликованная в 1900 году на страницах журнала «Русская школа» работа П. Г. Минжуева «Влияние народного образования на народное богатство, здоровье, нравственность и другие стороны общественной

¹ Первая Российская Государственная дума / Под ред. Н. Пружанского. СПб., 1906. С. 18.

² Там же. С. 20.

жизни»¹ и другие полемические публикации этого журнала. Как сопутствующий, но не менее важный аспект подобных статей — место и роль учителя в преобразовании российской школы, что достаточно подробно проанализировано современным исследователем А. В. Уткиным².

Несмотря на начавшееся в 70-е гг. XIX столетия реформирование образования, государство выделяло на это «настоящие крохи», заботясь не «о „просвещении“ народа, а его „затмении“»³, задачи же образования «сводились к одному знаменателю — создать хорошего, послушного, лишенного всякой самостоятельности человека. Ученикам как бы говорили: вам, господа, нужны не знания, а чиновничья исполнительность с молчалинской умеренностью и аккуратностью»⁴.

В либеральной же среде в усовершенствовании организации начального, среднего и высшего образования видели «сознательную потребность в просвещении как орудии в борьбе за лучшее будущее»⁵. Именно поэтому среди наиважнейших и остросоциальных вопросов России начала XX века (гражданских свобод, аграрного, рабочего вопросов) стоял вопрос всеобщего образования. Вместе с ликвидацией неграмотности, а 65 % населения были неграмотны или малограмотны, школа должна была быть нацелена на воспитание гражданственности в обществе, связанное с политическим просвещением. Более значимой целью модернизированного образования должно было быть удовлетворение потребностей экономики в более образованных технологически работниках, т.е. обеспечение переустройства России как индустриального общества.

В рамках именно такой парадигмы уже на первой сессии I Государственной думой обозначаются цели реформирования образования: **«неотложность поднятия умственного и нравственного уровня массового населения развитием его просвещения»** и рамки таких преобразований — **«правительство изготавляет <...> предположения о всеобщем начальном образовании с широким привлечением к делу народного обучения общественных сил. Озабочиваясь, кроме того, правильной постановкой среднего и высшего образования, <...> проект преобразования средней школы, открывающего простор для общественного и частного в этой области почина, а равно проекта реформы высших учебных заведений, построенной на началах самоуправления»**⁶.

¹ Мижнев П. Г. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье, нравственность и другие стороны общественной жизни // Русская школа. 1900. № 5–6. С. 120–153; № 7–8. С. 159–187; № 9. С. 123–140; № 10–11. С. 172–211; № 12. С. 139–168.

² Уткин А. В. Учительский вопрос на рубеже XIX–XX веков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 154–167.

³ Первая Российская Государственная дума. / Под ред. Н. Пружанского. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3-х т. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 360.

⁶ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 324.

Обсуждения законодательных инициатив и проектов на пленарных заседаниях Государственной думы и в комиссии по народному образованию не раз становились ареной серьезных баталий по широкому спектру проблем российского образования и педагогики, в связи с чем стенографические отчеты заседаний Государственных дум всех четырех созывов, обзоры работы комиссии, иные документы дают богатый материал, позволяющий очертить круг вопросов, которые требовали своего решения, и те усилия, которые предпринимали депутаты для их решения. Выступления депутатов от различных фракций показывают многообразность взглядов и подходов к вопросу узаконивания всеобщего начального (народного) образования¹, национального и конфессионального образования, политехнического образования, правового регулирования труда учителя.

Однако, главной силой, тормозящей фундаментальные изменения в образовании, становится Министерство народного просвещения, которое явно не противодействует реформам, но и не соглашается на кардинальные инициативы депутатов, не осуществляет финансовую поддержку узаконенных изменений. Такое положение дел хорошо видно из отчетов Комиссии по народному образованию, из переписки Думы и Министерства. Например, по результатам работы первой сессии Третьей Думы комиссия обращает внимание Министерства народного просвещения, что «по отношению к законопроекту, касающемуся технических училищ», существует «не соответствие штатов означенных училищ с теми требованиями, которые должны быть предъявляемы к директорам и преподавателям», в связи с низким жалованьем². Да и традиционная бюрократическая волокита до такой степени затягивала обсуждение законов, что, несмотря на масштабность проделанной работы, Третья Государственная дума так и не приняла закон о всеобщем начальном образовании. Вместе с тем надо признать, что решения Думы стали заметным импульсом в развитии женского и педагогического образования³.

Общественности все более становилось ясно, что реформа образования начинает пробуксовывать и не может быть реализована без активного участия учительства, без того, чтобы поднять звание народного учителя в России на достойную высоту⁴. Такое отношение показатель-

¹ См.: Орчакова Л. Г. Законодательная деятельность Третьей Государственной думы в сфере образования (1907–1912) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 74–80.

² См., напр.: Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 88.

³ См.: Орчакова Л. Г. Вопросы женского в деятельности III Государственной думы (1907–1912 гг.) // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 1. С. 165–170.

⁴ Всеобщее обучение и народный учитель. Извлечение из представления Министерства народного просвещения в Государственную думу. М., 1909. С. 3–9.

но может быть проиллюстрировано словами депутата Д. Ф. Машкевича (Херсонская губ., правый¹): «Господа члены Государственной думы! Мы, как близко стоящие к школе, высоко держим знамя народного учителя»².

Ради объективности надо сказать, что в российском обществе бытовала точка зрения, где «учитель должен голодать, выносить непосильную тяжесть, терпеть дурное обращение. И в то же время быть терпеливым, кротким, трудолюбивым...». Встречались подобные суждения и в депутатском корпусе, что в печати вызывало критику: «Почему именно от учителя ожидают какого-то бесконечного самоотречения, какого-то фанатизма идеи, из-за которой можно все выстрадать, все перенести? Да и при чем самоотречение, когда человек должен преподавать латинский язык или алгебру?»³.

Неизменно обсуждение вопросов касаясь образования начиналось с материальной составляющей, а далее также неизменно переходили на иные, может быть, даже более важные вопросы, связанные с местом и ролью образования для развития России, системы преподавания, общественным предназначением учителя и учительства в российском обществе, личными и профессиональными качествами, которыми должен обладать преподаватель всех уровней в образовании и др. Само собой напрашиваются исторические параллели, так как все эти вопросы остаются предметом не менее острого дискурса в современном российском обществе. Единого ответа на них нет и у современных законодателей.

Во многих выступлениях и репликах депутаты делают особый акцент на воспитательной функции образовательных учреждений и деятельности самого учителя. Депутат от Полтавской губернии А. Е. Тесля (трудолик⁴) подчеркивал, что «одним из главнейших виновников народного бедствия страны является „невежество“, и ликвидировать его можно через образование большинства населения, при обязательном **воспитании**. **В этом видится даже более назначения учителя, нежели передача знания**» (выделение — Л.Г.)⁵. Или реплика другого депутата В. Ф. Рождественского от Курской губернии (правый⁶), который обуславливает более высокое качество образования в городском училище по сравнению с гимназией системой воспитания: «Я должен засвидетельствовать здесь перед высоким собранием, что постановка учебно-воспитательного дела

¹ Ромов Р. Б. Машкевич Дмитрий Федорович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 365.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 582.

³ Головачев П. Наши учителя, ученики и система // Русская школа. 1900. № 7–8. С. 110–124.

⁴ Тесля Андрей Ефимович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 610.

⁵ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты: Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 215.

⁶ Ромов Р. Б. Рождественский Василий Федорович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 528.

в городских училищах заслуживает особенной похвалы. Зависит ли этот успех от обдуманно составленной программы в учебно-воспитательном отношении или от персонала учительского, специально подготовленного педагогическому делу, не знаю, но, во всяком случае, успех дела в этих учебных заведениях стоит, по моему мнению, сравнительно выше, чем успех в наших гимназиях»¹.

Безусловно, депутатами признавалась необходимость увеличения материального вознаграждения за труд учителя, повышения правового статуса учителя, подчеркивалась экономическая составляющая его труда. Но менее важным представлялись новые профессиональные качества, которыми должен был обладать учитель. В уже указанном отчете (III Государственная дума, 1 сессия) комиссии по народному образованию докладчик Д. Н. Чихачев от Подольской губернии (умеренно-правый²) указывает: «<...> ввиду предстоящего значительного увеличения числа городских училищ <...>, чтобы <...> были обеспечены хорошо подготовленным составом преподавателей как по общеобразовательным предметам, так и по графическим искусствам»³. Еще более высокий уровень подготовки должен быть у преподавателей технических училищ: «Они (*преподаватели* — Л.Г.) должны обладать как серьезной теоретической подготовкой, так и практической. Более того приветствуется привлечение к преподаванию техников из «промышленных предприятий» и «частновладельческих экономик»⁴.

Депутаты в своих выступлениях демонстрировали вполне глубокую осведомленность положения вещей не только в образовании, но и в педагогике. Показательно в этой связи жаркое обсуждение на одном из заседаний Третьей Государственной думы системы учебного процесса: предметной или классной. Последняя подвергается депутатом М. Я. Капустиным (от Казанской губ., октябрист⁵) достаточно жесткой критике: «Классная система существует в Германии и была отсюда нами заимствована; ее пытались у нас насадить, но она не прививается, и такие педагоги, которые с одинаковой энергией, с одинаковым увлечением преподают различные предметы, не так легко у нас формируются, как педагоги, которые сосредоточивают свое внимание на одном каком-нибудь предмете, к которому имеют больший вкус, большее расположение, большие познания. Этот опыт жизни у нас в России показал, что у нас

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 557–558.

² Коцюбинский Д. А., Николаев А. Б. Чихачев (Чихачев 1-й) Дмитрий Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 684.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 553–554.

⁴ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Третий созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 88.

⁵ Усманова Д. М. Капустин Михаил Яковлевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 236.

классная система не удобна, не подходит. Почему же мы будем игнорировать этот опыт жизни и следовать только указаниям, заимствованным из жизни германских школ?»¹.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на низкий государственный статус учителя (Дума предпринимала усилия его повысить), его общественный статус оставался высоким, это подчеркивалось в выступлениях депутатов. Представители разных фракций отмечали, что необходимыми качествами учителя должны быть талант, социальная зрелость, гражданская ответственность, профессиональные идеалы, гуманизм, самоотверженное отношение к избранной профессии. Роль учителя особая и видится в том, что, формируя человека будущего, он является связующей нитью традиций, охранителем нравственных ориентиров в обществе. Особая роль образования возникает в исторически переломные периоды государства, и учитель, без сомнения, становится важным действующим лицом формирования новой парадигмы развития. И совершенно справедливыми, современными и актуальными звучат слова, напечатанные в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1913 год: «от народного учителя, при всеобщем и обязательном обучении, почти 90 % населения страны получают первые основы своего умственного образования, а также религиозного, гражданского и государственного воспитания, которое теперь начинают ценить даже больше, чем образование»².

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 560–561.

² Цит. по: Уткин А. В. Учительский вопрос на рубеже XIX–XX веков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 162.

РАССМОТРЕНИЕ В ЧЕТВЕРТОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ЗАКОНОПРОЕКТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОГРАНИЧЕНИЕ ОБОРОТА АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ (1914–1916 гг.)

СТОГОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается процесс рассмотрения в четвертой Государственной думе законопроектов, направленных на борьбу с пьянством. В июле 1914 г. правительство внесло в Думу законопроект, предлагавший повышение цен на вино и табак. Законопроект был принят в трех обсуждениях без прений. Крестьянские депутаты И. Т. Евсеев и П. М. Макогон составили законопроект «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости» и внесли его 1 августа 1915 г. в Думу, однако, вопреки мнению некоторых исследователей, он так и не был принят. Правительственные инициативы, касавшиеся ограничения оборота алкоголя, как правило, находили поддержку в Государственной думе и одобрялись ею. Тем не менее, представители левых партий (меньшевики, эсеры) критиковали трезвеннические законопроекты.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Государственный совет, правые, депутаты, пьянство, трезвость, законопроект.

Проблема пьянства остается актуальной в настоящее время. В пост-перестроечное время резко возросло потребление алкоголя. Несмотря на то, что в последние годы в России был введен ряд ограничительных мер, призванных уменьшить потребление спиртного, тем не менее, алкоголизм остается по-прежнему одной из незаживающих язв современного общества. В этой связи остается актуальным обращение к дореволюционным трезвенническим традициям.

В современной историографии проблема борьбы с пьянством в дореволюционной России представлена значительным количеством научных трудов¹. Отдельные работы касаются деятельности думских депутатов,

¹ Акоева Н. Б. Борьба за народную трезвость в России: исторический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 1. С. 13–17; Афанасьев А. Л. Общества трезвости в Tobольской губернии и Акмолинской области России (1890-е — начало 1910-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1 (13). С. 31–37; Клевцова О. В. Вклад Церкви в организацию антиалкогольной политики в дореволюционной России в конце

направленной на утверждение трезвости. Статья И. А. Шевченко посвящена антиалкогольному вопросу, рассматривавшемуся в Государственной думе третьего созыва¹. А. А. Иванов в монографии, посвященной думским правам, проанализировал позицию по вопросу о борьбе с пьянством членов правой группы Государственного совета и фракции правых Государственной думы накануне и в годы Первой мировой войны². Стоит отметить и более раннюю работу этого же автора, посвященную правам и проблеме народного пьянства в годы Первой мировой войны³. Часть работ посвящена общему анализу борьбы с пьянством в годы Первой мировой войны⁴. Вместе с тем до настоящего времени не было комплексного исследования, посвященного рассмотрению в Государственной думе в период Первой мировой войны законопроектов, касающихся ограничения оборота спиртного.

В Государственной думе вопрос о введении ограничительных мер по обороту алкоголя ставился не раз. Особую роль в III Думе в борьбе за трезвость сыграл самарский депутат М. Д. Челышев (октябрист)⁵, по инициативе которого 11 декабря 1907 г. в Думе была образована комиссия «О мерах борьбы с пьянством». 16 февраля 1911 г. Думой был принят законопроект с тем же названием⁶. В январе 1914 г. правая группа Государственного совета потребовала «добиваться от властей повышения розничной стоимости крепких спиртных напитков»⁷, но Дума отклонила это предложение. По словам Ю. И. Кирьянова, предложение правых Государственного совета во многом предопределило решение Николая II существенно ограничить летом 1914 г. оборот спиртосодержащей продукции⁸.

XIX — начале XX вв. (на примере Орловской епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. История и археология. 2019. № 1. С. 105–111; Менищikov И. С. Борьба православного духовенства с пьянством в русской западносибирской деревне в начале XX века // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 80. С. 93–106.

¹ Шевченко И. А. Антиалкогольный вопрос в Государственной Думе России III созыва // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12 (74): в 3 ч. Ч. 2. С. 207–211.

² Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / науч. ред. И. В. Алексеева. М.; СПб., 2013. С. 290–297.

³ Иванов А. А. Русские правые и проблема народного пьянства (годы Первой мировой войны) // Актуальные вопросы истории: материалы межвузовской науч. конференции. 20 мая 2009 г. Н. Новгород, 2009. С. 49–51.

⁴ Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93; Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 153–168.

⁵ Карнишин В. Ю. Челышев Михаил Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 673.

⁶ Афанасьев А. Л. Трезвенное движение в России в 1907–1914 гг.: характер, этапы, значение // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 29.

⁷ Иванов А. А. Правые в русском парламенте. С. 292.

⁸ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 335.

18 июля 1914 г. царским указом последовало полное запрещение продажи всякого рода спирта, также и денатурированного, и всех алкогольных напитков по случаю мобилизации¹. Однако 16 августа 1914 г. была временно вновь разрешена продажа денатурата, а 23 августа — продажа виноградного вина. 14 декабря была вторично запрещена продажа виноградных вин². Что же касается оборота крепких напитков, то 9 августа 1914 г. Совет министров на своем заседании продлил запрет на их продажу до 1 сентября. 22 августа император особым повелением запретил продажу водки до конца войны, тогда как запрет на продажу пива и портера должен был действовать до 1 октября 1914 г.³.

В нашей статье «Антиалкогольная политика царского правительства в годы Первой мировой войны»⁴ мы пришли к выводу, что так называемый «сухой закон» 1914 года не подразумевал полный запрет реализации алкоголя, а лишь вводил ряд ограничений, прежде всего, на крепкие напитки.

26 июля 1914 г., т. е. вскоре после подписания царского указа, состоялось заседание Думы, созданной на основании высочайшего указа Правительствующему сенату⁵. В начале заседания председатель Думы М. В. Родзянко сообщил, что министром финансов П. Л. Барком внесены в Думу законопроекты: 1) о некоторых мерах к усилению ресурсов казны на ведение военных действий⁶ (24 июля 1914 г., № 8591); 2) о мерах по денежному обращению ввиду военного времени (24 июля 1914 г., № 10461)⁷.

С докладом выступил П. Л. Барк. Анализируя первый из внесенных в Думу законопроектов, министр подчеркнул, что «для ведения войны государству приходится наряду с военной мобилизацией произвести также мобилизацию финансовую»⁸. Среди прочих мер Барк высказал мнение о необходимости повышения «цены на вино и на табак, ввиду того что вино и табак не являются предметами первой необходимости». Кроме того, он предложил увеличить акциз на пиво⁹.

¹ Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Доклад Противоалкогольному совещанию Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова в Москве. Пг., 1916. С. 4.

² Там же. С. 42.

³ Беляев С. Г. Указ. соч. С. 163.

⁴ Стогов Д. И. Антиалкогольная политика царского правительства в годы Первой мировой войны // Межвузовская научная конференция «Россия в Первой мировой войне: проблемы истории и историографии». 28 ноября 2014 г. Сборник докладов. СПб., 2014. С. 150–157.

⁵ Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 года (по поводу войны): стенографический отчет. 3-е изд. [Хутор Тихорецкий Кубан. Обл.], 1914. С. 11.

⁶ Ефремов В. Я. Экономические аспекты состояния тыла русской армии в ходе Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 420.

⁷ Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 года (по поводу войны): стенографический отчет. С. 16.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Там же. С. 23–24.

В тот же день после перерыва М. В. Родзянко предложил перейти к рассмотрению законопроекта о некоторых мерах к усилению ресурсов казны на ведение военных действий. Членами Государственной думы законопроект был признан спешным. Затем он был принят в трех обсуждениях без прений. Родзянко заявил, что теперь законопроект будет передан в Государственный совет¹.

В тот же день Государственный совет без обсуждения одобрил законопроект «О некоторых мерах по усилению средств казны ввиду обстоятельств военного времени»². При этом голосование производилось вставанием.

На основании одобренного законопроекта П. Л. Барк 28 июля 1914 г. представил на рассмотрение Совета министров проект повышения цен на водку до 12 р. 80 к. за ведро, на спирт — до 32 коп. за градус, на столовое вино — до 16 р. 80 к. за ведро. Совет министров 30 июля утвердил это представление³.

Как отмечает А. Ф. Смирнов, 26 июля «Дума единогласно приняла все законы и кредиты, связанные с ведением войны», а «левые присоединились к большинству»⁴. Впрочем, подчеркивает историк, Дума так и не сделала решающий шаг в плане полного запрещения алкоголя⁵.

Впрочем, через некоторое время вопрос о запрещении оборота алкогольной продукции вновь был озвучен в стенах Государственной думы. Крестьянские депутаты нижней палаты российского парламента И. Т. Евсеев (прогрессист)⁶ и П. М. Макогон (земец-октябрист)⁷ составили законопроект «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости» и внесли его 1 августа 1915 г. в Государственную думу⁸. В пояснительной записке к этому законопроекту отмечалось, что высочайше утвержденным положением Совета министров 27 сентября 1914 г. городским думам и сельским общинам, а затем положением 13 октября 1914 г. земским собраниям было предоставлено на период войны право наложения запрета на торговлю спиртными напитками в местностях, которые находятся в их ведении⁹.

¹ Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 года (по поводу войны): стенографический отчет. С. 38.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. 1913–1914 годы. Сессия девятая. Заседания 1–59 (1 ноября 1913–30 июня 1914 г. и заседание 26 июля 1914 г.) Пг., 1914. Стб. 10–13.

³ Беляев С. Г. Указ. соч. С. 163.

⁴ Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской Империи. 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. Челябинск, 2010. С. 499.

⁵ Там же.

⁶ Николаев А. Б. Евсеев Илья Тимофеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 182.

⁷ Николаев А. Б. Макогон Павел Матвеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 343.

⁸ Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. С. 52.

⁹ Там же.

Депутаты указывали: «Да будет стыдно всем тем, которые говорили, что трезвость в народе немыслима, что она не достигается запрещением. Не полумеры нужны для этого, а одна решительная бесповоротная мера: изъять алкоголь из свободного обращения в человеческом обществе и перенести его в аптеки и специальные склады...»¹.

Авторы законопроекта предложили ряд мер: воспретить продажу спирта, водочных изделий, виноградных вин, пива и других алкогольных напитков, а нарушителей заключать в тюрьму на срок от 4 месяцев до 1 года. Виноградное вино могло быть отпущено из аптек для лечебных целей по рецептам врачей, а при отправлении богослужения — по разрешениям, выдаваемым духовной властью².

В пользу законопроекта крестьянским депутатам удалось собрать 82 подписи членов Думы. На заседании Государственной думы 3 августа 1915 г. секретарь нижней палаты парламента И. И. Дмитриуков сообщил о поступившем «законодательном предположении об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости», отметив при этом, что подписавшие означенное законодательное предположение «просят передать его на заключение по вопросу о желательности в комиссию о народном здравии»³. Тогда же он был зарегистрирован под номером 13⁴. С подачи Д. Н. Воронова, опубликовавшего в 1930 г. брошюру «Алкоголь в современном быту», в литературе утвердилось мнение о том, что этот законопроект был принят в 1916 г., однако после того, как он поступил в Государственный совет, дальнейшего хода не получил, оставшись «под сукном»⁵. Как отмечают современные исследователи, «попытки историков 1920-х — 1930-х годов обнаружить хотя бы копию этого документа не увенчались успехом. Скорее всего, документ был уничтожен в революционные дни 1917 года»⁶. Известна только пояснительная записка, опубликованная в докладе А. Л. Мендельсона «Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства».

Изучение стенографических отчетов заседаний Государственной думы за 1916 г. не привело к обнаружению каких-либо намеков на обсуждение данного законопроекта. Зато 16 июня 1916 г. был принят Думой в третьем обсуждении после длительных прений,

¹ Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. С. 52.

² Там же. С. 54.

³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия четвертая. С приложением указателя к стенографическим отчетам. Пг., 1915. Стб. 356.

⁴ Там же. Стб. 1362.

⁵ Воронов Д. Н. Алкоголь в современном быту. М.; Л., 1930. С. 37.

⁶ Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://rbook.me/book/20539260/read/page/98/>

продолжавшихся на заседаниях 14 и 16 июня 1916 г.,¹ «законопроект об изменении и дополнении некоторых статей уставов об акцизных сборах»². Возможно, путаница объясняется тем, что речь И. В. Годнева была издана в 1917 г. отдельной брошюрой под названием³, отчасти сходным с наименованием законопроекта И. Т. Евсеева и П. М. Макогона. В ходе прений меньшевики и эсеры подвергли законопроект резкой критике.

Подводя итоги, отметим, что правительственные инициативы, касавшиеся ограничения оборота алкогольной продукции, как правило, находили поддержку в Государственной думе и одобрялись ею. Тем не менее, представители левых партий (меньшевики, эсеры) критиковали трезвеннические законопроекты. Предметом дискуссии является вопрос о причинах отклонения законопроекта Евсеева и Макогона Государственным советом. Остается также открытым вопрос о судьбе текста этого законопроекта.

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 5430–5537.

² Там же. Стб. 5337.

³ *Годнев И. В.* Речь, произнесенная в общем собрании Государственной думы 14 июня 1916 года членом Государственной думы И. В. Годневым по вопросу об утверждении трезвости в населении. Пг., 1917.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В СОСТАВЛЕНИИ, ОБСУЖДЕНИИ И УТВЕРЖДЕНИИ «ПРАВИЛ О ССУДНОЙ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШЕМУ ОТ ВОЙНЫ НАСЕЛЕНИЮ» (осень 1915 — весна 1916 гг.)¹

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории
Института истории и социальных наук
РГПУ имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru, zlatnari@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется процесс рассмотрения, редактирования и утверждения на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев проекта «Правил о ссудной помощи пострадавшему от войны населению» как одной из мер, предпринятых правительством с целью хотя бы частично заменить безвозмездную помощь беженцам облегченными, но возвратными ссудами.

Ключевые слова: беженцы, выселенцы, Особое совещание по устройству беженцев, Правила о ссудной помощи пострадавшему от войны населению, Государственная дума, Государственный совет, Первая мировая война.

Явления беженства, характерное для любой крупной военной кампании, к лету 1915 года стало для Российской империи настоящим стихийным бедствием, грозящим перерасти в социальную катастрофу. Для того, чтобы не допустить подобного разворота событий и материально поддержать государственные и общественные организации, занимавшиеся оказанием помощи жертвам войны и к этому моменту истратившие большую часть имевшихся у них средств, правительство постановило в августе 1915 года передать через специально создаваемое Особое совещание по устройству беженцев на дело помощи пострадавшим единовременно 25 млн руб.² Государство было готово и дальше помогать деньгами. Но объем финансирования, который теперь ожидали, требовали

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00128 А «Становление и развитие государственных и общественных благотворительных организаций в Российской Империи в период военных потрясений (XIX — нач. XX вв.)».

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия четвертая. СПб., 1915. Стб. 799.

от государства, рос в геометрической прогрессии. Приведем один показательный пример. На втором заседании Особого совещания по устройству беженцев, прошедшем 14 сентября 1915 года (то есть только-только были выданы 25 млн руб.), было сообщено, что из выделенных 25 млн уже передано соответствующим организациям 23 239 000 руб. Таким образом, свободных средств осталось 1 761 000 руб.,¹ и снова требовались новые субсидии. Причем эти деньги уходили безвозвратно. Беженцы, получавшие эту помощь, вложенные в них средства не должны были возвращать.

Поэтому вполне логично, что государство было заинтересовано в том, чтобы часть денежной помощи беженцам оформлялась в виде выдаваемых ссуд. Конечно, с особыми более щадящими условиями возврата средств, но все-таки с возможностью хоть часть субсидий позже вернуть в казну.

Особому совещанию по устройству беженцев было поручено разработать правила о ссудной помощи пострадавшему от войны населению. Именно ему, поскольку в положении об обеспечении нужд беженцев в ст. 13, п. 4 было прописано, что одной из функций Особого совещания является оказание пострадавшему от войны населению ссудной помощи². Для того, чтобы эту помощь оказать, нужно было сначала выработать Правила, согласно которым эти ссуды будут выдаваться.

О том, насколько изначально этот проект считался важным, свидетельствуют следующие факты. Во-первых, уже на первом заседании Особого совещания было поручено только что созданной комиссии по вознаграждению за убытки и выдаче временных ссуд и пособий беженцам³ начертать данный проект правил об оказании ссудной помощи⁴. Возглавил комиссию и занимался созданием проекта член Госсовета А. И. Лыкошин (правый⁵). Более того, это был один из немногих проектов, который полностью был разработан самим Совещанием, а не внесен на рассмотрение извне, как правило, Отделом по устройству беженцев при МВД. Во-вторых, проект впоследствии был подписан императором и получил статус закона, в то время как большая часть иных Правил и Инструкций, принимавшихся Совещанием, проходили в порядке управления. Выше приведенные данные отчасти противоречат мнению А. В. Ильина⁶, из-

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 2–2 об.

² Положение об обеспечении нужд беженцев. 30 августа 1915 г. № 1842 // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Пг., 1915. Отд. 1. С. 2425.

³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 24. Л. 1.

⁵ Куликов С. В. Лыкошин Александр Иванович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 158.

⁶ См.: Ильин А. В. Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия высшей школы. Серия «Правоведение». СПб., 1991. № 5. С. 49–55; *его же*. Особые совещания Российской империи: их место и роль в государственном механизме (1915–1917 гг.): Автореф. дис. ... к. юрид. н. Л., 1989.

лишне скептически оценивающего степень результативности работы Особого совещания.

Вообще, этой стороне деятельности Особого совещания по устройству беженцев, да и самим правилам о ссудной помощи уделяется минимальное внимание в отечественной и зарубежной историографии.

Ранее упомянутый А. В. Ильин, изучавший деятельность Особых совещаний Российской империи, в целом, и Особого совещания по устройству беженцев, в частности, из проектов, рассмотренных данным учреждением, сообщает только о принятии «Руководящих правил по устройству беженцев». И то кратко, больше обращаясь к теме работы кредитной комиссии Особого совещания по устройству беженцев.

В статье А. Н. Курцева деятельность Особого совещания по устройству беженцев, помимо самого вопроса его учреждения, освещается преимущественно лишь применительно к решению проблемы регулярного «пайкового» довольствия беженцев¹.

В работах И. Б. Беловой упоминается Особое совещание по устройству беженцев, но только применительно к самому факту его создания и как это затронуло другие схожие по направлению своей деятельности организации, а также к его работе по решению вопросов с выдачей беженских пайков (кому и сколько, воздействие через пайки на беженцев с целью привлечения их на сельхозработы и пр.)².

В статьях А. С. Тумановой, посвященных вопросам организационно-правового обеспечения беженства в годы Первой мировой войны³, упоминается ряд проектов, подвергнутых обсуждению и утвержденных Особым совещанием по устройству беженцев, но именно «Временные правила о ссудной помощи» ею не рассматриваются.

Зарубежный исследователь П. Гэтрелл, изучающий вопрос об оказании помощи беженцам как инструмент, используемый обществом и государством в период политического противостояния, обращается в данном контексте к анализу деятельности Особого совещания. Но о процедуре принятия и содержании самих «Правил о ссудной помощи пострадавшему от войны населению» он не пишет⁴. Вообще в зарубежной историографии если и обращаются к вопросу ссудной помощи пострадавшим от войны, то применительно к странам Западной Европы и США⁵. «Пра-

¹ Курцев А. Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

² Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России): Дис. ... д. ист. н. Брянск, 2015.

³ См., напр.: Туманова А. С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 50–59.

⁴ Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999.

⁵ См., напр.: Cooper R. William Pitt, Taxation, and the Needs of War. Journal of British Studies. 1982. Autumn. Vol. 22. No. 1. P. 94–103.

вила ссудной помощи», принятой в 1916 году в Российской империи ими не рассматриваются.

Вместе с тем анализ самого обсуждения проекта «Правил о ссудной помощи», определение того, какие именно из его пунктов вызвали наибольшие дебаты, в которых особенно активно участвовали и члены Госдумы и Госсовета, на что депутаты прежде всего обратили внимание по сравнению с представителями правительства, позволяет отчасти понять, что каждой из сторон ставилось во главу угла. Какие темы больше интересовали членов Законодательных собраний, какие — представителей государственных ведомств. В этом плане важно будет сравнить статьи правил, одобренных Особым совещанием, с итоговым текстом закона, опубликованным с корректировками, внесенными Советом министров.

Проект правил о ссудной помощи пострадавшему от войны населению, чье составление было поручено комиссии А. И. Лыкошина, был впервые представлен на 7-м заседании Особого совещания по устройству беженцев, 12 октября 1915 года¹. Затем он обсуждался почти непрерывно в течение месяца на 8 заседаниях (до 4 ноября 1915 года). Более того, для ведения протоколов по этой части повестки дня Совещания был выделен Особый единый журнал². Ни один другой проект, даже «Руководящих правил об устройстве беженцев» такой чести не удостоивался.

На первом заседании А. И. Лыкошин, представляя правила, обозначил, что суть проекта состоит в образовании Центрального в Петрограде и местных в губерниях комитетов для выдачи ссуд пострадавшему от войны населению. Причем комитеты эти будут составлены из должностных лиц заинтересованных ведомств и общественных представителей. Местные комитеты будут открываться на территориях, где сосредоточены беженцы³. Далее кратко были обозначены перечень лиц, имеющих право подать запрос на получение ссуды, а также способы расчета размера выдаваемых ссуд⁴. Именно в такой последовательности: сначала все о комитетах, только потом о том, кому и в каком размере выдавать ссуды, были выстроены и статьи в проекте, и процедура их обсуждения.

Следует также отметить, что еще до того, как приступили к постатейному рассмотрению проекта, жаркие споры вызвало определение круга лиц, на которых эти правила распространяются. Речь идет не о перечне видов владельцев имущества и источников доходов, достаточных для получения ссуды, об этом как раз разговор велся значительно позже и менее активно. А о том, на кого столь льготные условия получения ссуды можно распространить. И, что характерно, вопрос этот поднял представитель Министерства финансов Д. И. Засядко. Сперва он напрямую сказал, почему этот проект так нужен и так важен для правительства:

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 45, 51; Д. 24. Л. 1.

² Там же. Д. 24.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. ЛЛ. 1–1 об.

выдача ссуд облегчит материальное положение части беженцев и освободит государство от оказания благотворительной помощи тем из них, кто, впад в нужду, тем не менее обладает известным имущественным достатком. Но затем подчеркнул, что это станет облегчением для казны только в том случае, если эта ссудная помощь будет оказываться не всем лицам, имеющим соответствующие требованиям виды собственности и потенциальные источники доходов, а только действительно нуждающимся беженцам¹. Опасения Министерства финансов было вполне понятны, так как выдавались запланированные ссуды под особые, облегченные для беженцев условия: под беспроцентную ссуду на 10 лет.

Мнения по выше обозначенному вопросу разделились. Минфин ратовал за то, чтобы ограничить круг лиц, получающих данный тип ссуд, только нуждающимися беженцами. При голосовании Д. И. Засядко в этом вопросе был поддержан преимущественно представителями ведомств и лишь двумя депутатами Госдумы: Н. Д. Крупенским (центр²) и Г. Г. Замысловским (правый³)⁴. Но они и ранее чаще всего вставали на сторону правительства. Крупенский заявил о том, что и рады бы помочь всем, но средств может не хватить, поэтому помогать будем только беженцам, надо считаться со средствами государства⁵. Однако большинство проголосовало за то, чтобы действия Правил о ссудной помощи были распространены на всех лиц, потерпевших от войны, чье имущество находилось в руках неприятеля, и связь с ним была утрачена. Особенно активно за этот вариант выступали члены Госдумы Г. И. Свенцицкий (группа Западных окраин⁶), Л. К. Дымша (Польское коло⁷), Ф. И. Лошкейт (прогрессист⁸), из членов Госсовета — А. Б. Нейдгардт (правый центр⁹)¹⁰. Дымша, например, заявлял, что просто под беженцами надо понимать всех, кто пострадал от войны, находится вне своей родины¹¹. Проникновенную речь произнес Лошкейт, настаивая на том, что под беженцами надо понимать всех, кто пострадал от войны, он привел в пример свою

¹ Там же. Д. 3. ЛЛ. 41 об., 45 об.; Д. 24. ЛЛ. 2–2 об.

² Николаев А. Б. Крупенский (Крупенский 2-й) Николай Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 300.

³ Николаев А. Б., Ромов Р. Б. Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 202.

⁴ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 42 об.

⁶ Николаев А. Б. Свенцицкий Генрих Ипполитович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 550.

⁷ Николаев А. Б., Постников Н. Д. Дымша Любомир Клеофасович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 148.

⁸ Николаев А. Б. Лошкейт Федор Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 333.

⁹ Куликов С. В. Нейдгардт (Нейдгардт) Алексей Борисович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 180.

¹⁰ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 42 об.–43, 46 об.

¹¹ Там же. Л. 42 об.

семью (себя и детей — дочь и сына), которые не беженцы. Но так как их край захватили немцы, он разорен и у него ничего не осталось. Государство обязано вознаградить, это его долг, поэтому и финансы должны найтись¹.

В итоге, как уже было сказано выше, в проект положения вошла одобренная большинством голосов широкая обтекаемая формулировка «для выдачи ссуд лицам, потерпевшим от войны»².

Следующие масштабные дебаты развернулись вокруг ст. 2 правил, определявшей состав Центрального ссудного комитета. Первое же предложение Д. И. Засядко о включении в состав комитета представителя Государственного контроля было принято в штыки. В качестве аргумента «против» было заявлено, что в ЦК уже введен человек из Минфина, этого достаточно, так как он и будет представлять интересы Казначейства, а включение еще и представителя Государственного контроля замедлит рассмотрение дел в Центральном комитете³. Против включения контролера в состав ЦК голосовали члены Госдумы кн. И. С. Васильчиков (земец-октябрист⁴), Я. Ю. Гольдман (прогрессист⁵), М. И. Пападжанов (кадет⁶), Г. И. Свенцицкий, Н. М. Фридман (кадет⁷), Л. К. Дымша, Ф. И. Лошкейт, И. П. Залит (прогрессист⁸) и члены Госсовета — барон В. В. Меллер-Закомельский (центр⁹), К. Г. Скирмунт (центр¹⁰), В. П. Энгельгардт (левая группа¹¹)¹². Однако большинство голосов Особого совещания все же было отдано за введение представителя Государственного контроля в состав ЦК, поскольку его задачи отличаются от целей министерства финансов, тем более, что ЦК должен контролировать работу местных комитетов и составлять для них инструкции: гос. контролер при этом будет как раз к месту¹³.

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

² Там же. Л. 43 об.

³ Там же. Л. 56; Д. 24. Л. 4.

⁴ Николаев А. Б. Васильчиков Илларион Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 82.

⁵ Николаев А. Б. Гольдман (Гольдманис) Ян (Янис) Юрьевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 136.

⁶ Николаев А. Б. Пападжанов Михаил Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 441.

⁷ Николаев А. Б. Фридман Нафталъ Маркович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 652.

⁸ Николаев А. Б. Залит (Залтис) Иван (Янис) Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 201.

⁹ Бородин А. П. Меллер-Закомельский Владимир Владимирович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 167.

¹⁰ Бородин А. П. Скирмунт Константин-Стефан-Феликс Генрихович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 249.

¹¹ Бородин А. П. Энгельгардт Вадим Платонович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 334.

¹² РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 24. Л. 4 об.

¹³ Там же. ЛЛ. 4–4 об.

Далее член Госсовета В. В. Меллер-Закомельский поднял вопрос о необходимости включить в состав ЦК и представителей ВЗС и ВСГ¹, так как они явно будут входить в состав местных комитетов, а раз ЦК будет разбирать жалобы на работу местных учреждений, удобно, если и там, и там будут представители Союзов². Противники этой идеи обратили внимание на тот факт, что тогда надо будет вводить и представителей тех губерний, где нет земств. А это увеличило бы состав ЦК, что лишь раздуло бы аппарат. Более того, поскольку согласно изначальной формулировке ст. 2 Проекта в состав ЦК входят, по п. б), представители ведомств и, по п. в), 7 членов Особого совещания по устройству беженцев, выбранных Совещанием из своей среды, то представители Союзов могут согласно пункту под литерой «в» как раз и быть избранными в ЦК, поскольку входят в состав Особого совещания³.

В итоге предложение В. В. Меллер-Закомельского не поддержали, проголосовав 29 «против», 17 «за». И вновь показательно, что за поправку были члены Госсовета барон В. В. Меллер-Закомельский, К. Г. Скирмунт, В. П. Энгельгардт и члены Госдумы кн. И. С. Васильчиков, Я. Ю. Гольдман, М. И. Пападжанов, Г. И. Свенцицкий, Н. М. Фридман, Л. К. Дымша, Ф. И. Лошкейт, И. П. Залит⁴ — депутаты, уже неоднократно выступавшие единым фронтом. Правда, в данном случае даже Н. Д. Крупенский перешел на их сторону. Только Г. Г. Замысловский из среды думцев был против этого предложения. Но в итоге провести эту идею не удалось.

Неожиданный поворот получило обсуждение как раз той части ст. 2, где говорилось о вхождении в состав ЦК 7 членов Особого совещания по устройству беженцев, выбранных Совещанием из своей среды, то есть пункта статьи под литерой «в». Депутат Госдумы кн. И. С. Васильчиков, отмечая, что Особое совещание состоит из, во-первых, членов законодательных учреждений, во-вторых, представителей ведомств, в-третьих, представителей различных благотворительных организаций, выступил с предложением. Он призвал формулировку этого пункта заменить на «7 членов представителей различных благотворительных организаций, выбранных Особым совещанием из своей среды»⁵. Поскольку представители ведомств войдут в состав согласно другому пункту статьи, а члены обеих палат Парламента слишком загружены во время сессий законодательной работой, чтобы в должной мере принимать участие в работе ЦК, депутаты Госдумы и Госсовета вообще не будут входить в состав ЦК и их можно сразу исключить. Эту идею, с невключением депутатов законодательных палат в состав ЦК, поддержали и члены Госсовета — К. Г. Скирмунт (неудобно членам законодательных учреждений заниматься частными случаями⁶), В. В. Меллер-Закомельский (согласен

¹ Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов.

² РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 56; Д. 24. Л. 4 об.

³ Там же. Д. 24. ЛЛ. 4 об.—5.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 60 об.; Д. 24. ЛЛ. 5–5 об.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 60 об.

с мнением по поводу депутатов¹⁾, Н. А. Мясоедов (на членах ЦК будет колоссальная работа, дни и ночи будут заняты, поэтому члены Думы и Совета не могут в этом участвовать²⁾). В итоге ни одного голоса против такого предложения не прозвучало ни от думцев, ни от членов Госсовета. Входить в состав ЦК ни правые, ни либерально настроенные депутаты отнюдь не спешили.

В итоге была принята формулировка, согласно которой Центральный комитет должен был состоять: а) из председателя, назначаемого МВД; б) из представителей ведомств (их перечисление); в) из 8 лиц и 8 замов к ним, утверждаемых МВД из среды общественных деятелей по представлению Особого совещания по устройству беженцев³⁾. Увеличили число с 7 до 8, так как к ведомствам добавился Государственный контроль, то есть представителей государственных органов в ЦК стало 8 человек, требовался паритет состава в соотношении правительство / общество.

Обсуждение остальных статей проекта, посвященных устройству и функциям ссудных учреждений, даже о составе местных комитетов и праве ЦК образовывать из своего состава отделения для рассмотрения жалоб и протестов на решение местных комитетов, не вызвало столько же активного участия членов Госдумы и Госсовета. Единственное, что применительно к составу отделений: К. Г. Скирмунт внес предложение, чтобы число представителей от ведомств и обществ в их составе было равным⁴⁾. И было принято предложение Я. Ю. Гольдмана, что представители от земства и от Городской думы входят в состав местных комитетов одновременно⁵⁾.

Блок статей, посвященных непосредственно вопросам о том, каким именно категориям владельцев имущества и источников доходов можно выдавать ссуды, в каком именно размере и проводя через какую процедуру, имел еще меньший отклик у представителей законодательных палат. За исключением Я. Ю. Гольдмана, который вносил свои предложения по большей части данных вопросов. Прочие члены Думы и Госсовета были менее активны. Хотя порой били редко, но метко. Например, К. Г. Скирмунт внес предложение, которое, кстати, было одобрено, о включении в текст Правил примечания, что лицо, получившее ссуду, утрачивает право на казенный беженский паск⁶⁾. Н. А. Мясоедов предлагал при получении крупных ссуд более чем на 3 тыс. руб. беспроцентную ссуду заменять по прошествии 5 лет на ссуду под небольшой процент⁷⁾. Эта поправка не прошла.

Единственной темой из этого блока, вызвавшей активный интерес и дебаты с участием членов Госдумы и Госсовета, был вопрос, поднятый

¹ Там же.

² Там же. Л. 61 об.

³ Там же. Д. 24. ЛЛ. 5 об.–6.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 6 об.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Там же. ЛЛ. 12–12 об.

Л. К. Дымшей, о том, можно ли выдавать ссуду разделенной семье. То есть дать ссуду бежавшим от врага жене и детям, в то время как глава семейства остался на занятой врагом территории. Часть была против этой идеи, например, Г. Г. Замысловский. Но большинство, в том числе Г. И. Свенцицкий, Ф. И. Лошкейт и А. Б. Нейдгардт, это предложение поддержали, и оно было внесено в текст правил о выдаче ссуд¹.

4 ноября 1915 года завершилось обсуждение «Правил о ссудной помощи пострадавшему от войны населению», проект был принят и передан на утверждение в МВД. На рассмотрение Совету министров текст, с внесенными в него правками из МВД, поступил только 22 марта 1916. После обсуждения на междудементальной комиссии и на заседаниях Совмина 22 марта, 7 и 26 апреля проект был утвержден с добавлением пожеланий от минфина². Завершающим аккордом стало утверждение «Правил о ссудной помощи пострадавшему от войны населению» как законодательного акта 13 мая 1916 года на основании ст. 87 Основных государственных законов³.

Если сравнивать тексты проекта, разработанного и одобренного Особым совещанием⁴ с окончательным вариантом закона⁵, то законодательный акт содержал большее число статей за счет дробления имевшихся в законопроекте. Значительная часть статей была схожа по содержанию, но отличалась по формулировкам изложения. Однако были и существенные изменения. Прежде всего, в порядке очередности статей. Если Особое совещание по устройству беженцев начинало «Правила» со статей, посвященных составу, функциям и процедуре работы Центрального и местных ссудных комитетов, лишь затем переходя к самим вопросам о выдаче ссуд, то в законе сначала шли положения о том, кому, сколько и как выдавать ссуды, и только потом переходили к статьям о ссудных комитетах. В первую статью перенесли положение, что ссуда не полагается тем, кто получал и получает беженский паек. Вместо беспроцентной ссуды на 10 лет по завершении войны вводилась ссуда под 6 % годовых на 8 лет после заключения договора о мире. Если в проекте вознаграждение за работу получали члены и центрального, и местного комитетов, то по утвержденному закону это правило распространялось только на членов местных комитетов.

Таким образом, можно констатировать, что члены Госдумы и Госсовета, входившие в состав Особого совещания по устройству беженцев, приняли активное участие как в процессе составления Правил о ссудной

¹ Там же. Д. 3. Л. 60а. об.; Д. 24. ЛЛ. 7 об.–8.

² См.: Особый журнал совета министров. 26 апреля 1916 г. Об оказании ссудной помощи пострадавшему от войны населению // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1916 год. М., 2008. С. 172–174.

³ Временные правила об оказании ссудной помощи пострадавшему от войны населению. Пг., 1916. С. II.

⁴ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 24. ЛЛ. 14–16 об.

⁵ Временные правила об оказании ссудной помощи пострадавшему от войны населению. Пг., 1916.

помощи пострадавшему от войны населению, так и в обсуждении статей проекта и во внесении в их формулировки корректировок и изменений. При этом наибольший интерес депутаты проявили к теме формирования Центрального ссудного комитета, прежде всего, к вопросу обеспечения паритета представительства общественных деятелей и членов правительства в составе ЦК и местных отделов. Но при этом члены обеих законодательных палат отнюдь не стремились сами войти в состав ссудных комитетов, ссылаясь на занятость в Думе и Госсовете. Таким образом, их скорее волновал вопрос создания условий для включения и поддержания в этих комитетах значительной роли общественных деятелей в пику правительственным кадрам, чем возможность иметь там площадку для своей деятельности. Также можно сделать вывод о том, что вопросы, касавшиеся самой процедуры выдачи ссуд (кому, как, в каком объеме), меньше волновали думцев и членов Госсовета (за рядом исключений), чем тема «комитетского строительства». В отличие от представителей правительства, которые во главу угла ставили именно саму организацию ссудной помощи, ради которой они и затевали принятие «Правил» в статусе законодательного акта. Несмотря на очевидную важность принятия «Правил о ссудной помощи», его последующее утверждение на более высоких уровнях (в Совете министров и императором) затянулось на полгода (с 4 ноября 1915 по 13 мая 1916). Эта задержка, впрочем, могла быть связана не с тем, что государство перестало нуждаться в необходимости хотя бы частично заменить безвозмездную помощь облегченными, но возвратными ссудами. Скорее дело было в том, что решались более насущные на тот момент проблемы в этом спектре деятельности, например, принимались «Руководящие положения по устройству беженцев». Итоговый вариант «Правил о ссудной помощи пострадавшему от войны населению» отличался от созданных и принятых Особым совещанием по устройству беженцев в пользу соблюдения государственных интересов (начиная от переноса акцента со строительства системы комитетов на саму ссудную помощь, заканчивая введением более жестких условий возврата суммы).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ Г.Е. РЕЙНА С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧСК ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)¹

ЕВДОКИМОВ АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: artemius2014@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается взаимодействие Георгия Ермолаевича Рейна в качестве главноуправляющего государственным здравоохранением с депутатами IV Государственной думы с осени 1916 года до февраля 1917 года. В историографии данная проблема является малоизученной. Анализ взаимодействия Г. Е. Рейна как главноуправляющего государственным здравоохранением с Государственной думой показывает, что в сложившихся на тот момент исторических условиях шансов на успешное создание и деятельность Главного управления государственным здравоохранением практически не было, прежде всего в силу неблагоприятной политической обстановки накануне крушения монархии и нежелания оппозиции наладить диалог с Рейном как правым и близким к монарху сановником. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства при всем желании не смогла найти реальных оснований для обвинения Г. Е. Рейна в злоупотреблениях на посту главноуправляющего.

Ключевые слова: Г. Е. Рейн, В. И. Разумовский, Государственная дума, Главное управление государственного здравоохранения, Чрезвычайная следственная комиссия, Временное правительство, Н. К. Муравьев, элита.

Георгий Ермолаевич Рейн является ярким представителем интеллектуальной и политической элиты Российской империи начала XX века².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Россия накануне великих потрясений: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства», проект № 19-09-00252.

² См. подробнее об элитах в истории, напр.: Евдокимов А. В. Историческая элитология: проблемы историографии и теории // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели (научная монография) / Е. В. Агарин, Э. В. Баркова, А. В. Богомолов и др. / Под общ. ред. А. В. Грехова, А. Н. Фатенкова. М., 2019. С. 184–200; Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; Николаев А. Б., Поливанов О. А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 57–66; Селезнев Ф. А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией 1914–1918 гг. СПб., 2017.

Помимо участия в работе Государственной думы II и IV созывов в качестве депутата он также получил опыт работы в исполнительной власти на должности главноуправляющего государственным здравоохранением и стал, по сути, первым в России министром здравоохранения. После Февральской революции 1917 года деятельность Г. Е. Рейна попала в поле зрения Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

В российской историографии данная проблема является малоизученной. В основном внимание исследователей привлекала биография и медицинская деятельность Рейна¹. В меньшей степени изучена его деятельность в качестве депутата Государственной думы². И практически отсутствуют работы о деятельности Г. Е. Рейна в исполнительной власти, а именно в качестве главноуправляющего государственным здравоохранением с правами министра; кратко эта проблема затрагивается в статье М. Н. Козовенко³.

Теперь перейдем к вопросу о создании нового ведомства и об отношениях Г. Е. Рейна с Государственной думой, главным образом по поводу утверждения ею законопроекта о создании данного ведомства. Главное управление государственного здравоохранения было учреждено в особом порядке (по 87 статье Основных законов Российской империи) в обход Государственной думы в сентябре 1916 года и просуществовало всего четыре месяца.

Сначала Рейн был занят в основном организационными вопросами, в том числе формированием штата. Товарищем главноуправляющего стал

¹ Абашии В. Г., Долгов Г. В., Джигкаев М. А. Первый министр здравоохранения России академик Георгий Ермолаевич Рейн // Клиническая медицина. 2016. Т. 94. № 4. С. 313–316; Егорышева И. В. Значение трудов комиссии Г. Е. Рейна для здравоохранения России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 2. С. 54–57; Егорышева И. В., Морозов А. В. Эволюция центральных органов государственного управления здравоохранением в дореволюционной России // Вестник современной клинической медицины. 2016. Т. 9. № 3. С. 43–48; Ивченко Е. В., Карпущенко Е. Г., Овчинников Д. В. Академик Г. Е. Рейн у истоков Министерства здравоохранения России // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2016. № 4 (56). С. 181–185; Кира Е. Ф., Козовенко М. Н., Казиева З. М. Научная школа академика Г. Е. Рейна (к 160-летию со дня рождения) // Журнал акушерства и женских болезней. 2015. Т. 64. № 4. С. 103–110; Малкина А. С., Евдокимов А. В. Основные вехи медицинской деятельности Г. Е. Рейна // Пироговские чтения: Материалы XXVI научной конференции студентов и молодых исследователей, 24 ноября 2020 г. Н. Новгород, 2020. С. 41–44; Николаев А. Б., Ромов Р. Б. Рейн Георгий Ермолаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 520–521.

² Евдокимов А. В. Георгий Ермолаевич Рейн — депутат Государственной думы Российской империи // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 2. С. 95–100.

³ Козовенко М. Н. Главное управление Государственного здравоохранения (1916–1917): образование или частичное формирование // История медицины. 2016. Т. 3. № 3. С. 315–327.

Василий Иванович Разумовский, ректор Саратовского университета, начальником учебного отдела — декан медицинского факультета Томского университета Михаил Федорович Попов. При главноуправляющем государственным здравоохранением был образован Совет, в состав которого вошли: председатель Медицинского совета при МВД профессор Василий Николаевич Сиротинин, лейб-отиятр профессор Николай Петрович Симановский, член Медицинского совета профессор Григорий Федорович Писемский. Также были приглашены другие специалисты, а именно — юристы, инженеры, земские и городские деятели. В канцелярию нового ведомства привлечены сотрудники Рейна по работе в Междуведомственной комиссии, в том числе Николай Густавович Фрейберг¹.

Практически сразу после начала своей работы Главное управление государственного здравоохранения представило в Государственную думу законопроекты «о предупреждении заразных болезней и о борьбе с ними», «о врачебно-санитарной статистике» и, как заметил Рейн, «в порядке требования 87 статьи, об учреждении Главного управления», этот законопроект был внесен 5 декабря 1916 года, а остальные немного раньше².

В мемуарах Георгий Ермолаевич писал: «При голосовании в Совете министров я почти всегда примыкал к его более правым течениям. Выступлениям Государственной думы и различных общественных организаций, способствовавшим революционированию страны, я не мог сочувствовать. Все это было, конечно, известно и обществу, и печати»³.

Сам Рейн говорил, что «готов был даже согласиться на отклонение самостоятельного Главного управления с министерскими правами и на создание, взамен его, сильного и компетентного врачебно-санитарного органа, входящего в состав Министерства внутренних дел или какого-либо другого министерства»⁴, то есть в диалоге с парламентариями он был готов на поиск компромиссного решения.

Однако депутаты Государственной думы были настроены иначе. Как заметил Г. Е. Рейн, «надежды на здравый смысл, способный спокойно оценить интересы населения, не оправдались», а «Государственная дума, за десять лет своего существования проявившая в данном вопросе изумительную инертность, не выработавшая ни одного врачебно-санитарного законопроекта, проявила на этот раз изумительную энергию и спешку»⁵.

Здесь имеется в виду довольно быстрое рассмотрение законопроекта в комиссии народного здоровья. На ее заседании Рейн догадывался, что этот законопроект будет отклонен: «главным основанием для этого служило применение ненавистой 87 статьи» и «все прочие доводы имели приводящее значение»⁶.

¹ Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907–1918. Берлин, 1935. Т. 2. С. 97–98.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 102.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 106.

На это же обстоятельство обратил внимание на допросе Рейна член ЧСК Сергей Федорович Ольденбург: «Вы должны были отдавать себе отчет в том, что законодательные палаты относятся в высшей степени отрицательно к 87-й статье... это был наилучший способ гарантировать себе непрохождение данного законопроекта или, в сущности, создание эфемерного законопроекта и введения главы верховной власти, я сказал бы, в трудное положение...»¹.

Хотя в начале допроса председатель ЧСК Николай Константинович Муравьев, обращаясь к Г.Е. Рейну, подчеркнул, что «вы допрашиваетесь не в качестве обвиняемого и не в качестве свидетеля, но от вас требуются разъяснения по некоторым вопросам, которые я позволю себе вам задать»². И если мы посмотрим на этот допрос, на вопросы, которые задавали и Муравьев, и другие члены ЧСК, то выглядело это совсем иначе. В отношении к бывшим министрам действовала «презумпция виновности».

23 февраля 1917 года Государственная дума должна была рассматривать заключение комиссии народного здоровья об отклонении законопроекта о Главном управлении государственного здравоохранения. Но накануне, 22 февраля, Рейн поручил товарищу главноуправляющего В.И. Разумовскому передать письмо председателю Государственной думы и «взять законопроект обратно на основании статьи 44», что и было сделано³.

На допросе в ЧСК Рейн объяснил это так: «Откровенно говоря, мне неудобно, да и не принято высказывать осуждения законодательным учреждениям, но я должен сказать, что комиссия народного здоровья неправильно поступила. Она должна была по существу обсудить вопрос... Раз такое отношение выяснилось, то для меня было совершенно ясно, что проект нужно взять обратно, так как законодательные учреждения не желают рассматривать его по существу. Может быть, я неправильно поступил, но мне это казалось правильным, может быть, впоследствии, когда-нибудь кто-нибудь другой это внесет...»⁴.

Анализ взаимодействия Г.Е. Рейна с Государственной думой показывает, что в сложившихся на тот момент исторических условиях шансов на успешное создание и деятельность Главного управления государственным здравоохранением практически не было, прежде всего в силу неблагоприятной политической обстановки накануне крушения монархии и нежелания оппозиции наладить диалог с Рейном как правым и близким к монарху сановником. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства при всем желании не смогла найти реальных оснований для обвинения Г.Е. Рейна в злоупотреблениях на посту главноуправляющего.

¹ Допрос Г.Е. Рейна 29 мая 1917 года // ПЦР. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 22.

² Там же. С. 1.

³ Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907–1918. Т. 2. С. 186–187.

⁴ Допрос Г.Е. Рейна 29 мая 1917 года. С. 25.

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 20/21–30 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА: ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории
Института истории и социальных наук РГПУ имени А. И. Герцена,
заместитель председателя НМС
Центра истории парламентаризма МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена заседаниям Временного комитета Государственной думы, которые проходили вечером 20 — утром 21–30 апреля 1917 года. Советские и современные российские историки пишут всего лишь об одном заседании с участием ВКГД (вечером 20 апреля — утром 21 апреля), которое современники называли «историческим», и одном самостоятельном заседании думского Комитета 21 апреля 1917 г. Для того, чтобы выяснить, сколько в действительности прошло заседаний ВКГД в последней декаде апреля 1917 года, были привлечены разнообразные источники. Главным источником стали делопроизводственные документы, отложившиеся в фонде 1278 РГИА. Впервые в отечественной историографии в статье указывается, что с 20/21 апреля и по 30 апреля включительно прошло не два заседания ВКГД, как считали отечественные историки, а 7 заседаний. В статье доказано, что думский Комитет продолжал участвовать в функционировании механизма временной власти. Он давал согласие на использование депутатов Государственной думы в качестве комиссаров Временного правительства, избирал (назначал) своих представителей в различные учреждения, создаваемые Временным правительством. Кроме этого, ВКГД в изучаемый период создал свои новые структурные подразделения. Среди них Московская просветительная комиссия и Московское отделение Отдела сношений с войсками и населением.

Ключевые слова: заседания Временного комитета Государственной думы, «историческое» заседание в Мариинском дворце, Московская просветительная комиссия, Московское отделение Отдела сношений с войсками и населением, М. В. Родзянко.

Заседания Временного комитета Государственной думы, проходившие вечером 20 — утром 21 и по 30 апреля включительно, советскими и современными исследователями практически не изучены. Так, В. В. Комин вообще не упоминает ни об одном из них¹, а Д. В. Ознобишин пишет лишь о заседании 21 апреля 1917 г., на котором возникла

¹ Комин В. В. Контрреволюционная деятельность Государственной думы после свержения самодержавия. Март — октябрь 1917 года // Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина. Калинин, 1963. Т. 34. С. 205–306.

«идея организации» частных совещаний членов Государственной думы как «постоянного органа»¹. Традиция отсутствия углубленного интереса к деятельности думского Комитета продолжилась и в современной историографии. И. К. Кирьянов, например, упоминает о том, что «в ночь на 21 апреля в Марииинском дворце состоялось „информационное“ совещание членов Временного правительства, ВКГД и Исполкома Петросовета по вопросу о путях преодоления кризиса». И далее Кирьянов пишет о заседании ВКГД, не указывая даты его проведения, на котором В. В. Шульгин выступил с идеей о создании совещательного органа, который «дал бы возможность Временному правительству обмениваться мнениями с представителями различных политических партий»². Об этом же заседании думского Комитета, и вновь не датируя его, упоминает Ф. А. Гайда³. Н. А. Коваленко⁴ и Е. С. Гавроева⁵ в своих работах уделяют внимание совещанию в Марииинском дворце 20–21 апреля с участием представителей ВКГД. Иначе говоря, отечественные историки указывают всего лишь на одно совещание с участием ВКГД (вечером 20 апреля — утром 21 апреля) и одно самостоятельное заседание думского Комитета 21 апреля 1917 г. Естественно предположить, что заседаний ВКГД в изучаемый период было значительно больше, чем одно или два, если считать и совместные с Временным правительством и Исполкомом Петросовета. Даная статья ставит своей целью восстановить хронику заседаний думского Комитета, проходивших вечером 20, в ночь на 21 и по 30 апреля 1917 года включительно.

Источниковую базу исследования составили документы, отложившиеся в РГИА в фонде 1278 (Государственная дума). Подчеркнем, что журналов заседаний думского Комитета не выявлено. Хотя, как уже установлено, они велись⁶. Наибольший интерес представили отпуски различных удостоверений, которые были выписаны депутатам IV Государственной думы, а также деловая переписка, которую вел ВКГД с депутатами

¹ Ознобишин Д. В. Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 292.

² Кирьянов И. К. Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, политология. 2008. № 4/4. С. 84.

³ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 327.

⁴ Коваленко Н. А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль — октябрь 1917 г.). М., 2000. С. 111

⁵ Гавроева Е. С. М. В. Родзянко и князь Г. Е. Львов: механизм функционирования власти в марте — апреле 1917 г. // Journal of Modern Russian History and Historiography. Leiden; Boston, 2016. Vol. 9. P. 218.

⁶ Николаев А. Б. Временный комитет Государственной думы 1–10 апреля 1917 года: хроника заседаний // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. Сборник научных статей / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2019. С. 178.

и другими лицами и учреждениями. Сами эти документы, как правило, не содержат дат проведения заседаний ВКГД. Но пометки и резолюции на них позволяют, пусть и условно, отнести появление этих документов к тому или иному заседанию думского Комитета. Лучше обстоит дело с документами по финансовым вопросам, т. к. они содержат дату заседания ВКГД, на котором тот или иной вопрос был рассмотрен/решен.

Периодическая печать мало писала о заседаниях ВКГД. В прессе упоминалось о совещании в Мариинском дворце в ночь на 21 апреля, в котором приняли участие Временное правительство, Исполком Петросовета и ВКГД¹, а также о заседаниях ВКГД 21² и 24 апреля³. «Петроградская газета» утверждала, что заседание думского Комитета прошло и 23 апреля⁴, но каких-либо других подтверждений этому ни в прессе, ни в делопроизводственных документах не обнаружено. Иначе говоря, газета ошиблась. Всего в газетах сообщалось о трех заседаниях ВКГД, одно из которых совместное с Временным правительством и Исполкомом Петроградского Совета (совещание в Мариинском дворце). Участники событий ограничиваются воспоминаниями лишь о совещании в ночь на 21 апреля⁵. В исторических хрониках, изданных в 1920-х гг., или лишь упоминалось о соединенном заседании Временного правительства, ВКГД и Исполкома Петросовета в ночь на 21 апреля⁶, или говорилось об этом совещании и заседании ВКГД 21 апреля, на котором В. В. Шульгин «поднял вопрос об образовании совещательного органа по типу предпарламента, в котором Временное правительство могло бы обмениваться мнениями с представителями различных политических течений»⁷. Вместе с тем выявленные источники позволяют восстановить хронику заседаний Временного комитета Государственной думы 20/21–30 апреля 1917 года.

Вечер 20 — утро 21 апреля 1917 г. ВКГД принял участие в «информационном совещании», которое проходило в Мариинском дворце в связи с начавшимся массовым движением в Петрограде, вызванным нотой министра иностранных дел П. Н. Миллюкова. Инициатором созыва этого совещания стал меньшевик Б. О. Богданов, который 20 апреля на утреннем заседании Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов выдвинул идею проведения

¹ Дело народа. 1917. 22 апреля; Петроградская газета. 1917. 22 апреля; Рабочая газета. 1917. 22 апреля; и др.

² В Исполнительном комитете Гос[ударственной] думы // Новое время. 1917. 23 апреля.

³ Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 25 апреля.

⁴ Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Петроградская газета. 1917. 23 апреля.

⁵ См., напр.: Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. М., 1991. Т. 2. Кн. 3–4. С. 109–113.

⁶ Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. II. С. 50–51; Максаков В., Нелидов Н. Хроника революции. 1917 год. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 33

⁷ Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Пг., 1924. Т. 1. С. 226, 237.

«информационного» совещания членов Временного правительства, Временного комитета Государственной думы и представителей Петроградского Совета¹. После переговоров Н. С. Чхеидзе с кн. Г. Е. Львовым соглашение о проведении совещания было принято². «Речь» писала, что соединенное заседание Временного правительства, Исполкома Петросовета и ВКГД состоялось вечером 20 апреля 1917 г.³ Член Исполкома Петросовета Н. Н. Суханов, выступивший на совещании, вспоминал, что оно началось около десяти часов вечера, а закончилось, когда «занималось роскошное утро»⁴. «Рабочая газета» писала, что совместное заседание «тянулось с 9 с половиной вечера до 4 час. утра»⁵. По утверждению «Петроградской газеты» министр-председатель Временного правительства кн. Г. Е. Львов выступил с краткой заключительной речью в 6 часов утра⁶. В совещании в Мариинском дворце приняли участие около 100 человек: члены Временного правительства, Временный комитет Государственной думы, Исполнительный комитет Совета и представители фракций (в том числе и большевистской) Петроградского Совета. По нашим подсчетам, 80 % участников совещания представляли партии, входящие в Советы, среди них подавляющее большинство было за меньшевиками и эсерами. Мемуаристы из числа думцев, говоря о совещании, были немногословны. Так, член ВКГД С. И. Шидловский даже не смог вспомнить точной даты его проведения. Он писал: «В Мариинском дворце было устроено заседание Временного правительства с участием Временного комитета Государственной думы, такого же количества представителей Совета рабочих и солдатских депутатов ... Это было в апреле или мае 1917 года, тогда, когда Временное правительство еще до известной степени считалось с Государственной думой»⁷. По словам Н. Н. Суханова, представители прессы на совещание допущены не были. Он вспоминал: «<...> газетчики шумели и протестовали. Об „историческом“ заседании отчеты очень жалкие, но все же появились. Может быть, журналистов информировали участники, а может быть, некоторые репортеры как-нибудь проникли в залу»⁸. Любопытно, что член ВКГД И. И. Дмитриюков заявил прессе: «Мне трудно отозваться о том, что было высказано вчера в соединенном заседании; как известно, заседание было закрытым,

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / Ред. кол. Б. Д. Гальперина, О. Н. Знаменский, В. И. Старцев. Отв. ред. В. И. Старцев, Ю. С. Токарев. Отв. сост. Б. Д. Гальперина. СПб., 1995. Т. 2. С. 251–252.

² Старцев В. И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. М., 1978. С. 165.

³ Речь. 1917. 21 апреля.

⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. М., 1991. Т. 2. Кн. 3–4. С. 109, 113.

⁵ Рабочая газета. 1917. 22 апреля.

⁶ Петроградская газета. 1917. 22 апреля.

⁷ Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. II. С. 75.

⁸ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 110.

и высказываться о нем я лишен права»¹. Отчеты газет о совместном заседании Исполкома Петросовета, Временного правительства и ВКГД опубликованы во 2-м томе документов и материалов Петроградского Совета². Судя по ним, на совещании от ВКГД выступили с речами В. В. Шульгин (прогрессивный националист) и М. С. Аджемов (кадет)³. Заметим, что М. В. Родзянко успел выступить вечером 20 апреля перед собравшимися у Мариинского дворца. Он заявил: «Граждане! Я заклинаю вас: верьте тому правительству, которое поставила Государственная дума. Это — честное правительство, оно исполнит свой долг до конца!»⁴. Здесь Родзянко вновь напомнил о том, что Государственная дума является источником власти Временного правительства. Вместе с тем то, что он не назвал Петроградский Совет в качестве второго источника власти, видимо, было проявлением его недовольства Советом, который оказывал Временному правительству условную поддержку. Выступая на совещании в Мариинском дворце, Шульгин призвал к войне до победного конца, а Аджемов, обращаясь к советским деятелям, напомнил, что «Дума выдвинула вместе с вами Временное правительство и вручила ему всю власть». Он призвал представителей Петросовета или поддерживать Временное правительство «всеми силами, или самим взять власть в свои руки и нести ответственность перед родиной и ее будущностью»⁵. Иначе говоря, Аджемов, во-первых, указал на источники власти Временного правительства — Государственную думу и Петроградский Совет; во-вторых, призвал к полновластию Временного правительства, которое может быть достигнуто безусловной его поддержкой со стороны Петросовета, учитывая, что Государственная дума такую поддержку правительству уже оказывала. После речи М. С. Аджемова, как писало «Дело народа», «прения были закончены и члены Исполнительного комитета обратились к Временному правительству с предложением выработать текст обращения Временного правительства к русским гражданам с разъяснением ноты Временного правительства союзникам». О реакции членов думской делегации на это советское предложение какой-либо информации нет. Но известно, что В. В. Шульгин по поводу состоявшегося совещания в Мариинском дворце с удовлетворением отметил, что оно «принесло пользу» в смысле ознакомления министров и членов Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с позициями друг друга. «Если подобные совещания будут происходить и в дальнейшем, то, по моему

¹ *Весенев И.* Исполнительный комитет Г[осударственной] думы о событиях // *Вечернее время.* 1917. 21 апреля.

² Составители поместили в том отчеты газет «Дело народа», «Новая жизнь», «Рабочей газеты», «Петроградской газеты», «Единство», «Правда» и «День» (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Т. 2. С. 269–286).

³ Петроградская газета. 1917. 22 апреля; Рабочая газета. 1917. 22 апреля.

⁴ На Исаакиевской площади / События в Петрограде // *Утро России.* 1917. 21 апреля.

⁵ Ночное заседание в Мариинском дворце // *Дело народа.* 1917. 22 апреля.

мнению, — утверждал Шульгин, — Временное правительство сумеет договориться с Исполнительным комитетом рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет усвоит, что на нем лежит тяжелая ответственность за судьбу России». Шульгин отметил условия для соглашения: «Исполнительный комитет понимает, что сейчас нет такой социальной группы, которая могла бы взять власть»¹. Несколько позднее ВКГД в своем воззвании писал: «в последовавшем совещании Временного правительства с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и Временным комитетом Государственной думы выяснилось, что никаких существенных разночтений между Временным правительством и протестующими общественными группами нет и что выяснение происшедшего недоразумения никаких трудностей не представляет»².

21 апреля 1917 г. на заседании думского Комитета продолжилось обсуждение вопроса о путях выхода из Апрельского политического кризиса. В связи с этим на заседании выступил В. В. Шульгин с предложением о создании совещательного органа при Временном правительстве³. Мотивировка его была такова: во-первых, нет общей «трибуны», где могли бы говорить представители различных политических течений, так как Государственная дума не заседает, а Совет рабочих и солдатских депутатов «не выражает интересов всей страны»; во-вторых, нет «трибуны» для Временного правительства, где оно могло бы «тут же давать объяснения» на все возникающие вопросы. С помощью «общественно-правительственной трибуны», по мнению В. В. Шульгина, «все недоразумения последних дней, создавшие вокруг ноты Временного правительства, были бы сейчас же разъяснены, и в городе не было бы того волнения, которое создалось вокруг ноты»⁴. Но это было возможно лишь при условии гласности заседаний. Поэтому Шульгин настаивал на том, чтобы они проходили обязательно в присутствии представителей прессы, и газеты могли бы «печатать о них подробные отчеты»⁵. Он предложил следующий состав совещательного органа: Временное правительство в полном составе, представители Государственной думы, члены Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. Шульгин считал, что представителей Думы в проектируемом совещании должно быть столько же, сколько и представителей Совета⁶. Такое соотношение должно было обе-

¹ О событиях / Исполнительный комитет Государственной думы // Вечернее время. 1917. 22 апреля.

² От Временного комитета Государственной думы // Государственная дума. Известия Временного комитета. 1917. № 2. 30 апреля. С. 2.

³ См. подробн.: Николаев А. Б. «Парламентский» проект В. В. Шульгина // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды / Ред. кол.: В. И. Старцев и др. СПб., 1994. Вып. 2. С. 36–42.

⁴ Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля.

⁵ Проект совещательного парламента / Петроград // Раннее утро. 1917. 23 апреля.

⁶ Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля; Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника февральской революции. Пг., 1924. Т. 1. С. 237.

спечить внутреннее равновесие совещательного парламента и создать равное представительство демократической и цензовой общественности. В основу формирования проектируемого органа Шульгин предлагал положить принцип квотированного представительства, при котором выделенные квоты заполнялись бы самостоятельно участниками совещания. Последнее позволяло предположить включение в него наиболее видных представителей Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. «Парламентская» борьба, которую они развернут в стенах нового «парламента», способствовала бы, по мнению Шульгина, политическому воспитанию масс¹. Предложение Шульгина вызвало оживленные прения на заседании ВКГД 21 апреля. Заметим, что противников проекта оказалось больше, чем его сторонников, и поэтому он поддержан не был. Вместо него прошло предложение создать для «правильной формулировки русского общественного мнения» «возможность высказаться не только Совету рабочих и солдатских депутатов, но и Государственной думе, хотя бы в виде частного совещания депутатов»². Вместе с тем в прессе утверждалось, что «вопрос о проекте В. В. Шульгина остается пока открытым»³. Не найдя поддержки в Думе, Шульгин не отказался от своего проекта, а перенес борьбу за его реализацию на страницы газет⁴.

Закончив обсуждение проекта В. В. Шульгина, ВКГД перешел к решению других вопросов. Он рассмотрел просьбу военного министра А. И. Гучкова от 20 апреля, адресованную председателю Государственной думы М. В. Родзянко, о содействии в удовлетворении просьбы дежурного генерала при верховном главнокомандующем о командировании депутатов Государственной думы в VI армию Румынского фронта⁵. В телеграмме генерал-лейтенанта П. К. Кондзеровского передавалось сообщение генерал-квартирмейстера VI армии Л. А. Радус-Зеньковича о необходимости «теперь же, до начала мая, командировать членов Государственной думы для собеседования с чинами Балтийской дивизии (где замечается некоторое возбуждение), а впоследствии и в остальные части армии». Временный комитет постановил командировать депутатов Ю. М. Лебедева (кадет), И. В. Титова (прогрессист) и А. И. Савенко (прогрессивный националист)⁶. ВКГД была доложена телеграмма депутатов кн. С. П. Мансырева (прогрессист) и от. Ф. Д. Филоненко (группа центр), в которой они сообщали, что посетили 14-й корпус. Кроме этого, они

¹ Шульгин В. Киев, 24 апреля (По телеграфу из Петрограда) // Киевлянин. 1917. 25 апреля.

² Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля.

³ Почему молчит Г[осударственная] дума // Петроградский листок. 1917. 24 апреля.

⁴ Шульгин В. Киев, 24-го апреля 1917 г. (По телеграфу из Петрограда) // Киевлянин. 1917. 25 апреля; его же. Киев, 3-го мая 1917 г. (По телеграфу из Петрограда) / Часть неофициальная // Там же. 4 мая.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 321.

⁶ Там же. Л. 322.

писали, что главнокомандующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов просил их посетить 3-й корпус на Румынском фронте. Отказавшись от выполнения этой просьбы, они просили думский Комитет командировать других депутатов. ВКГД постановил командировать депутатов П. П. Гронского (кадет) и Ю. М. Лебедева¹.

23 апреля 1917 г. ВКГД за № 1472 выписал командировочное удостоверение депутату О. А. Гримму (Союз 17 октября) «в Новгородскую губернию для сношения с населением»². На каком из заседаний ВКГД было принято постановление о командировке Гримма, неизвестно. Не исключено, что это произошло 21 апреля.

ВКГД в ответ на две просьбы Центрального комитета по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях от 14 и 19 апреля³ назначил 21 апреля в его состав своим представителем депутата Н. Г. Маркова (Союз 17 октября), а заместителем к нему депутата Льва Александровича Зиновьева (Союз 17 октября)⁴. 23 апреля управляющий делами ВКГД Я. В. Глинка уведомил о назначении депутатов Н. Г. Маркова за № 1477 и Л. А. Зиновьева за № 1478⁵, об этом постановлении думского Комитета был проинформирован за № 1479 и Центральный комитет по восстановлению и поддержанию нормального хода работ на промышленных предприятиях⁶. На заседании ВКГД 21 апреля депутаты Государственной думы В. Н. Полунин (земец-октябрист), П. В. Синадино (центр) и Д. С. Теренин (земец-октябрист) избраны членами-заместителями Общегосударственного продовольственного комитета⁷, о чем думский Комитет 23 апреля за № 1480 уведомил министра земледелия А. И. Шингарева⁸, за № 1481 — Д. С. Теренина⁹, за № 1482 — П. В. Синадино¹⁰ и за № 1483 — В. Н. Полунина¹¹. Уведомления подписаны за председателя Временного комитета И. И. Дмитрюковым и управляющим делами ВКГД Я. В. Глинкой. Заметим, что в текстах уведомлений даты проведения заседания ВКГД нет, но эта дата — 21 апреля — указана в справке от 21 сентября 1917 г. за № 3183, подписанной за управляющего делами ВКГД М. П. Машковым¹².

Думский Комитет удовлетворил просьбу казначея ВКГД Н. М. Панкеева (кадет) от 14 апреля 1917 г. о назначении его заместителем депутата Государственной думы В. К. Винберга (кадет), который дал на него

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 333.

² Там же. Д. 6. Л. 185.

³ Там же. Д. 7. ЛЛ. 281, 282.

⁴ Там же. Л. 281.

⁵ Там же. ЛЛ. 284–285.

⁶ Там же. Л. 286.

⁷ Там же. Л. 536.

⁸ Там же. Л. 287.

⁹ Там же. Л. 288.

¹⁰ Там же. Л. 289.

¹¹ Там же. Л. 290.

¹² Там же. Л. 536.

согласие¹. 22 апреля за № 1451 И. Батов, за управляющего делами ВКГД, сообщил об этом постановлении казначею думского Комитета².

На заседании 21 апреля думский Комитет занимался финансовыми вопросами и благотворительностью. Он постановил «выдать вознаграждение воинским чинам, командированным» в ВК ВКГД, а также и другим лицам, работавшим в ней, в общей сумме 6675 р. 75 к. Сообщение об этом постановлении было направлено 22 апреля 1917 г. за № 1449 казначею думского Комитета³. Временный комитет Думы принял постановление об отпуске ВК ВКГД в виде аванса 3076 р. «на удовлетворение содержанием пяти обер-офицерских чинов, работающих в Комиссии»: капитана Бабановского, врача Н. М. Бунина, поручика Ронина, капитана Тюнева и поручика Зюкова. Деньги выделялись с условием, что ВК ВКГД затребует выданные им суммы из частей войск, в которых они состоят, и возвратит Временному комитету⁴. Казначей ВКГД был уведомлен об этом решении думского Комитета 22 апреля за № 1450⁵. Постановление было принято по просьбе ВК ВКГД от 16 апреля 1917 г. за № 22⁶, которой было сообщено об удовлетворении ее 22 апреля за № 1453⁷. ВКГД также постановил выдать аванс коменданту Таврического дворца в размере 7000 р. для удовлетворения содержанием лиц, откомандированных в Комендантское управление с тем, чтобы «означенный аванс был возвращен Комитету по истребованию» комендантом «из частей войск, в которых состоят эти лица, полученных ими сумм»⁸. Казначей ВКГД был уведомлен об этом постановлении 24 апреля за № 1521⁹, а комендант Таврического дворца — в тот же день за № 1522¹⁰.

ВКГД, опираясь на решения Комиссии помощи жертвам революции, принятые ею 21 апреля¹¹, постановил выдать пособия: 1) вдове штабс-капитана Зинаиде Васильевне Ивановой единовременное в размере 1000 р.¹². Ее муж, Александр Васильевич Иванов, командир 9-й роты 1-го Кронштадтского крепостного артиллерийского полка, умерший от огнестрельного ранения 1 марта, похоронен 20 марта 1917 г. на Петроградском православном Смоленском кладбище¹³. После убийства мужа З. В. Иванова осталась «без всяких средств <...> на руках с двумя детьми: 6 и 4 лет»¹⁴; 2) вдове сверхсрочнослужащего боцмана посыльного судна

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 74.

² Там же. Л. 81.

³ Там же. Л. 78.

⁴ Там же. Л. 79.

⁵ Там же. ЛЛ. 79–79 об.

⁶ Там же. Л. 75.

⁷ Там же. Л. 80.

⁸ Там же. Л. 83.

⁹ Там же. Л. 84.

¹⁰ Там же. Л. 83.

¹¹ Там же. Д. 17. ЛЛ. 75, 80, 82, 83, 116.

¹² Там же. Л. 79.

¹³ Там же. Л. 78.

¹⁴ Там же. Л. 76.

«Зарница» Матрене Ивановне Бобылевой, крестьянке Новгородской губ., Боровичского уезда, Засопинской волости, деревни Мышлячье, в размере 1000 р., «из коих единовременной выдаче подлежат» 150 р.¹, а 850 р. надлежало положить на ее имя в сберегательной кассе по месту жительства (г. Гурьев, Уральской обл.) и выдавать по 25 р. в месяц². Ее муж, Петр Бобылев, был убит 1 марта и 13 марта похоронен на Кронштадтском военно-морском кладбище. М. И. Бобылева после убийства мужа осталась «без всяких средств к жизни» «с пятью малолетними детьми». Комиссия помощи жертвам революции постановила выдать ей пособие в сумме 500 р., указав, что пособие может быть увеличено ВКГД³, что и произошло в действительности; 3) вдове сверхсрочнослужащего боцмана посыльного судна «Зарница» Ксении Ивановне Кузьменко, 38 лет, мещанке г. Херсона, в размере 500 р., из которых единовременной выдаче подлежало 150 р., оставшиеся 350 р. необходимо было положить на ее имя в сберегательной кассе по месту проживания (г. Херсон) и выдавать по 25 р. в месяц⁴. Ее муж, Самсон Кузьменко, был убит 1 марта и 13 марта похоронен на Кронштадтском военно-морском кладбище. К. Н. Кузьменко осталась «решительно без всяких средств к жизни» на руках «с малолетней дочерью»⁵. ВКГД уведомил Казначейскую часть о пособиях Ивановой 22 апреля за № 1455⁶, Бобылевой и Кузьменко 24 апреля за № 1527⁷.

Можно предположить, что думский Комитет поручил В. В. Шульгину и М. С. Аджемову составить протокол этого заседания⁸.

24 апреля 1917 г. на заседании ВКГД вновь обсуждался вопрос о событиях 20–21 апреля, и М. С. Аджемову было поручено «выработать проект воззвания к стране» от имени ВКГД в связи с ними⁹. Кроме этого, думский Комитет рассмотрел и вопрос о праздновании 11-й годовщины открытия I Государственной думы. ВКГД принял решение устроить 27 апреля «торжественное собрание с участием депутатов всех четырех созывов». ВКГД поручил И. Н. Ефремову (прогрессист) «войти в сношение с представителями всех фракций и выработать порядок дня торжественного заседания». Предполагалось, что первым с речью выступит председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко, а вслед за ним — председатель III Думы А. И. Гучков, председатель II Думы Ф. А. Головин и представители фракций¹⁰.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 85, 116.

² Там же. ЛЛ. 116–116 об.

³ Там же. Л. 83.

⁴ Там же. ЛЛ. 116–116 об.

⁵ Там же. Л. 80.

⁶ Там же. Л. 79.

⁷ Там же. ЛЛ. 116–116 об.

⁸ *Альфа*. Думский Комитет о событиях 21 апреля // Вечернее время. 1917. 26 апреля.

⁹ Воззвание Временного комитета Гос[ударственной] думы / Отклики последних дней // Петроградская газета. 1917. 25 апреля.

¹⁰ Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 25 апреля.

24 апреля ВКГД рассмотрел письмо председателя Особой следственной комиссии для расследования злоупотреблений по вооружению, снабжению и поддержанию боевой мощи морских сил России сенатора Н. И. Ненарокова с просьбой назначить ее членом депутата А. М. Александра (кадет), от которого Ненароковым было поручено предварительное согласие. Думский Комитет согласился с этим предложением¹. Управляющий делами ВКГД М. П. Машков 25 апреля за № 1531 уведомил об этом согласии сенатора Н. И. Ненарокова, а за № 1532 — депутата Государственной думы А. М. Александра. В делопроизводстве ВКГД имеется и письмо сенатора В. А. Бальца от 17 апреля, в котором он просил избрать представителя ВКГД в Комиссию для расследования злоупотреблений Военного ведомства по снабжению, вооружению и поддержанию боевой мощи русской армии². Не позднее 24 апреля думский Комитет избрал в комиссию сенатора Бальца депутата Л. Г. Люца (земец-октябрист). Об этом за управляющего делами ВКГД М. П. Машков уведомил 24 апреля за № 1524 сенатора В. А. Бальца³ и за № 1525 Л. Г. Люца⁴. И только после этого Люц был назначен в эту комиссию Временным правительством на своем заседании 26 апреля 1917 г.⁵.

Предположительно, именно на этом заседании была создана Московская просветительная комиссия, цель которой состояла в проведении в жизнь начал, возведенных ВКГД для «водворения в стране нового порядка» на основах, принятых к руководству Временным правительством. Исходя из этой цели Московская просветительная комиссия поставила перед собой в качестве задач издание и распространение соответствующей литературы, устройство публичных лекций, чтений и бесед⁶. Положение о Московской просветительной комиссии, видимо, принятое 24 апреля на заседании думского Комитета, было опубликовано 27 апреля 1917 г.⁷.

25 апреля 1917 г. прошло очередное заседание думского Комитета. Можно предположить, что на нем был рассмотрен и утвержден проект воззвания ВКГД к стране в связи событиями 20–21 апреля, составленный М. С. Аджемовым. Воззвание было опубликовано 27 апреля 1917 г. В нем указывалось, что Временное правительство создано Государственной думой «при содействии» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Это, несомненно, предполагало в случае необходимости участие ВКГД и Петросовета в создании нового состава правительства.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 302.

² Там же. Л. 359.

³ Там же. Л. 291.

⁴ Там же. Л. 292.

⁵ Журналы заседаний Временного правительства. М., 2001. Т. 1. С. 357.

⁶ Московская просветительная комиссия при Временном комитете Государственной думы // Вестник Временного правительства. 1917. 25 апреля.

⁷ Положение о Московской просветительной комиссии при Временном комитете Государственной думы // Государственная дума. Известия Временного комитета. 1917. № 1. 27 апреля. С. 4.

Кроме этого, в воззвании заявлялось, что «в это трудное время Временное правительство должно обладать всею полнотою власти»¹. Видимо, вслед за этим думский Комитет рассмотрел протокол своего заседания от 21 апреля, составленный В. В. Шульгиным и М. С. Аджемовым, который должен был быть опубликован 26 апреля 1917 года. Члены ВКГД В. А. Ржевский (прогрессист) и С. И. Шидловский (Союз 17 октября) «потребовали задержать его, и он [был] передан на новое рассмотрение»². Чем не устроил протокол Ржевского, Шидловского и других членов думского Комитета, неизвестно. Может быть, Шульгин слишком много места отвел в нем своему проекту совещательного парламента?

Не исключено, что на этом же заседании ВКГД принял постановление о командировании депутата В. А. Степанова (кадет) на Северный фронт. Удостоверение было оформлено ему 26 апреля за № 1547³.

ВКГД занимался и финансовыми вопросами. Он постановил «выдать вознаграждение воинским чинам и другим лицам, принимавшим участие в работах Военной комиссии» в общей сумме 3884 р. 25 к. Кроме этого, ВКГД решил восстановить аванс ВК ВКГД в размере 821 р. 95 к. Управляющий делами думского Комитета Я. Глинка сообщил об этом казначею ВКГД 26 апреля соответственно за № 1548⁴ и за № 1550⁵. На этом же заседании думский Комитет постановил «ассигновать на отпечатание воззвания от Центрального комитета трудовой группы к крестьянам о доставке хлеба для армии и населения» 8000 р. 27 мая за № 2635 за управляющего делами ВКГД М. Машков просил казначея Временного комитета выдать эту сумму члену ЦК трудовой группы С. Ф. Знаменскому⁶.

Некоторое внимание на этом заседании думский Комитет уделил и вопросу об оказании помощи участникам Февральской революции. ВКГД было доложено заявление поручика 11-го Сибирского стрелкового полка Подгорецкого, который с 28 февраля по 22 апреля 1917 г. работал в Автомобильном отделе ВК ВКГД. По словам заявителя, он был эвакуирован с фронта и поэтому «лишился всех видов довольствия, за исключением жалования по чину, т. е. 80 рублей <...>». Отправляясь в действующую армию, Подгорецкий просил ВКГД оказать ему помощь⁷. Думский Комитет постановил выдать ему пособие в размере 200 р⁸, о чем 26 апреля за № 1545 были уведомлены казначей ВКГД и за № 1546 поручик Подгорецкий⁹. Деньги Подгорецкому выдал из собственных средств

¹ Временный комитет Гос[ударственной] думы о событиях 20–21 апреля // Современное слово. 1917. 27 апреля.

² Альфа. Думский Комитет о событиях 21 апреля // Вечернее время. 1917. 26 апреля.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. Л. 191.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 89.

⁵ Там же. Л. 90.

⁶ Там же. Л. 191.

⁷ Там же. Л. 87.

⁸ Там же.

⁹ Там же. ЛЛ. 86, 88.

член ВКГД И. И. Дмитриюков. Поэтому 29 апреля за № 1579 М. Машков за управляющего делами Временного комитета просил казначея передать 200 р. Дмитриюкову¹.

ВКГД, опираясь на решение Комиссии помощи жертвам революции, принятое ею 25 апреля², постановил выдать пособие крестьянке Рязанской губ., Рязанского уезда, Мурминской волости³, села Долгинино⁴ Феодосии Григорьевне Зенковой в размере 1000 р.⁵ Рабочий Трубочного завода Андрей Васильевич Зенков был «доставлен в Англо-русский госпиталь 1-го марта 1917 г. с огнестрельным ранением головы и мозга[.] последствием чего явился правосторонний паралич тела с утратой речи»⁶. По словам его жены, он получал не менее 280 р. в месяц, что позволяло жить семье из 6 человек. Комиссия помощи жертвам революции назначила ей пособие в 500 р., ходатайствуя перед думским Комитетом об увеличении пособия⁷, которое было им удовлетворено.

28 апреля 1917 г. думский Комитет продолжил свое участие в разрешении Апрельского политического кризиса, выход из которого руководящая группа во Временном правительстве — Г. Е. Львов, А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и А. И. Коновалов — видела в создании коалиционного правительства⁸. 26 апреля Временное правительство опубликовало обращение, в котором оно заявляло о необходимости «привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством»⁹. В этот же день министр-председатель кн. Г. Е. Львов, ссылаясь на опубликованное обращение, сообщил М. В. Родзянко, что он обратился от имени Временного правительства к председателю Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н. С. Чхеидзе «с просьбой довести об указанных предположениях до сведения Исполнительного комитета и партий, представленных в названном Совете»¹⁰. М. В. Родзянко ознакомился с этим письмом в тот же день 26 апреля¹¹. Но сразу отвечать не стал, т. к., видимо, решил предварительно обсудить его на заседании думского Комитета. Вместе с тем провести его 27 апреля было затруднительно, т. к. в этот день проходило торжественное заседание депутатов Государственной

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 96.

² Там же. Д. 17. Л. 175.

³ Там же. Л. 176.

⁴ Там же. Л. 175.

⁵ Там же. Л. 177.

⁶ Там же. Л. 178.

⁷ Там же. Л. 175.

⁸ Старцев В. И. Революция и власть: Петроградский совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. М., 1978. С. 204.

⁹ От Временного правительства / Действия правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 26 апреля.

¹⁰ Письма министра-председателя кн. Г. Е. Львова к М. В. Родзянко и Н. С. Чхеидзе / Коалиционное министерство // Вечернее время. 1917. 27 апреля.

¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 9. Л. 122.

думы всех четырех созывов. 28 апреля 1917 г. за № 1566 М. В. Родзянко писал кн. Г. Е. Львову, что «Временный комитет Государственной думы, обсудив вопрос, возбужденный Временным правительством» об изменении состава правительства, «пришел к заключению, что вопрос этот может быть разрешен лишь при участии Временного комитета Государственной думы, а привлечение или назначение таковых лиц может быть произведено тем же порядком, каким произошло и назначение членов Временного правительства»¹. Можно согласиться с утверждением Е. С. Гавроевой, что тем самым председатель ВКГД напомнил министру-председателю о том, что «Дума является источником власти Временного правительства»². Заметим, что Родзянко писал кн. Львову не только от себя лично, но и от всего думского Комитета. Добавим и то, что речь здесь шла не только о Государственной думе, но и о Петросовете, который тоже являлся источником власти Временного правительства.

28 апреля ВКГД на своем заседании избрал вместо отказавшегося Д. С. Теренина членом-заместителем Общегосударственного продовольственного комитета депутата Государственной думы А. Н. Аносова (Союз 17 октября)³. 29 апреля за управляющего делами ВКГД И. И. Батов уведомил об этом избрании за № 1572 министра земледелия А. И. Шингарева⁴, а за № 1573 — А. Н. Аносова⁵. 28 апреля ВКГД выписал командировочное удостоверение за № 1565 депутату А. А. Эрну (кадет) на Владимирские пороховые заводы «для сношения с рабочими и администрацией» предприятий⁶. Не исключено, что решение о командировании Эрна было принято именно на этом заседании думского Комитета.

Можно предположить, что 28 апреля думский Комитет произвел пополнение состава Военной комиссии, избрав в нее депутатов Государственной думы Б. А. Энгельгардта (земец-октябрист), А. Н. Аносова, Д. Н. Сверчкова (центр), Л. А. Велихова (кадет) и Н. О. Янушкевича (трудовик), о чем они были проинформированы в этот же день соответственно за №№ 1560–1564⁷. Кроме этого, по утверждению А. Г. Шляпникова, членами ВК ВКГД были избраны депутат Государственной думы Н. В. Савич (земец-октябрист), а также полковник Генерального штаба Г. А. Якубович и князь Г. Н. Туманов⁸. Об избрании новых членов Воен-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 9. Л. 123.

² Гавроева Е. С. М. В. Родзянко и князь Г. Е. Львов: механизм функционирования власти в марте-апреле 1917 г. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Leiden; Boston, 2016. Vol. 9. P. 219.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 536.

⁴ Там же. Л. 307.

⁵ Там же. Л. 308.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 192.

⁷ Там же. Д. 28. Л. 70.

⁸ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год / Сост. и авт. примеч. А. С. Смольников и А. А. Чернобаев. М., 1994. Т. 3. Кн. 3–4. С. 414. Автор вместо Г. А. Якубовича ошибочно указал Якубовского.

ной комиссии ВКГД 1 мая 1917 г. уведомил Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов¹.

29 апреля 1917 г. думскому Комитету была доложена телеграмма депутата Государственной думы И. М. Гамова (кадет), который сообщал, что съездом делегатов Амурского казачьего войска он был избран наказным атаманом и председателем Войскового правления. 22 апреля Гамов вступил «в исправление» своих обязанностей². На этом же заседании ВКГД рассмотрел заявления депутатов от А. С. Будиловича (земец-октябрист) от 25 апреля о командировании его в Рязанскую губернию³ и Г. А. Бергмана (земец-октябрист) от 28 апреля, который предлагал свои услуги для поездки в Екатеринославскую губернию⁴. Думский Комитет отклонил просьбы от Будиловича⁵ и Бергмана⁶. 29 апреля думский Комитет на своем заседании рассмотрел телеграмму товарища министра внутренних дел С. М. Леонтьева от 25 апреля, в которой говорилось, что депутат Государственной думы А. П. Мельгунов (прогрессист) назначен помощником уфимского губернского комиссара. Леонтьев просил сообщить, «нет ли препятствий к такому назначению со стороны Временного комитета Государственной думы». На телеграмме стоит резолюция: «Отклонить»⁷. 1 мая за № 1621 М. В. Родзянко объяснил свой отказ в письме министру-председателю Г. Е. Львову: «Вопрос о назначении членов Государственной думы комиссарами был уже предметом совместного обсуждения членов Временного правительства и Временного комитета, причем было установлено, что возложение на членов Государственной думы административных обязанностей не может иметь места без ведома и согласия Временного комитета». Назначение же депутата А. П. Мельгунова «помощником комиссара состоялось вне установленного соглашения». Поэтому думский Комитет «не признал возможным согласиться» на это назначение⁸. ВКГД также не признал возможным удовлетворить ходатайство от 20 апреля за № 8509 товарища министра внутренних дел Д. М. Щепкина о командировании депутатов И. П. Демидова (кадет) и П. П. Гронского, находившихся на Юго-Западном фронте, «проехать в Волынскую и Подольскую губернии для ознакомления с настоящим положением этих губерний». Об этом постановлении ВКГД от 29 апреля М. В. Родзянко уведомил министра внутренних дел 1 мая за № 1622⁹. ВКГД отклонил также и просьбу от 24 апреля 1917 г. о назначении депутата Государственной думы Ф. И. Лошкейта (беспартийный) гродненским губернским комиссаром Временного правительства, подписанную

¹ Шляпников А. Г. Указ. соч. С. 414.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 116.

³ Там же. Оп. 10. Д. 7. ЛЛ. 324, 325.

⁴ Там же. Л. 315.

⁵ Там же. Л. 326.

⁶ Там же. Л. 316.

⁷ Там же. Л. 337.

⁸ Там же. Л. 338.

⁹ Там же. Л. 340.

выборщиками в I Государственную думу от г. Белостока Ю. Ш. Колецким, от крестьян Гродненской губернии Г. О. Данилевичем, товарищем председателем Гродненского окружного суда А. Т. Стефановским и эвакуированным из Белостока журналистом Д. Мунтяновым¹.

На этом же заседании вновь рассматривался вопрос о комиссарстве в Ставропольской губернии депутата Государственной думы Д. Д. Старлычанова (трудолик). В распоряжении думского Комитета находилась телеграмма за подписью председателя Ставропольского губернского комитета общественной безопасности Н. Г. Дидрихсона, принятая в Петрограде 26 апреля и посланная в два адреса: председателю Совета министров кн. Г. Е. Львову и М. В. Родзянко. Эта телеграмма полностью совпадала по содержанию с телеграммой, принятой в Петрограде 18 апреля и рассмотренной ВКГД 19 апреля². Кроме этого, в думский Комитет поступило письмо от 29 апреля за № 963, подписанное товарищем министра внутренних дел С. М. Леонтьевым. В нем Леонтьев писал, что Отдел по делам местного управления МВД просит если не назначить Д. Д. Старлычанова комиссаром, то хотя бы допустить его к исполнению комиссарских обязанностей³. Временный комитет Думы пошел на уступки: на телеграмме Дидрихсона поставлена резолюция: «Доложено 29 I/IV 1917 г. Удовлетворить»⁴. 30 апреля за № 1595 за управляющего делами ВКГД И. И. Батов уведомил товарища министра внутренних дел С. М. Леонтьева, что «Временный комитет не встретил препятствий к разрешению члену Государственной думы Старлычанову принять на себя обязанности ставропольского губернского комиссара»⁵. 1 мая Управление делами ВКГД телеграфировало об этом же председателю Ставропольского губернского комитета общественной безопасности Дидрихсону⁶, и в этот же день Старлычанову было оформлено удостоверение за № 1618 на исполнение им обязанностей ставропольского губернского комиссара⁷.

Изучив письмо министра юстиции А. Ф. Керенского от 26 апреля за № 3746 об избрании думского представителя в Комиссию для рассмотрения вопросов о помиловании или облегчения участи лиц, осужденных приговорами судебных установлений ведомства Министерства юстиции⁸, ВКГД избрал 29 апреля в ее состав депутата Ф. И. Лошкейта, о чем ему было сообщено 30 апреля за № 1600 за управляющего делами ВКГД И. И. Батовым⁹, а 1 мая за № 1619 об этом же был уведомлен министр юстиции А. Ф. Керенский. Уведомление в адрес А. Ф. Керенского

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 319.

² Ср.: там же. ЛЛ. 275 и 313.

³ Там же. Л. 312.

⁴ Там же. Л. 313.

⁵ Там же. Л. 314.

⁶ Там же. Л. 333.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 195.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 328.

⁹ Там же. Л. 327.

подписали председатель Временного комитета М. В. Родзянко и управляющий делами ВКГД Я. В. Глинка¹.

29 апреля ВКГД вел переписку с депутатами по поводу командировок, о которых, видимо, принял постановление в этот же день. М. В. Родзянко телеграфировал депутатам В. И. Дзюбинскому (трудолик) и В. А. Ржевскому (прогрессист), находящимся в Москве, с просьбой поехать в Орловскую губернию на Мальцевский завод². 1 мая они известили ВКГД о невозможности выполнить его поручение³.

29 апреля думский Комитет рассмотрел предложение заведующего Отделом сношений с войсками и населением депутата Государственной думы П. В. Герасимова (кадет) об открытии в Москве отделения Отдела. ВКГД постановил принять предложение Герасимова и назначить руководителем отделения депутата М. М. Новикова (кадет), о чем ему было сообщено 1 мая за № 1606 за управляющим делами ВКГД И. И. Батовым⁴.

На этом же заседании думский Комитет занимался финансовыми вопросами. Он разрешил открыть заведующему Отделом сношения с войсками и населением депутату П. В. Герасимову дополнительный кредит в 300 000 р., о чем был уведомлен казначей ВКГД 1 мая за № 1601⁵. Кроме этого, Временный комитет Думы принял решение выдать начальнику Радиотелеграфного отдела ВК ВКГД аванс в 500 р. «на обзаведение хозяйственным и кухонным инвентарем». Казначей думского Комитета был уведомлен об этом постановлении 30 апреля за № 1597⁶, а Военная комиссия — в этот же день за № 1598⁷. Заметим, что первоначально ВКГД препроводил 26 апреля за № 1689 просьбу начальника Радиотелеграфного отдела капитана Родера от 24 апреля за № 112 на распоряжение в Военную комиссию. 28 апреля ВК ВКГД просил думский Комитет удовлетворить прошение начальника Радиотелеграфного отдела⁸. Видимо, на этом же заседании ВКГД⁹ не признал возможным удовлетворить ходатайство группы офицеров, солдат и общественных деятелей г. Харькова о выдаче из средств думского Комитета субсидии на издание газеты, о чем за № 1599 было сообщено и. д. начальника гарнизона г. Харькова¹⁰. Заявители просили на издание газеты «Воин — гражданин»¹¹ 80 000 р.¹²

30 апреля 1917 г. ВКГД рассмотрел просьбу депутата Г. С. Унковского (земец-октябрист) от 28 апреля командировать в Пензенскую губернию

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 336.

² Там же. ЛЛ. 310, 311.

³ Там же. Л. 343.

⁴ Там же. Л. 332.

⁵ Там же. Д. 14. Л. 112.

⁶ Там же. Л. 103.

⁷ Там же. Л. 111.

⁸ Там же. Л. 105.

⁹ На просьбе стоит пометка: «Доложено 29/IV 1917[.] Отклонено» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 98).

¹⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 102.

¹¹ Там же. Л. 98 об.

¹² Там же. Л. 100.

одного из депутатов «не из числа членов Государственной думы от Пензенской губернии». Любопытно, что Унковский тем самым следовал подходу Временного комитета «о необходимости командировать членов Думы не в те губернии, от которых они являются представителями». В своем письме Унковский изложил историю его борьбы за командирование представителей ВКГД в Пензенскую губернию: 10 апреля он «передал на распоряжение Временного комитета копию телеграммы бюро съездов землевладельцев Пензенской губернии, в которой указывалось на непрекращающиеся случаи погромов, обысков, незаконных арестов, снятий с работы». Бюро съездов просило командировать в губернию представителей ВКГД для «разъяснения населению недопустимости самочинных и насильственных действий». 20 апреля Унковский подтвердил эту просьбу «личным обращением к председателю Временного комитета». 28 апреля он вновь обратился в думский Комитет, т.к. получил срочную телеграмму из Пензенской губернии, в которой сообщалось, что Мокшанский Исполнительный комитет «конфискует скот, лошадей для раздачи крестьянам». ВКГД постановил командировать в Пензенскую губернию депутата Государственной думы¹. Видимо, на этом же заседании был решен вопрос о командировании думца и в Самарскую губернию. Во всяком случае, 2 мая за № 1629 ВКГД уведомил члена Государственной думы А. П. Сидорова (независимый) «о командировании его в Пензенскую и Самарскую губернии для сношения с населением и войсками»².

Таким образом, с 20/21 по 30 апреля 1917 года включительно прошло не два заседания ВКГД, одно из которых было совместное с Временным правительством и Исполкомом Петросвета, как писали отечественные историки, а 7 заседаний: вечером 20 — утром 21, 21, 24, 25, 28, 29 и 30 апреля. Все заседания, кроме «исторического» вечером 20 — утром 21 апреля, проходили под председательством М. В. Родзянко. Разрозненные материалы не дают возможность полностью реконструировать сценарий самостоятельных заседаний ВКГД. Можно лишь предположить, что сначала Временный комитет рассматривал важные политические вопросы (о воззвании ВКГД, 24 апреля), заслушивал доклады членов ВКГД (В. В. Шульгин, 21 апреля). Затем, видимо, производились назначения думцев членами различных учреждений, а также принимались решения о командировках депутатов на места и фронт (7 командировок, 9 депутатов, включая одну командировку, от которой отказались 2 депутата). Из командированных членов Государственной думы четверо были кадетами, двое — прогрессистами. Любопытно, что ни земцев-октябристов, ни октябристов среди командированных не оказалось.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 317.

² Там же. Д. 28. Л. 73.

Несомненно, думский Комитет и 20/21–30 апреля 1917 года продолжал играть важную роль в функционировании механизма временной власти. И хотя новых назначений (утверждений) комиссаров в министерства и благотворительные учреждения он уже не проводил, но давал согласие на использование депутатов Государственной думы в качестве комиссаров Временного правительства (Д. Д. Старлычанов, Ставропольская губ., 29 апреля). Кроме этого, ВКГД избирал (назначал) своих представителей в различные учреждения, создаваемые Временным правительством (Н. Г. Марков, Л. А. Зиновьев, Центральный комитет по восстановлению и поддержанию нормального хода работ на промышленных предприятиях, 21 апреля; В. Н. Полунин, П. В. Синадино и Д. С. Теренин, Общегосударственный продовольственный комитет, 21 апреля; А. М. Александров, Особая следственная комиссия для расследования злоупотреблений по вооружению, снабжению и поддержанию боевой мощи морских сил России, 24 апреля; Л. Г. Люц, Комиссия для расследования злоупотреблений Военного ведомства по снабжению, вооружению и поддержанию боевой мощи русской армии, 24 апреля; А. Н. Аносов вместо выбывшего Д. С. Теренина, Общегосударственный продовольственный комитет, 28 апреля; Ф. И. Лошкейт, Комиссия для рассмотрения вопросов о помиловании или облегчения участи лиц, осужденных приговорами судебных установлений ведомства Министерства юстиции, 29 апреля). И если среди командированных на места и фронт в изучаемый период земцев-октябристов и октябристов не было, то в случае с представительством ВКГД в учреждениях, созданных Временным правительством, ситуация была иной. Среди 9 членов и членов-заместителей от ВКГД в этих учреждениях трое были земцами-октябристами и трое — октябристами, т. е. составляли большинство этого думского представительства.

Временный комитет Государственной думы 20/21–30 апреля 1917 года создал свои новые структурные подразделения (Московская просветительная комиссия, 24 апреля; Московское отделение Отдела сношений с войсками и населением, 29 апреля), пополнил состав ВК ВКГД и решал финансово-хозяйственные вопросы. Опираясь на Комиссию помощи жертвам революции, ВКГД занимался благотворительностью (4 пособия, 3500 р.). Кроме этого, он оказывал помощь и не жертвам революции (1 пособие, 200 р.).

ПАРЛАМЕНТСКАЯ БИОГРАФИКА

ДЕПУТАТЫ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ III СОЗЫВА: ЛИЦА И СУДЬБЫ

ИВАНКОВ ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ,

экскурсовод ГБУК

«Калининградский областной музей изобразительных искусств»,

Калининград, Россия;

e-mail: eduard.ivankov.2013@mail.ru

Аннотация: Избирательный закон 3 июня 1907 г. изменил соотношение сил в губернском избирательном собрании в пользу помещиков. Выборщики от землевладельцев вместе с крупными городскими собственниками смогли беспрепятственно провести в Государственную думу своих кандидатов и повлиять на исход выборов депутатов от других курий. Большинство избранных псковских депутатов принадлежали к привилегированному сословию дворян-землевладельцев, за исключением крестьянина Николая Тимофеева. В отличие от предшественников, депутаты III Думы стали более образованными: двое получили университетское образование, двое — среднее и один домашнее (для сравнения: в I Думе из 4 псковских депутатов высшее образование имел лишь граф Гейден, во II Думе — только инженер Н. Н. Рокотов). Изменился не только сословный состав и образовательный ценз депутатского корпуса, но и политический облик парламентариев: все избранные придерживались консервативных взглядов и в Государственной думе примкнули к правому флангу. Дополнительные выборы 1911 г. продемонстрировали то, что в Псковской губернии сформировалось крепкое националистическое ядро из крупных землевладельцев. За время законодательной работы в стенах Таврического дворца представители Псковской земли накопили значительный опыт парламентской деятельности: входили в президиум Государственной думы, заседали в думских комиссиях, неоднократно выступали в качестве докладчиков по различным законопроектам. Несмотря на то, что среди псковских избранников не оказалось столь ярких политических фигур общеимперского масштаба, как, например, граф П. А. Гейден, они пополнили парламентскую элиту России. В дальнейшем судьба псковских экс-депутатов сложилась по-разному. В годы Первой мировой войны многие из них мужественно сражались на фронте, другие занимались реализацией мероприятий в тылу, в частности, устройством беженцев, организацией лазаретов и госпиталей. Революционный хаос 1917 г. и Гражданская война не обошли стороной

псковских экс-парламентариев, которые включились в активную борьбу против большевиков. С установлением советской власти в России они подались в эмиграцию.

Ключевые слова: избирательный закон, выборы, помещики, политики, чиновники, депутаты, дворяне, земцы, землевладельцы, земледельцы, торговцы, националисты, правые, фракции, законопроекты, думские комиссии, курии, представительство, парламентаризм.

14 октября 1907 г. на губернском избирательном собрании с первой же баллотировки подавляющим большинством были избраны все пять членов III Государственной думы от Псковской губернии: Николай Тимофеевич Тимофеев, Андрей Никитич Ткачев, Николай Иванович Микляев, Николай Николаевич Лавриновский и Александр Дмитриевич Зарин¹.

Из пяти избранных лиц двое получили университетское образование, двое — среднее и один домашнее. Если в I Думе среди едва грамотных крестьян выделялся граф П. А. Гейден, получивший образование в артиллерийской академии, а во II Думе из четырех избранных с высшим образованием был только инженер путей сообщения Н. Н. Рокотов, то избранные в III Думу, по сравнению с прежним составом, имели преимущество в образовательном цензе².

Главенствующая роль землевладельцев в губернском избирательном собрании привела к их гегемонии в Государственной думе. Большинство избранных псковских депутатов принадлежали к благородному сословию, за исключением крестьянина Н. Т. Тимофеева. Псковские дворяне и земцы А. Н. Ткачев, Н. И. Микляев, Н. И. Лавриновский, А. Д. Зарин придерживались консервативных воззрений и пользовались доверием местной администрации.

Потомственный дворянин Андрей Никитич Ткачев приходился братом детской писательнице Александре Анненской и идеологу народничества публицисту Петру Ткачеву. Окончив юридической факультет Московского университета, преподавал историю в С.-Петербургских мужских и женских средних учебных заведениях. Издал учебное пособие по истории «Греция и Рим» (1875). Наряду с преподавательской деятельностью занимался адвокатурой в столице. В 1896 г. переехал из С.-Петербурга в свое имение Сивцово Великолукского уезда Псковской губернии. Здесь он занялся сельским хозяйством и земским делом как гласный уездного и губернского земских собраний. В своем имении открыл двухклассное министерское училище, устроил народную читальню и библиотеку. Благодаря усилиям А. Н. Ткачева было учреждено Великолукское общество сельского хозяйства, председателем которого он оставался до конца жизни, был членом уездного и губернского училищных советов, попечителем местного комитета трезвости³.

¹ Псковитянин. 1907. 17 октября.

² Вестник Псковского губернского земства. 1907. 21 октября.

³ Третий созыв Государственной думы. Портреты. Биографии. Автографы. СПб., 1910. С. 48.

Дворянин Николай Иванович Микляев происходил из холмских купцов первой гильдии. Окончив С.-Петербургскую гимназию Бычкова (Гуревича) с золотой медалью и юридический факультет С.-Петербургского университета в звании кандидата права, был определен на судебные должности при прокуратуре Великолуцкого окружного суда. В 1886 г. был утвержден в чине коллежского секретаря, работал судебным следователем Холмского уезда. В 1890 г. был назначен городским судьей г. Холм. До избрания в Государственную думу занимал должность уездного члена Великолуцкого окружного суда по Холмскому уезду. Кроме того, состоял гласным Холмской городской думы и Холмского уездного земского собрания, был гласным Псковского губернского собрания, состоял попечителем Николаевского училища г. Холм (с 1884), председателем попечительного комитета Холмской богадельни (с 1886), почетным смотрителем Холмского городского училища и председателем попечительного совета Холмской женской прогимназии (с 1905)¹. В 1907 г. Н. И. Микляев обратился в Псковское дворянское депутатское собрание с прошением внести его вместе с супругой и детьми в 3-ю часть дворянской родословной книги Псковской губернии. Они были утверждены в потомственном дворянстве постановлением дворянского депутатского собрания от 4 апреля 1908 г. и указом Правительствующего сената от 7 октября 1908 г. За Н. И. Микляевым значилась земля в Холмском уезде при деревне Дубровка и частично в участке «Постоялый двор» — всего 319 десятин и 1598 сажень, а также два каменных дома в г. Холм².

Потомственный дворянин Николай Николаевич Лавриновский был старшим сыном чиновника Николая Павловича Лавриновского. Их род вел свое происхождение от малороссийских казаков Нежинского полка, которые переселились на Псковщину в середине XIX века. Также как и отец, Николай Николаевич поступил на военную службу. Окончив Орловский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в С.-Петербурге, служил в лейб-гвардии Кирасирского полка. Выйдя в отставку, Н. Н. Лавриновский стал довольно успешно строить карьеру гражданского чиновника. С 1898 г. он служил в Главном управлении уделов. В 1900–1905 гг. был помощником, затем старшим помощником делопроизводителя С.-Петербургского удельного округа. В награду за усердную службу государь император пожаловал ему золотые часы с цепочкой. Поселившись в своей усадьбе Стремутка, служил земским начальником первого участка Псковского уезда. В 1907 г. был избран псковским уездным предводителем дворянства (в 1910 г. переизбран)³.

Потомственный дворянин Александр Дмитриевич Зарин происходил из дворянского рода, представители которого прославили себя на воинском поприще. Его отец поручик Дмитрий Евгеньевич Зарин служил в драгунском полку, во время Кавказской войны был дважды ранен, после

¹ Третий созыв Государственной думы. Портреты. Биографии. Автографы. СПб., 1910. С. 17.

² Никитенко Н. В., Никитенко М. Н. Выборные люди от земли Псковской. Псков, 2007. С. 78.

³ Там же. С. 74–75.

окончания Крымской войны оставил службу и поселился в селе Плескино Порховского уезда Псковской губернии. Здесь он женился на дочери Порховского купца Ольге Яковлевне Козловой. Вскоре у них родились дети: Александр, Дмитрий, Николай и Георгий. Старший из сыновей Александр Дмитриевич последовал примеру родственников и связал себя с военной службой. Образование получил в Псковском кадетском корпусе, потом прошел курс штурмана в С.-Петербургских мореходных классах, затем поступил в С.-Петербургское юнкерское училище. После его окончания пять лет служил офицером в пехотном Царицынском полку. В 1896 г. в чине поручика был уволен в запас. Жил в родовом имении Ольгино Александровской волости Порховского уезда Псковской губернии. Активно участвуя в общественной жизни своего уезда, А. Д. Зарин заслужил авторитет и общественное признание. В 1898 г. его утверждают в должности председателя Порховской дворянской опеки, в 1904 г. назначают земским начальником третьего участка Порховского уезда, с 1906 г. переводят на должность неперменного члена Порховской землеустроительной комиссии¹.

И, наконец, единственный крестьянский депутат Николай Тимофеевич Тимофеев из деревни Каменка Заполянкой волости Порховского уезда до избрания в члены Государственной думы состоял в должности волостного старшины и занимался земледелием (10 десятин наделной земли)².

Третья Государственная дума, в отличие от предшественниц, была настроена на конструктивную работу с правительством. Центральное место в ее деятельности занимал, как и прежде, аграрный вопрос. При обсуждении законопроектов, касающихся земельной реформы, в прениях участвовали депутаты от Псковской губернии. Так, А. Д. Зарин на заседании 15 января 1908 г. предлагал «уравнять крестьян с остальными плательщиками и предоставить им право платить те повинности, которые они находят в данный момент для себя удобными»³. Законодательные предположения о запрещении продажи частновладельческих земель не иначе как посредством земельных банков, об улучшении и увеличении крестьянского землевладения и землепользовании подписал Н. Т. Тимофеев⁴. Наряду с крупными изменениями в землеустройстве и землевладении нижняя палата добивалась улучшения положения местного управления. Фундамент местной реформы составлял законопроект о преобразовании местного суда. При рассмотрении вопроса об увеличении содержания чинам судебного ведомства А. Н. Ткачев предлагал отклонить правительственный проект «как несвоевременный и как страшно отяготительный для народа»⁵.

¹ Никитенко Н. В., Никитенко М. Н. Указ. соч. С. 70–72.

² Тимофеев Николай Тимофеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 612.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 1219–1220.

⁴ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 268.

⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 3207–3208.

Помимо обсуждения общероссийских вопросов депутаты-псковичи не забывали о своей малой родине. В частности, Н. И. Микляев выступал докладчиком бюджетной комиссии по законопроекту о постройке железнодорожного моста в Пскове через реку Великую¹. Деятельность псковских парламентариев привлекала пристальное внимание местных газет. Например, «Псковская жизнь» рассказала, как женщине, просившей Н. Н. Лавриновского посодействовать возвращению из ссылки племянницы, он ответил, что удивлен обращению с такой просьбой именно к нему: «Я ведь не левый!»². В 1911 г. Н. Н. Лавриновский досрочно сложил с себя полномочия члена Государственной думы и псковского уездного предводителя дворянства в связи с назначением Воронежским вице-губернатором³.

В Псковской губернии проходили дополнительные выборы по избранию двух членов Государственной думы вместо умершего А. Н. Ткачева и отказавшегося от депутатского мандата Н. Н. Лавриновского. Ввиду того, что на выборах в 1907 г. был недоизбран один выборщик по Новоржевскому уезду, в Губернском избирательном собрании могли участвовать 53 выборщика⁴.

В числе выборщиков был неперенный член Псковского губернского присутствия Г. Г. Челищев, прикомандированный министром внутренних дел в распоряжение управляющего Земским отделом для «инструктирования и руководства чинов местных крестьянских учреждений в деле проведения землеустройства в порядке закона 14 июня 1910 года». Псковский губернатор считал его участие в выборах весьма желательным и просил Земский отдел заблаговременно известить его с указанием времени открытия Губернского избирательного собрания и прибытия в г. Псков, чтобы он имел возможность принять участие в подготовительном собрании выборщиков⁵.

10 июня 1911 г. на Губернское избирательное собрание прибыли 52 выборщика. Не явился только выборщик от Великолуцкого уезда В. Г. Шмидт. Объединившиеся левые партии составили группу из 18 человек. С их стороны к баллотировке были предложены В. В. Филосов, В. А. Янович и крестьянин Фома Леонов. Все эти лица были забаллотированы, и избранными в члены Государственной думы оказались принадлежащие к партии националистов председатель Псковской губернской земской управы Сергей Иванович Зубчанинов и неперенный член Псковского губернского присутствия Георгий Глебович Челищев⁶.

Сергей Иванович Зубчанинов происходил из потомственных дворян Псковской губернии. Его отец — Иван Егорович Зубчанинов, уроженец

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 2072–2073.

² Левин Н. Ф., Филиппова М. А., Шумаков А. А. Лавриновские. Дворяне Псковской губернии. СПб., 1998. С. 35.

³ Рылов В. Ю. Лавриновский Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 316.

⁴ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 132. Л. 25.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 114. Л. 250.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 132. Л. 26.

С.-Петербургской губернии и выходец из купеческого сословия, дослужился до капитанского звания. В Пскове он женился на дочери гвардии полковника Марии Платоновне Беклешевой, и вскоре у них появились дети. Младший из трех сыновей Сергей, окончив Псковский кадетский корпус и Николаевское инженерное училище в С.-Петербурге, служил в лейб-гвардии Саперном батальоне. Выйдя в отставку в чине гвардии поручика, перешел на гражданскую службу¹. Состоял земским начальником 3-го участка Псковского уезда (1890–1893), неоднократно избирался на трехлетние сроки почетным мировым судьей Псковского уезда (в 1893, 1896 и 1899), состоял членом попечительного совета Мариинской женской гимназии (с 1905), являлся председателем Псковской губернской земской управы (1905–1913), Псковского отделения Дворянского земельного банка (с 1907) и Льяного комитета при Департаменте земледелия (с 1908)². В земском деле С. И. Зубчанинов проявил себя как талантливый организатор, о чем свидетельствуют созданные по его инициативе агрономические учреждения, в которых нуждались земледельческое население: Псковский биржевой комитет, Всероссийский льняной съезд, Всероссийский льняной комитет. Большие заслуги ему приписывали также в деле статистики, страховом, пожарном, шоссейном, научном изучении болот, здравоохранении и народном образовании³.

Сын Торопецкого помещика прапорщика Глеба Александровича Челищева потомственный дворянин Георгий Глебович Челищев после окончания полного курса в Псковском Сергиевском реальном училище поступил в канцелярию Торопецкой уездной дворянской опеки. По окончании полного курса в Московском сельскохозяйственном институте был определен на службу в Министерство внутренних дел на должность земского начальника 5-го участка Торопецкого уезда. Состоял губернским и уездным земским гласным, непременным членом Торопецкой землеустроительной комиссии, депутатом дворянства и почетным мировым судьей Торопецкого уезда⁴.

Несмотря на то, что депутатство С. И. Зубчанинова и Г. Г. Челищева было непродолжительным, они активно включились в законодательную работу. В частности, С. И. Зубчанинов, избранный в комиссию по хлопководству, выступал докладчиком по законопроектам, направленным на развитие и улучшение данной отрасли в Туркестане и Закавказье⁵. Он также участвовал в разработке и издании общего устава рыболовства. По его инициативе была организована научно-промысловая экспедиция на Псковский водоем для изучения рыбных ресурсов⁶.

¹ Никитенко Н. В., Никитенко М. Н. Указ. соч. С. 83.

² Бородин А. П. Зубчанинов Сергей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 213.

³ Никитенко Н. В., Никитенко М. Н. Указ. соч. С. 84–85.

⁴ Там же. С. 86–87.

⁵ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв III. Сессия V. СПб., 1912. С. 376–378.

⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 2963–2966.

После роспуска III Государственной думы судьба псковских избранников сложились по-разному. В годы Первой мировой войны многие из них мужественно сражались на фронте, например, Порховский уездный предводитель дворянства, депутат Государственной думы III и IV созывов А. Д. Зарин, несмотря на плохой слух, ушел добровольцем в 53-й Волынский полк. В 1914 г. «Псковский голос» опроверг слухи о его ранении, в 1915 г. «Псковская жизнь» предположила, что их распускают политические оппоненты Александра Дмитриевича с целью его дискредитации. Летом 1915 г. он был отозван с фронта для участия в работах IV Государственной думы и уволен с военной службы по прошению¹. Псковский губернский предводитель дворянства, член Государственного Совета С. И. Зубчанинов и непреременный член Псковского губернского присутствия Г. Г. Челищев занимались устройством беженцев Северо-Западного фронта². Н. Н. Лавриновский с 1914 по 1917 г. поочередно возглавлял Таврическую, Черниговскую и Лифляндскую губернии. В феврале 1917 г. он был переведен из Лифляндии в столицу и назначен присутствующим сенатором с производством в тайные советники. В апреле 1917 г., подав прошение об отставке, был уволен указом Временного правительства с назначением пенсии в размере 4 тысяч рублей в год³.

Революционный хаос и Гражданская война, охватившие Россию с 1917 г., не обошли стороной бывших членов Государственной думы от Псковской губернии. Активно боролся против большевиков Н. Н. Лавриновский. В 1917 г. он вошел в состав подпольной монархической организации в Петрограде, которую возглавлял Н. Е. Марков, летом 1918 г., во время германской оккупации Пскова, стал одним из инициаторов создания русской Белой Армии на Северо-Западе России (в ее рядах служил и Г. Г. Челищев). Позднее состоял при штабе Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. В 1922 г. перебрался в Ригу, получил латвийское гражданство. Там же и умер⁴. Подались в эмиграцию С. И. Зубчанинов и А. Д. Зарин. Последний в 1921 г. участвовал в съезде русских монархистов в Рейхенгалле (Германия). Все оставшиеся годы он прожил в эстонском Петсери (Печоры), там же и захоронен⁵.

Так сложилась судьба псковских дворян-депутатов Государственной думы III созыва, в мирное время трудившихся на благо России в стенах Таврического дворца, в годы «Великой» войны мужественно сражавшихся за отечество, с падением самодержавия и установлением советской власти вынужденных навсегда покинуть родину.

¹ Михайлов А. А. Псков в годы Первой мировой войны. 1914–1915 гг. Псков, 2012. С. 143–144; Николаев А. Б. Зарин Александр Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 206.

² Бородин А. П. Зубчанинов Сергей Иванович. С. 213; Никитенко Н. В., Никитенко М. Н. Указ. соч. С. 87.

³ Левин Н. Ф., Филиппова М. А., Шумаков А. А. Указ. соч. С. 22–23.

⁴ Никитенко Н. В., Никитенко М. Н. Указ. соч. С. 76.

⁵ Там же. С. 73, 85.

ДВА ПИСЬМА ИЗ АРХИВА РАН: К ПОРТРЕТУ СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФРАКЦИИ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ А. М. КОЛЮБАКИНА

МАРОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат технических наук, старший научный сотрудник,
ведущий руководитель проектов АО «РАМЭК-ВС»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: marmin953@gmail.com

Аннотация: Вводятся в научный оборот два документа, отложившиеся в фондах архива Российской академии наук (РАН). Это письма, написанные бывшим депутатом III Государственной думы А. М. Колюбакиным, исключенным из состава Думы 27 апреля 1909 г. в результате судебного преследования по обвинению в распространении призывов Выборгского воззвания. С началом 3-й сессии Думы А. М. Колюбакин приступил к исполнению обязанностей секретаря комитета парламентской фракции партии народной свободы, и оба письма написаны им в этой должности.

Ключевые слова: Александр Михайлович Колюбакин, III Государственная дума, партия народной свободы, секретарь комитета парламентской фракции, Владимир Иванович Вернадский, Николай Александрович Морозов.

Письмо В. И. Вернадскому

Первое из писем на бланке секретаря комитета парламентской фракции партии народной свободы¹ написано А. М. Колюбакиным 30 сентября 1910 г., незадолго до открытия 4-й сессии III Государственной думы, и адресовано Владимиру Ивановичу Вернадскому, ординарному профессору Императорского Московского университета².

В письме А. М. Колюбакин указывает, что с открытием сессии Думы начнутся работы комиссии по пересмотру университетского устава, и отмечает «важность этого закона для нормальной постановки в будущем академической жизни страны».

Вопрос обсуждения нового проекта устава Российских императорских университетов стоял очень остро. Университеты продолжали действовать в соответствии с уставом, принятым более четверти века назад 23 августа 1884 г. и представлявшим собой один из законов комплекса контрреформ, последовавших после убийства Императора Александра II. Очевидно, что после прошедших событий 1905–1907 гг. этот устав не мог устраивать ни правительство, ни руководство университетов³.

¹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 801. ЛЛ. 1–2.

² Вернадский Владимир Иванович // Новая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 3. С. 375.

³ Артемкин А. И. «Университетский вопрос»: политический аспект формирования университетского устава // Власть. 2016. Т. 24. № 11. С. 191–196.

С тех пор комиссиями Министерства народного просвещения был разработан целый ряд проектов нового устава: в 1902 г. под руководством управляющего министерством Г. Э. Зенгера, в 1905 г. под председательством министра народного просвещения В. Г. Глазова, в 1906 г. под руководством министра народного просвещения П. М. Кауфмана. Все они были отклонены в ходе предварительного обсуждения¹.

На момент написания письма в Государственной думе находился на рассмотрении новый законопроект под названием «Об уставе и штатах Императорских Российских университетов», разработанный министром народного просвещения Александром Николаевичем Шварцем и внесенный на рассмотрение в Государственную думу 10 мая 1910 г., незадолго до окончания 3-й сессии. Для рассмотрения этого законопроекта в Думе была образована особая комиссия, которая должна была начать свою работу после открытия 4-й сессии². Однако еще до открытия 4-й сессии Думы и всего за 5 дней до даты написания письма министр народного просвещения А. Н. Шварц был уволен П. А. Столыпиным в отставку.

Очевидно, А. М. Коллюбакин предвидел сложности обсуждения и принятия нового университетского устава и торопился с подготовкой согласованных поправок к нему. С этой целью фракция конституционных демократов планировала еще до начала сессии Думы, как указано в письме, «устроить ряд заседаний с представителями профессуры для выработки основных поправок к законопроекту». В письме содержится просьба к профессору В. И. Вернадскому принять участие в этих заседаниях, первое из которых намечалось на 6 октября 1910 г. в помещении конституционно-демократической фракции по адресу СПб., Потемкинская ул., д. 7, кв. 6. Письмо В. И. Вернадскому напечатано на машинке, но обращение «Многоуважаемый Владимир Иванович» и подпись «Примите уверение в искреннем уважении А. Коллюбакин» вписаны от руки. Возможно, что рассылка письма с одинаковым содержанием была произведена различным адресатам для обеспечения широкого и представительного обсуждения проекта и выработки поправок к нему.

Приглашение А. М. Коллюбакиным профессора В. И. Вернадского к обсуждению проекта устава университетов, конечно, не было случайным.

Во-первых, В. И. Вернадский пользовался авторитетом среди ученых и преподавателей, и не только Московского университета. На момент написания письма он уже состоял членом-адъюнктом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Во-вторых, А. М. Коллюбакин и В. И. Вернадский были прекрасно знакомы. Оба состояли в партии народной свободы и являлись членами ее ЦК. Наконец, важную роль играло то, что В. И. Вернадский с 1908 г. являлся избранным членом

¹ П. А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 773–774.

² Астапенко С. С. Разработка проекта нового университетского устава в годы столыпинских реформ // Вестник КемГУ. № 3 (51). 2012. С. 25–29; Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1907–1912 гг. Законодательная деятельность. СПб., 1912. С. 398.

Государственного совета, верхней палаты законодательной власти Российской империи. В своем обращении к В. И. Вернадскому А. М. Коллюбакин указывает на необходимость «сделать все возможное, чтобы между прогрессивными представителями обеих палат была установлена полная солидарность в этом вопросе».

Таким образом, секретарь комитета парламентской фракции обращался за поддержкой в выработке и согласовании поправок к проекту устава к одному из авторитетнейших «представителей профессуры», соратнику по партии, на помощь и поддержку которого он мог рассчитывать, и который к тому же мог оказать содействие в согласовании законопроекта в Государственном совете.

Опасения А. М. Коллюбакина о возможных сложностях принятия университетского устава были не напрасны. Новый управляющий министерством народного просвещения Лев Аристидович Кассо 22 ноября 1910 г. отозвал из Думы разработанный его предшественником проект университетского устава, уже прошедший согласование в Совете министров. Очередной проект устава был внесен уже новым министром народного просвещения Н. П. Игнатьевым в ноябре 1916 г. в Думу IV созыва. Проект так и остался нерассмотренным до момента роспуска Государственной думы.

Письмо Н. А. Морозову

Второе письмо написано рукой А. М. Коллюбакина на обычной бумаге в клетку¹ и адресовано Николаю Александровичу Морозову — народнику, бывшему члену исполнительного комитета «Народной воли», проводшему более четверти века в застенках Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей². Письмо не имеет даты, и датировано архивом РАН периодом после 19.12.1910 (по дате упоминаемой в письме смерти В. А. Караулова³) и до 15.11.1912 (начало работы IV Думы). Приведем текст письма целиком.

«Многоуважаемый Николай Александрович!

На похоронах В. А. Караулова Вы дали мне право обратиться к Вам, когда будет нужна Ваша работа, и обещали откликнуться на призыв. Время наступает, а работа Ваша нужна уже сейчас. В СПб. на время выборной кампании образуется беспартийное бюро прессы в цикле борьбы с октябристско-правой опасностью. Для этого бюро ставит себе задачу сближения различных групп оппозиции, смягчения между ними возникающих трений, особенно в тех местах, где нам будут угрожать победой черножелтого блока.

Бюро будет собирать информационный материал, а также руководящие статьи, посвященные данному вопросу. Статьи оплачиваются.

¹ Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Ед. хр. 862. ЛЛ. 1–2.

² Чанцев А. В. Морозов Николай Александрович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1999. Т. 4. С. 136–139.

³ Караулов Василий Андреевич (12.11.1854–19.12.1910), народоволец, член Государственной думы III созыва. См. о нем: Караулов Василий Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 239.

Весьма важны популярные имена. В этих видах я и обращаюсь к Вам с просьбою не отказать в присылке статей, посвященных данному вопросу. Исполнением этой просьбы очень обяжете. Где Вы предполагаете пробыть все лето и когда намерены вернуться в СПб.?

Очень прошу мне ответить по адресу СПб., Потемкинская 7, кв. 6. А. М. Коллюбакину.

Крепко жму Вашу руку. Искренне уважающий, А. Коллюбакин».

Фраза «Где Вы предполагаете пробыть все лето и когда намерены вернуться в СПб.?» позволяет уточнить датировку письма второй половиной мая — июнем 1912 г. Весной и летом 1911 г. Н. А. Морозов не покидал надолго Санкт-Петербург, так как увлекся воздухоплаванием и совершал полеты на аэростате и аэропланах. А вот в середине мая 1912 г. он с женой уехал из Петербурга в Крым, где намеревался провести лето в имении своего товарища профессора С. И. Метальникова. Однако летний отдых не состоялся: уже 15 июня 1912 г. Н. А. Морозов был арестован в Крыму с целью этапирования к месту своего последнего заключения¹.

Содержание письма в целом отражает изменения в политике партии кадетов, направленные на поиск контактов с различными группами оппозиции в целях создания блока, способного противостоять правым на приближающихся выборах в Государственную думу IV созыва. В то же время высказанная в письме идея создания беспартийного бюро прессы, безусловно, опирается на имевшийся у партии народной свободы положительный опыт работы «Бюро прогрессивной печати», созданного в 1906 г. в Санкт-Петербурге для руководства и координации деятельностью провинциальных изданий «кадетской и околокадетской направленности», которых насчитывалось более 90².

Но почему А. М. Коллюбакин в актуальных для кадетов вопросах «борьбы с октябристско-правой опасностью» и «угрозой победы черно-желтого блока» обращается за поддержкой именно к Н. А. Морозову? Что представляла собой фигура Н. А. Морозова к 1912 г., когда было написано рассматриваемое письмо?

После освобождения из заключения в Шлиссельбургской крепости по амнистии, объявленной императорским указом от 21 октября 1905 года, Н. А. Морозов вернулся в Петербург³. Начал публиковать подготовленные во время заключения мемуары, а также литературные сочинения и труды по истории культуры и естествознания.

Политическая активность Н. А. Морозова после освобождения из заключения ограничилась попыткой участвовать осенью 1907 г. в выборах в III Государственную думу от Мологского уезда Ярославской губернии.

¹ Валянский С. И., Недосекина И. С. Отгадчик тайн, поэт и звездочет: о жизни и творчестве русского ученого-энциклопедиста Н. А. Морозова (1854–1946). М., 2004. С. 350–355, 370–372; Ульяновская Т. И. Сергей Иванович Метальников (1870–1946) (к 140-летию со дня рождения) // Цитокины и воспаление. 2010. Т. 9. № 4. С. 54–60.

² Ахмадулин Е. П., Овсегян Р. Н. История отечественной журналистики XX века: учебник Ростов н/Д., 2018. С. 94.

³ Валянский С. И., Недосекина И. С. Указ. соч. С. 191.

По воспоминаниям жены он неожиданно для избирательной комиссии набрал 129 голосов из 191. Результаты выборов были опротестованы ярославским губернатором. Морозов обратился за поддержкой к местным кадетам: князю Д. И. Шаховскому, Н. В. Некрасову и другим, которые помогли ему составить жалобу на действия мологской уездной комиссии. Несмотря на это, выборы все же были признаны недействительными, и Н. А. Морозов не попал в Думу¹.

В конце 1907 г. по приглашению князя Д. О. Бебутова он был принят в масонскую ложу «Полярная звезда», членом которой состоял и А. М. Коллюбакин².

В период 1907–1911 гг. Н. А. Морозов, являясь сотрудником Вольной высшей школы, куда был приглашен ее основателем Петром Францевичем Лесгафтом, издал около 80 работ различной тематики и объема³. Был избран членом ряда естественно-научных обществ и с 1910 г. являлся председателем Русского общества любителей мироведения. Он активно пропагандировал собственные взгляды, в ряде случаев весьма необычные и даже парадоксальные, на научные проблемы самых различных областей естествознания, и его печатные работы и публичные выступления привлекали свой круг заинтересованных читателей и слушателей.

Некоторые его труды, в частности, по всемирной истории, истории культуры и естествознания, а также поэтические сочинения оценивались рядом профессиональных критиков как дилетантские и даже наивные. Несмотря на это, Н. А. Морозов пользовался в тот период популярностью как человек, имевший ореол мученика самодержавной власти, который провел более половины жизни в заключении, но сумел, по отзывам современников, сохранить жизнерадостность, энергию и ясность мысли.

Вероятно, именно эта популярность в совокупности с публикационной активностью Н. А. Морозова заставила А. М. Коллюбакина обратиться к нему с просьбой о написании статей на тему сближения различных оппозиционных сил. Недаром в своем письме А. М. Коллюбакин указывал: «Весьма важны популярные имена. В этих видах я и обращаюсь к Вам». Важно при этом, что Н. А. Морозов был популярен в первую очередь среди образованного городского населения, которое и составляло основную часть электората кадетской партии в период подготовки к выборам в IV Думу⁴.

Возможно, секретарю комитета парламентской фракции партии народной свободы хотелось заручиться поддержкой человека известного, но в то же время не ангажированного принадлежностью ни к одной партийной группе. Очевидно, сыграло свою роль и личное знакомство этих двух людей со столь разной судьбой.

¹ Архив РАН. Ф. 543. Оп. 2. Ед. хр. 120. ЛЛ. 2–9.

² Серков А. И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М., 2020. Т. II. С. 552–556; Т. IV. С. 30, 35; *его же*. Русское масонство 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 412–413.

³ Валянский С. И., Недосекина И. С. Указ. соч. С. 322.

⁴ Соловьев К. А. Избирательные кампании кадетов и их адресат (1906–1912) // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (30). 2015. С. 185.

По всей видимости, А. М. Коллюбакин сознавал противоречивость репутации Н. А. Морозова, бывшего на раннем этапе его жизни идеологом политического террора и сохранившего контакты с эсерами. Возможно, именно по этой причине данное письмо написано не на официальном бланке комитета парламентской фракции партии народной свободы, что должно было придать ему вид частной переписки. Тем не менее, письмо завершается просьбой ответить по адресу расположения комитета фракции.

Была ли оказана Н. А. Морозовым запрашиваемая поддержка в ответ на обращенное к нему письмо, сказать затруднительно. Документально-го подтверждения этому выявить не удалось. Возможно, что ответить на призыв в написании предвыборных статей Н. А. Морозову помешало то, что с января 1910 г. он был под следствием по обвинению в «неуважении к верховной власти в России», вызванным опубликованием стихотворного сборника «Звездные песни», в ряде стихотворений которого власти усмотрели призывы «к учинению бунтовщических деяний»¹. Следствие завершилось приговором, объявленным в ноябре 1911 г., и последним в жизни Н. А. Морозова заключением с июня 1912 г. по февраль 1913 г. в Двинской крепости, расположенной в нынешнем г. Даугавпилсе.

Следует отметить, что позднее рассматриваемого периода Н. А. Морозов примкнул к партии народной свободы и даже баллотировался в 1917 г. по списку этой партии в Учредительное собрание².

В качестве выводов по данной работе можно указать следующее:

— секретарь комитета парламентской фракции партии народной свободы, как и вся партия в целом, продолжал опираться на «профессуру», а также на образованную часть городского населения России, на мнение которого можно было активно влиять через публикации в прессе. Это постепенно вело к потере кадетами своего влияния среди других категорий электората, в частности, среди земцев;

— обращение А. М. Коллюбакина за помощью к противоречивой фигуре Н. А. Морозова, известного своим радикальным революционным прошлым, создает впечатление, что партия народной свободы в период подготовки к выборам в IV Думу крайне нуждалась в поддержке своих позиций любыми средствами и силами, которые могли оказаться ей полезны;

— проанализированные автографы свидетельствуют об активной деятельности А. М. Коллюбакина на посту секретаря комитета парламентской фракции партии народной свободы, о его равнодушном отношении к делам конституционно-демократической партии и стремлении использовать для достижения положительных результатов все возможности, включая и свои личные знакомства и связи.

В целом рассмотренные материалы добавляют новые штрихи к портрету А. М. Коллюбакина как прогрессивного политика, гражданина и патриота своей страны.

¹ Валянский С. И., Недосекина И. С. Указ. соч. С. 370–371.

² Твардовская В. А. Николай Морозов в конце пути: наука против насилия // Мироворчество в России: Церковь, политики, мыслители. М., 2003. С. 426, 445.

А. И. ГУЧКОВ — «ИЗЛЮБЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК МОСКВЫ»: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОЛИТИКА

МАЛЫШЕВА ОЛЬГА ГЕРАЛЬДОВНА,

доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: malysheva_o56@mail.ru

Аннотация: В статье представлены некоторые малоизвестные факты политической биографии крупного российского политика начала XX в., авторитетного московского общественного деятеля Александра Ивановича Гучкова. Анализируются результаты участия А. И. Гучкова в выборах в Государственную думу I–IV созывов по Москве, непростые взаимоотношения политика с действовавшей властью и представителями других политических сил того времени.

Ключевые слова: Государственная дума, выборы, избирательные кампании, партия «Союз 17 октября», думская деятельность.

Александр Иванович Гучков родился в московской купеческой семье, известной по всей России. Детство и юность его неразрывно были связаны с древней столицей. После окончания с золотой медалью Второй московской гимназии на Разгуляе, считавшейся одним из наиболее престижных учебных заведений столицы, в 1881 по 1885 г. он учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Закончил его со степенью кандидата и продолжил обучение в Берлинском и Гейдельбергском университетах.

После завершения обучения А. И. Гучков был призван рядовым в первый лейб-гвардии Екатеринославский полк, вскоре произведен в младшие унтер-офицеры, затем уволен в запас, а через год произведен в прапорщики запаса армейской пехоты. Таким образом «личная военная карьера» будущего эксперта по делам армии началась довольно поздно, и выше звания прапорщика он так и не поднялся.

С 1886 г., будучи двадцати четырех лет от роду, Гучков начал заниматься общественной деятельностью. В 1888 г. он стал мировым судьей и находился в этой должности несколько трехлетий. В 1893 г. был избран членом Московской городской управы, затем работал товарищем (заместителем) московского городского головы, и, наконец, в 1897 г. он стал гласным Московской городской думы, то есть на правах равного вошел в группу лиц из числа «отцов города». В последующем он еще дважды (1901 и 1905 гг.) избирался в гласные Московской думы. Его активная деятельность в этом качестве, в том числе при решении

вопросов городского благоустройства, сделала его весьма заметной фигурой в древней столице.

Казалось бы, карьера молодого купеческого сына складывалась более чем успешно, однако спокойная будничная работа была не по нутру А. И. Гучкову. Его натура требовала острых ощущений, ярких впечатлений, рискованных предприятий. Общественный темперамент не только заставлял его выполнять множество разнообразных обязанностей, но и неоднократно отправлял в самые «горячие точки» политической жизни как внутри страны, так и вне ее. Бесконечные поездки и экспедиции, совершаемые им, часто были сопряжены со значительным риском, который А. И. Гучков преодолевал всегда с большим мужеством и хладнокровием.

Увлечение общественной деятельностью не мешало Гучкову вполне успешно заниматься предпринимательской деятельностью. В 1902–1908 гг. он директор Московского учетного банка, затем член советов Петербургского учетного и ссудного банка, страхового общества «Россия», Товарищества А. С. Суворина «Новое время». К началу 1917 г. стоимость принадлежащего Гучкову имущества достигала 600 000 рублей — весьма внушительное по тем временам состояние.

Первая русская революция стала своего рода трамплином для Гучкова-политика. Водоворот революционных событий поглотил Александра Ивановича, и с этого момента начинается отсчет его политической биографии. Он становится одним из основателей партии «Союза 17 октября», а также главным идеологом и автором ее программных документов. В декабре 1906 г. А. И. Гучков основал в Москве ежедневную политическую газету, орган партии октябристов «Голос Москвы», став не просто ее издателем, но и первым редактором. По своим политическим воззрениям он относил себя к конституционалистам, приверженцам конституционной монархии, полагая при этом, что добиться ее в России можно только постепенно, путем «мелких шагов», отвоевывая у старой власти одну позицию за другой. Это станет его тактикой на многие последующие годы.

И зарождавшаяся Государственная дума как нельзя лучше встраивалась в политические планы А. И. Гучкова. Он решительно включился уже в первую избирательную кампанию, рассчитывая на поддержку москвичей. Практическая работа по выборному производству в Москве осуществлялась под руководством городского головы Николая Ивановича Гучкова, родного брата Александра Ивановича. А. И. Гучков проявил исключительную активность на подготовительном этапе подготовки выборов в Думу, став вначале членом Особой комиссии, затем председателем Лефортовской участковой избирательной комиссии.

Однако выборы в I Думу Гучков, выдвигавшийся от партии октябристов, проиграл. И даже то, что вместе с ним потерпели фиаско видный земский деятель, еще один лидер октябристов Д. Н. Шипов, предприниматель, банкир, лидер Торгово-промышленной партии

Г. А. Крестовников, известный адвокат Ф. Н. Плевако и др., не смягчило этот удар. В I Государственной думе Москву представляли три кадета, преподаватели Московского университета: бывший профессор С. А. Муромцев и приват-доценты Ф. Ф. Кокошкин и М. Я. Герценштейн, причем двое из них — Муромцев и Герценштейн — были также гласными Московской городской думы. Еще один депутатский мандат достался беспартийному типографскому рабочему И. Ф. Савельеву.

Справедливости ради заметим, что поражение Гучкова было предопределено многими факторами, в том числе весьма активной предвыборной деятельностью кадетской партии. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что за шесть дней до выборов в Москве состоялись выборы в Петербурге, результат которых ошеломил и власть, и общество: партия кадетов одержала там абсолютную победу. Это не могло не повлиять на предвыборные настроения московских избирателей.

На выборах во II Государственную думу А. И. Гучков был намерен взять реванш за позорное поражение. Однако, и на этот раз он терпит крах. Среди прочих причин было и то, что на эти выборы октябристы во главе с Гучковым шли с весьма скромными лозунгами, которые не соответствовали ожиданиям избирателей-москвичей. Более чем сдержанные программные положения октябристов, которые по выражению одного из современников было «порой трудно отличить от смиренного прошения», отразились на политической карьере Гучкова. Лишь в 1907 г. после изменения избирательного закона в результате третьеиюньского переворота он становится депутатом Думы от первой курии г. Москвы.

Заметим, что и на выборах в III Думу не обошлось без проблем. А. И. Гучков на этот раз баллотировался по первому разряду городской курии как один из самых состоятельных москвичей. По обоим разрядам предстояло выбрать по два депутата в Государственную думу. После подсчета голосов выяснилось, что по первому разряду было подано 4340 записок, признано действительными 4287. По этому разряду лидировали два кандидата: А. И. Гучков, предприниматель, хорошо известный общественный деятель (2091 голос), и один из самых известных адвокатов России Ф. Н. Плевако (2034 голоса). Несмотря на то, что голоса избирателей разделились почти поровну, ни одному из кандидатов не удалось набрать половины голосов, требуемой по закону (в данном случае 2144 голоса), а это неизбежно означало проведение второго этапа выборов.

И только в ходе дополнительных выборов по первому разряду, состоявшихся позднее, А. И. Гучкову удалось получить вождеденный депутатский мандат. На повторные выборы явились 4589 избирателей, что было на 249 чел. больше, чем в первом туре.

Обеспечено это было прежде всего усилиями членов партии «Союза 17 октября», от которой баллотировались оба кандидата в депутаты Думы. Видные члены партии октябристов лично объехали избирателей

первого разряда, уклонившихся в ходе выборов 17 октября от голосования. В день вторичных выборов октябристы задействовали несколько автомобилей и извозчиков, на которых избиратели доставлялись к помещениям избирательных комиссий¹. Из 4565 действительных бюллетеней голоса распределились следующим образом: А. И. Гучков (2561 голос) и Ф. Н. Плевако (2522 голоса). В этом случае оба из кандидатов набрали необходимое большинство голосов (не менее 2283) и получили депутатский мандат.

Комментируя выбор москвичей, можно заметить, что при определении народных избранников они, во-первых, проявили в обоих разрядах редкое единодушие: оба кандидата (по каждому разряду) получили практически равное количество голосов. Во-вторых, избраны были весьма достойные и уважаемые в городе лица, которые будут играть заметную роль в работе III Государственной думы, а А. И. Гучков станет ее председателем.

Став думским политиком, А. И. Гучков возглавил одну из наиболее влиятельных фракций III Государственной думы — фракцию октябристов. К этому времени он был уже убежденным приверженцем столыпинской программы обновления России путем реформирования сверху общественно-политических институтов и хозяйственных структур. В марте 1910 г. Александр Иванович, возглавлявший одну из наиболее влиятельных думских комиссий — комиссию государственной обороны, был избран на пост председателя III Государственной думы. Обязанности председателя Думы он исполнял в течение года по март 1911 г. В отставку с поста спикера А. И. Гучков ушел в знак протеста против проведения главой правительства П. А. Столыпиным в обход Думы закона о земстве в Западных губерниях. Напомним, что для этого в работе нижней палаты по настоянию Столыпина был объявлен трехдневный перерыв, в течение которого император подписал так необходимый премьеру закон. Гучков решился на этот шаг несмотря на дружеские отношения с премьер-министром, не желая поступаться принципами.

За период своей депутатской деятельности А. И. Гучков неоднократно оказывался в центре внимания. Так, много шума наделало его выступление в ноябре 1908 г. при обсуждении сметы Военного министерства. Общество еще переживало боль и стыд за бесславно проигранную Русско-японскую войну. Гучков, который был в гуще событий той войны, со знанием дела назвал главные причины военных неудач России, к числу которых он относил плохую организацию армии, где на ключевых постах часто находились люди, деятельность которых не поддавалась контролю. Именно они, а также личные симпатии и антипатии, капризы и интересы верховной власти, по его мнению, были главным препятствием для обновления военного строя и восстановления военной мощи российской армии. Он поднял вопрос о необходимости удаления

¹ См.: Выборы по г. Москве в Государственную думу третьего созыва. М., 1908. С. 56.

«безответственных влияний» из этой сферы и, фактически, предъявил обвинительный акт власти с указанием лиц и фамилий, среди которых были члены императорской фамилии. Этого выпада верховная власть ему не простит. Постепенно он превратится в ее глазах из недоброжелателя в заклятого врага трона и династии. Не случайно, впоследствии, уже после отречения императора Николая II, его супруга Александра Федоровна никак не могла смириться с тем, что отречение последнего российского императора принимал именно А. И. Гучков, которого она всей душой ненавидела и неоднократно в письмах мужу предлагала его повесить. Свое отношение к Гучкову набожная императрица не считала нужным скрывать. Так, в письме Николаю II 5 января 1916 г. она писала: «Гучков очень болен; желаю ему отправиться на тот свет ради блага твоего и всей России, поэтому мое желание не греховно»¹.

Заняв пост председателя Думы, Гучков остался членом комиссии государственной обороны, чем создал прецедент. Не скрывал он и того, что, несмотря на свое новое качество, продолжает оставаться руководителем партии октябристов. Были случаи, когда в моменты колебаний фракции при голосовании он покидал председательское место и перемещался на скамьи единомышленников, ведя, таким образом, голосование за собою.

А. И. Гучков, руководя работой Думы, на первых порах проявил себя с лучшей стороны. По воспоминаниям Я. В. Глинки, руководителя думской канцелярии, он «удивительно схватывает суть дела и никогда не отклоняется в сторону. При докладе он очень ловко дает понять, что обстоятельства дела уже ясны и не требуют дальнейших пояснений, и заставляет вас, таким образом, переходить или к следующим доказательствам, или предметам, подлежащим обсуждению». Он же говорил о том, что с Гучковым, человеком «быстро соображающим и легко схватывающим, работать было легко»².

Далеко не все члены Государственной думы были довольны избранием Гучкова на пост председателя. Особенно недовольны были правые, которых однажды в своей речи в нижней палате он презрительно обозвал «барчуками». Травля его этой частью Думы велась не на почве его политических убеждений, а будто бы его материальной зависимости и заинтересованности в банковских и промышленных предприятиях. На этой почве развернулась ожесточенная борьба, которая привела к падению авторитета спикера. Глинка с горечью замечает, что «Гучков председательствует очень редко, да это и лучше, так как нравы думские очень разнуздались, и обуздать их он не в силах. Авторитета нет». Это сыграет не последнюю роль в его скорой отставке.

Политическая карьера А. И. Гучкова как думского политика оказалась весьма непродолжительной. Выборы в IV Государственную думу

¹ Переписка Николая II с Александрой Федоровной // Красный архив. 1923. Т. IV. С. 188.

² Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Вступит. ст., подг. текст., биограф. словарь и коммент. Б. М. Витенберга. М., 2001. С. 62.

А. И. Гучков проиграл, причем проиграл в первом разряде городской курии, куда входили самые состоятельные москвичи. Причин этому несколько. Одна из них — разочарование даже этой категории избирателей политикой октябристов, проводимой в предшествующей Думе. «И это разочарование, это перемещение симпатий первокуриальной Москвы в сторону партии оппозиции сказалось с чрезвычайной разительностью и совершенной ясностью на сегодняшних выборах», — писала в те дни кадетская газета «Речь»¹. Ей вторила газета «Утро России»: «Наш купец, в 1907 году жаждал такого порядка, который гарантировал бы стране столь необходимое для капитала спокойствие. Московский избиратель по первой курии верил тогда Гучкову, который обещал, что он во главе своей партии без тяжелых потрясений выведет страну на спокойный путь политических реформ. Но фразы Гучкова не соответствовали делам»².

Кроме того, против Гучкова был использован так называемый административный ресурс городских властей: администрация Москвы усиленно распространяла среди именитого купечества слухи: «Если хотите войны и ослабления торговых оборотов — выбирайте Гучкова»³.

Определенную роль в повторном недопущении А. И. Гучкова в Государственную думу сыграло и правительство, к четвертым выборам накопившее определенный опыт в части «подбора» депутатского корпуса в ходе избирательных кампаний. По воспоминаниям В. И. Гурко, правительство при выборах в IV Государственную думу не ограничивалось поддержкой тех или иных партий, а еще всматривалось в выставляемых или поддерживаемых ими отдельных кандидатов. Тех из них, от кого могла последовать критика в адрес правительства, старательно устранили. Правительству, по его наблюдению, нужна была не государственно мыслящая, преданная существующему строю независимая палата, а послушная толпа клеветов. По его сведениям, властью в Петербурге был старательно рассмотрен список членов третьей Государственной думы, и тех из них, которые проявили наибольшую энергию и вместе с тем осмеливались порой высказывать свое неодобрение тем или иным принимаемым правительством мерам, правительство решило не допустить в четвертую Государственную думу. Такими лицами оказались лидер октябристов А. И. Гучков, год исполнявший обязанности председателя III Государственной думы, затем возглавлявший комиссию по обороне; кн. П. И. Шаховской, сменивший Гучкова на посту председателя этой комиссии; П. В. Каменский, поднявший в III Думе столь неприятный для правительства вопрос о сдаче в аренду заключающих в недрах каменноугольные залежи земель в Александро-Свирской церкви Екатеринославской губернии. Попал в этот список и сам В. И. Гурко⁴.

¹ Речь. 1912. 20 октября.

² Утро России. 1912. 20 октября.

³ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 10.

⁴ См.: Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 620–621.

А. И. Гучков тяжело переживая провал на выборах в своем родном городе, ответил категорическим отказом на предложение баллотироваться в гласные Московской городской думы и с головой ушел в предпринимательскую деятельность. Отказ А. И. Гучкова от большой политики у ряда сограждан вызвал сожаление. В частности, газета «Утро России», ежедневное периодическое издание, орган торгово-промышленной буржуазии, позднее писала: «А. И. Гучков когда-то был излюбленным человеком Москвы, с его личностью связывались большие надежды, но затем почти внезапно звезда его померкла, и он исчез с горизонта»¹.

Власть не сразу поверила в такой резкий разворот Гучкова от политики к бизнесу и продолжала за ним «присматривать». В этом смысле более чем красноречивы материалы наружного наблюдения за опальным политиком в период с 8 по 21 апреля 1913 г. во время его непродолжительного пребывания в Москве². Наблюдение осуществлялось Московским охранным отделением полиции. Примечательно, что материалы слежки скрупулезно фиксировались в деле с говорящим названием «Гучков Александр Иванович, кличка „Балканский“». В деле содержится информация о домах, в которых он проживал или навещал, когда, с кем и на чем прибыл (лихач или автомобиль), с кем уехал и т. д. В поле зрения наблюдателей попал и его родной брат, в недавнем прошлом московский городской голова Николай Иванович Гучков. Так, из данных наблюдения узнаем, что «21 апреля в 12 часов 15 минут он выехал из дома на автомобиле вдвоем с братом и отправился на Николаевский вокзал, откуда отправился в Санкт-Петербург»³.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. он вновь начал деятельность в учреждениях Красного Креста и отправился на фронт в качестве особоуполномоченного представителя его Российского Общества. Активная общественная деятельность А. И. Гучкова привела к очередному росту его популярности, либеральная общественность вновь увидела в нем «человека дела», и в 1915 г. он был избран председателем Центрального военно-промышленного комитета, а вскоре членом верхней палаты — Государственного совета от торгово-промышленной курии.

Об этих выборах следует сказать несколько слов особо. Состоялись они 16 сентября 1915 г. Выдвижение Гучкова от торгово-промышленных кругов кандидатом в члены Государственного совета вызвало неоднозначную оценку как в стране в целом, так и в Москве, в частности. Однако, чаша весов все-таки склонилась в пользу А. И. Гучкова. Можно предположить, что в определенном смысле сыграли громкие заявления и обещания Гучкова с трибуны III Государственной думы «сочисаться» с Государственным советом, деятельность которого вызывала много нареканий у депутатов нижней палаты. Так или иначе, избрание

¹ Утро России. 1915. 26 июля.

² См.: ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 4698. ЛЛ. 1–4 об.

³ Там же.

А. И. Гучкова в верхнюю палату парламента стало своего рода кредитом общественного доверия, с ним связывали надежды в том числе на то, что «в этом сонном политическом царстве заиграет луч подлинной политической борьбы»¹.

К сожалению, этим ожиданиям не суждено было сбыться. Вскоре А. И. Гучков почти на год тяжело заболел. Вплоть до 14 февраля 1917 г. его присутствие на заседаниях Государственного совета не было зафиксировано. После выздоровления он с головой ушел в работу Особого совещания по обороне, поскольку дела на фронтах Первой мировой войны шли все хуже и хуже.

Пожалуй, на этом можно поставить точку. И хотя в судьбе Александра Ивановича Гучкова вплоть до его эмиграции будут яркие взлеты и падения в политической биографии, это выходит за рамки заявленной темы. Одно можно сказать со всей определенностью: судьба этого человека, непосредственно причастного к важнейшим событиям российской истории начала XX столетия, периода кризисов, войн и революций, отразила многие драматические коллизии времени.

¹ День. 1915. 17 сентября.

КИРИЛЛ ЧЕРНОСВИТОВ КАК ДУМСКИЙ ОРАТОР В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ

ПЛЕНКИН ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ,

независимый исследователь,

Владимир, Россия;

e-mail: o.plenkin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению ораторских качеств члена I–IV Государственной думы Российской империи, видного деятеля кадетской партии К. К. Черносвитова путем анализа отзывов современников о его публичных выступлениях. Сопоставлены оценки, сделанные представителями разных политических взглядов, что позволило минимизировать влияние субъективизма выявленных оценочных суждений на результаты анализа. Сделан вывод о том, что К. К. Черносвитов, сравнительно часто поднимавшийся на думскую трибуну, тем не менее, никогда не пользовался репутацией яркого оратора. Фракция народной свободы многократно доверяла К. К. Черносвитову выступать на общих собраниях Государственной думы не как политическому «златоусту», а как грамотному специалисту, способному обеспечить аргументированный юридический анализ конкретных законопроектов. Также высказаны предположения относительно некоторых интонационных характеристик речи К. К. Черносвитова, его манеры выступать с думской трибуны.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, думская трибуна, конституционно-демократическая партия, ораторское искусство, К. К. Черносвитов.

При изучении ораторских качеств российских политиков-думцев начала XX века, к сожалению, нельзя прослушать их оригинальные выступления в Таврическом дворце ввиду отсутствия аудиоисточников. В распоряжении исследователей имеются только три, аутентичные времени работы дореволюционной Государственной думы, записи голосов думских политиков. Две записи сохранили голос П. Н. Милюкова, третья — С. А. Муромцева¹. Однако эти записи были сделаны вне стен Таврического дворца.

В отсутствие аудиоисточников кратчайшим путем к пониманию того, какими особенностями обладали думские выступления конкретного политика, является обращение к свидетельствам участников и очевидцев словесных баталий в Таврическом дворце. Объем таких свидетельств зачастую находится в прямой зависимости от частоты выступления того или иного думца, его политического веса, уровня популярности в Думе, а также интереса к нему прессы. Очевидно, оценить ораторские

¹ См.: РГАФД. Ф. 1. Оп. 19 DVD. Ед. уч. 332. № 4942; 4943 (оцифрованные аудиозаписи); Первые аудиозаписи выдающихся политических деятелей России как исторический источник. Начало XX века / публ. В. Л. Янина и П. Н. Грюнберга // Исторический архив. 2010. № 5. С. 154–162.

способности думцев «второго ряда» бывает значительно сложнее, чем решить аналогичную задачу в отношении политических звезд первой величины. К числу не столь известных, хотя и деятельных политиков следует отнести члена I–IV Государственной думы, члена конституционно-демократической партии и думской кадетской фракции Кирилла Кирилловича Черносвитова¹.

В сети Интернет, а также в некоторых печатных публикациях, многие из которых, конечно, не претендуют на научность, закрепилось указание на будто бы значительные ораторские способности этого политика. Так, например, утверждение из интернет-энциклопедии о том, что Черносвитов «был ярким оратором»², по-видимому, оказалось вполне авторитетным для некоторых авторов, поспешивших также заявить о нем как о великолепном ораторе³.

Еще во владимирский период политической деятельности Кирилла Черносвитова его публичные выступления получали довольно сдержанную оценку в местной печати. Они принимались публикой всего лишь «очень сочувственно», и оглушительных оваций Черносвитов почти не срывал⁴. По-видимому, ему не всегда удавалось контролировать эмоции, а сопровождавшее его волнение нередко сказывалось на общем впечатлении от речи. Ее плавность нарушалась вследствие нервности выступавшего, что компенсировалось только его «горячностью и душевностью»⁵. Все это плохо согласуется с репутацией «яркого оратора».

Между тем в атмосфере думского заседания, когда уже «слушала вся Россия»⁶, любое выступление само по себе было делом нелегким.

¹ См.: Николаев А. Б. Черносвитов (Черносвитов 1-й) Кирилл Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 675–676.

² Черносвитов, Кирилл Кириллович // Википедия [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Черносвитов,_Кирилл_Кириллович

³ См.: Известков А. Здесь жил депутат Черносвитов. Кого и почему владимирцы выбирали в Государственную думу сто лет назад? // Владимирские ведомости. 2009. 13 октября. № 245 (3651). С. 3; Рокотов Е. Невольник чести Черносвитов // Владимирские ведомости. 2010. 9–15 сентября. № 234 (3956). С. 10; Щербакова А. А. Владимирцы — депутаты Первой Государственной думы // Форум городов России. Материалы научно-практических конференций. Владимир, 2008. С. 149; Язынин М. Хрупкая жизнь депутата увековечена стеклянной мемориальной доской // Аргументы и факты (Приложение «АиФ-Владимир»). 2009. 14–20 октября. № 42 (1511). С. 3.

⁴ См., напр.: Второе предвыборное собрание городских избирателей по городу Владимиру // Клязьма. 1906. 8 марта; Третье предвыборное собрание городских избирателей по городу Владимиру // Клязьма. 1906. 14 марта; Третье предвыборное собрание городских избирателей по г. Владимиру (22 января) // Владимирец. 1907. 27 января.

⁵ См., напр.: Беседа во Владимирском городском клубе 29 мая // Клязьма. 1906. 1 июня; Предвыборное собрание городских избирателей по г. Владимиру 20 и 21 января // Владимирец. 1907. 25 января.

⁶ Шульгин В. В. Дни // Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 372.

Вслед за священниками-правыми В. В. Шульгин сравнивал трибуну Таврического дворца с «Голгофой»¹, а кн. А. Д. Голицын отмечал, что «далеко не все депутаты одарены были способностью взойти на трибуну и иметь смелость держать речь»².

В Государственной думе К. К. Черносвитов выступал достаточно часто: он 259 раз поднимался на думскую трибуну³. По итогам работы 3-й сессии III Думы он вошел в десятку ораторов, которые выступали чаще всего и произнесли наибольшее количество речей из расчета числа занятых этими речами строчек стенографических отчетов⁴. В этом внушительном объеме думских выступлений немалое место занимают те из них, которые были посвящены процедурным вопросам, и отчасти — выступления в качестве докладчика комиссий, а также по отдельным поправкам. Такие выступления дают мало материала для характеристики ораторского мастерства. Собственно «речи», на которые по общему думскому правилу отводилось не более одного часа, Черносвитов посвящал, главным образом, вопросам судебной реформы (его основная специализация в Думе) и функционирования почтово-телеграфного ведомства (только в III Государственной думе). Характерно, что обе темы требовали узкопрофессиональных знаний. Действительно, т. н. общеполитических вопросов он почти не касался.

Для того чтобы не поставить результаты анализа ораторских способностей К. К. Черносвитова в зависимость от субъективизма современников, ниже сравниваются оценки, сделанные представителями разных политических взглядов. В сопоставлении и столкновении этих взглядов, наверное, и заключена та правда о К. К. Черносвитове как думском ораторе, приближение к которой и является целью настоящей статьи.

Правая периодическая печать и правые политики, являвшиеся идеологическими оппонентами кадетов, были единодушны в крайне низкой оценке Кирилла Черносвитова как думского оратора. Так, например, произнесенную им 28 апреля 1908 г. речь черносотенное «Русское знамя» назвало «заурядной»⁵. О программной речи Черносвитова по министерскому законопроекту о местном суде, произнесенной 2 ноября 1909 г., та же газета написала так: «Доканчивает свою нескладную „речь“ горе-оратор Черносвитов... Дума по достоинству оценила „красноречивое“ выступление г[осподина] Черносвитова: скамьи на 2/3 пустовали,

¹ Шульгин В. В. Дни // Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 372.

² См.: Голицын А. Д. Воспоминания / сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А. К. Голицына. М., 2008. С. 303.

³ Подсчитано по стенографическим отчетам заседаний Государственной думы и указателям к ним (СПб., 1906–1912, 1914; Пг., 1914–1917).

⁴ См.: Как говорят наши депутаты // Петербургская газета. 1912. 20 мая; Третья Дума в картограммах // Киевская мысль: еженедельное иллюстрированное приложение. 1912. 15 июня. № 26. Прил. к № 164. С. 203.

⁵ Букин Н. Е. Государственная дума. Заседание 55-е 28-го апреля // Русское знамя. 1908. 30 апреля.

да и оставшиеся в зале депутаты занимались каждый своим делом, предоставляя г[осподину] Черносвитову попусту потрясать воздух истерическими воплями»¹. В другой раз он был назван «бесталанным кадюкским оратором», причем пояснялось, что его «убогая» речь нагоняла такую скуку, что «даже пристава погружались в глубокую дремоту»². О том, что он утомил внимание, слышались выкрики и правой Государственной думы³. После большого выступления Черносвитова по смете Министерства юстиции на заседании 1 марта 1911 г. журнал В. М. Пуришкевича «Прямой путь» отметил, что Думе «пришлось выслушать тягучую кадетскую речь» Черносвитова⁴. «Русское знамя» отозвалось о выступлении 2 мая 1912 г. в привычном для себя ключе: «После речи министра юстиции интерес к дальнейшим прениям пропал, так что никто почти не слушал, о чем разглагольствовал очередной кадюкский оратор» Черносвитов. Даже товарищи по фракции, и те предпочли проводить время в кулуарах, вместо того, чтобы слушать бесталанного кадюка»⁵. «Уже совершенно несерьезной, но крайне легкомысленной»⁶ назвал эту речь В. М. Пуришкевич. Он же в IV Государственной думе насмешливо поправил Черносвитова, который начал свою речь словами «к обоим статьям» и допустил тем самым досадную речевую ошибку: «Статья женского рода; по-русски надо уметь говорить»⁷. Можно представить, как этот, казалось бы, несущественный, эпизод мог ослабить интерес зала к думской трибуне и сразу смазать впечатление от только что начатой речи.

При всей бестактности и даже неприличности многих отзывов справа в них все же присутствует такой важный элемент, как взгляд «со стороны». Непримиимые политические оппоненты К. К. Черносвитова могли подметить такие детали, на которых никогда бы не заострила внимание, например, кадетская «Речь».

Выявленные отзывы, которые отражают политические взгляды центра, немногочисленны. Можно отметить единичные «непрямые» характеристики, данные октябристским «Голосом Москвы» и позволяющие понять, что газета была невысокого мнения о Кирилле Черносвитове как ораторе. Комментируя его речь, произнесенную в Думе 22 ноября

¹ *Белый*. Государственная дума. Заседание 10-е, в понедельник 2 ноября // Русское знамя. 1909. 3 ноября.

² *Белый*. Государственная дума. Заседание 41-е, в пятницу, 5 февраля // Русское знамя. 1910. 6 февраля.

³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 1166 (заседание 12 июня 1914 г.).

⁴ *Наблюдатель*. Государственная дума за месяц // Прямой путь. 1911. Апрель (30 апреля). С. 997.

⁵ *Белый*. Государственная дума. Заседание 122-е, в среду, 2-го мая // Русское знамя. 1912.

⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. IV. Стб. 456 (заседание 4 мая 1912 г.).

⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. III. Стб. 571 (заседание 18 апреля 1914 г.).

1907 г., «Голос Москвы» писал: «Речи Черносвитова, Ефремова, Черницкого в сотый раз повторяют все, что было уже сказано — разве в более ярких речах партийных лидеров»¹. Об уже упоминавшейся речи кадетского политика 2 ноября 1909 г. в думском обозрении «Голоса Москвы» указывалось, что «речь его очень длинна, но все же позиция [кадетской] партии остается туманной»².

Еще более любопытны отзывы либеральной печати и либеральных политиков. Казалось бы, на этом политическом фланге думские выступления кадеты Черносвитова должны были получить лестные отзывы. Однако ярких красок в них нет. Более того, обращают на себя внимание сдержанный тон характеристик и их немногочисленность.

В репортаже о думском заседании 3 февраля 1910 г., на котором Черносвитов защищал кадетские поправки, близкое к кадетам «Русское слово» констатировало: «Бесплодная, хотя и самоотверженная борьба этого депутата не вызывает никакого интереса решительно ни у кого»³. Все ту же большую речь К. К. Черносвитова, произнесенную 2 ноября 1909 г., один корреспондент «Речи» назвал «очень дельной»⁴, а другой — «отличной»⁵. Если эти краткие оценки и можно назвать похвалой, то похвалой, выраженной крайне скупой. Были и попытки оправдать отсутствие красноречия в выступлениях кадетского политика. Так, газета «Старый Владимирец», имевшая выраженное либеральное направление, в обзоре заседания Государственной думы, состоявшегося 2 марта 1909 г., писала: «Черносвитов выступил с огромным арсеналом хорошо проверенных фактов, и приведенный им мартиролог был едва ли не сильнее всякого красноречия»⁶. Кн. В. А. Оболенский, член партии кадетов, знавший Кирилла Черносвитова еще по работе в I Государственной думе и часто выступавший с ним на петроградских митингах в 1917–1918 гг., вспоминал: «Этот скромный человек, депутат всех четырех Дум, дельный юрист и партийный работник, совершенно не обладал ораторским талантом...»⁷. Представляется, что после такой оценки, данной партийным товарищем, ответ на вопрос об ораторских способностях К. К. Черносвитова формулируется вполне определенно.

Уровень риторической культуры характеризуется также интонационными характеристиками речи, манерой выступающего держаться

¹ Боб. Думский день // Голос Москвы. 1907. 23 ноября.

² Государственная дума / Думский день / Утреннее заседание // Голос Москвы. 1909. 3 ноября.

³ Сергеев А. [Адрианов С. А.] Государственная дума / Заседание 3-го февраля // Русское слово. 1910. 4 (17) февраля.

⁴ Неманов Л. Государственная дума / Заседание 11-е // Речь. 1909. 3 (16) ноября.

⁵ Литовцев С. [Поляков С. Л.]. В парламентских кругах / Впечатления // Речь. 1909. 3 (16) ноября.

⁶ Государственная дума. Вечернее заседание // Старый Владимирец. 1909. 5 марта.

⁷ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. [Paris], 1988. С. 568.

во время публичных выступлений. К сожалению, свидетельства современников о К. К. Черносвитове не дают здесь достаточного материала. К уже процитированным отзывам в этой связи можно добавить только два. Современнику, слышавшему на I общеземском съезде по народному образованию в 1911 г. публичные выступления Черносвитова, последний запомнился как «непримиримый, крикливый пошехонский депутат»¹. В 1912 г. в журнале «Всемирная новь» были помещены рифмованные зарисовки под названием «Спетые песни», приуроченные к окончанию работ III Думы. В них, между прочим, было такое четверостишие:

Если выйдет Черносвитов,
Свой фонограф заведет,
Это значит — средь кредитов
Разговор про рубль пойдет².

Таким образом, если суммировать следующие характеристики: «речь... не всегда плавная вследствие нервности», «истерические вопли», «крикливый», «тягучая» речь, «свой фонограф заведет», то создается образ волнующегося, равнодушного оратора, говорившего, тем не менее, без богатых голосовых модуляций, а потому несколько монотонно и однообразно, но нередко прибегавшего к повышению голоса как средству убеждения слушателей. Некоторые думские ораторы уже одним внешним видом (высокий рост, крепкая конституция) могли внушать авторитет слушателям. Невысокого роста, худощавый и узкоплечий, К. К. Черносвитов не имел такого преимущества. Правые беспощадно высмеивали эти физические параметры кадетского политика. «Изредка на трибуне появляется чахлая фигура кадюка Черносвитова»³, — писало, например, «Русское знамя».

¹ Кулясов А., *свящ.* Первый общеземский съезд по народному образованию в Москве 16–30 августа. (Из впечатлений участника съезда.) Казань, 1911. С. 9.

² Брекекеке [Красницкий А. И.]. Спетые песни // *Всемирная новь*. 1912. № 22. (Май.) Тит. л. Имеется в виду предложение, которое К. К. Черносвитов внес на рассмотрение Государственной думы 5 мая 1912 г., отвечая на насмешки с правых скамей по поводу рассказанного им «анекдота о дыне». Формально выступая по смете Министерства юстиции, он вновь обратил внимание на то, что благодаря вкусному угощению угодливый товарищ прокурора вскоре получил от министра юстиции должность прокурора суда, и добавил: «Вот ввиду этой деятельности министра юстиции я предлагаю сократить ему содержание на 1 р[убль]». Данное предложение не было поставлено на голосование в силу того, что оно не входило в компетенцию Думы.) См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. IV. Стб. 611. Между прочим, из-за упомянутого «анекдота о дыне», который Черносвитов рассказал во время своего выступления 2 мая 1912 г., сделав это весьма неуклюже, думские правые на последующих заседаниях стали буквально дразнить кадетского политика «дыней»: Там же. Стб. 357–358, 429, 436, 472, 609, 611.

³ Белый. Государственная дума. Заседание 27-е, во вторник, 22 ноября 1911 г. // *Русское знамя*. 1911. 23 ноября.

По мнению П. Б. Струве, «парламентский оратор должен всего больше стремиться к тому, чтобы импонировать своим противникам или внушать этим противникам почтение и к защищаемому им делу, и к нему самому, к оратору»¹. Очевидно, этим даром Кирилл Черносвитов не обладал, в отличие, например, от А. И. Шингарева, очень схожего с ним по характеру и темпераменту, или В. А. Маклакова². Член Петроградского городского комитета кадетской партии В. Поветская вспоминала, что, несмотря на блестящие разоблачения, которые делались К. К. Черносвитовым в Думе, его предложения неизменно отвергались огромным большинством голосов, поскольку одно его появление на трибуне производило на антидемократическую часть Думы такое же впечатление, как красная тряпка производит на быка. При этом в частном порядке многие его политические оппоненты признавали, что его аргументация была правильной, а его предложения заслуживали поддержки, но того факта, что их инициировал Черносвитов, было достаточно, чтобы заставить оппонентов проголосовать против³.

Кирилл Черносвитов не относился к разряду «митинговых» ораторов, он был склонен к строго логическому построению выступлений и чаще говорил в тех случаях, когда от оратора требовались специальные знания, а от его речи — содержательность. В этом смысле его речи никогда не были «скандальными», они относились к разряду «деловых» речей. По словам самого Черносвитова, он стремился «добиться обсуждения существа в разрешаемых вопросах»⁴, с аргументами в руках анализируя конкретные законопроекты. Именно этими его качествами можно объяснить то, что фракция народной свободы многократно доверяла ему выступления на общих собраниях Государственной думы. Для неподготовленного слушателя такой стиль выступления мог показаться тяжелым для восприятия и даже утомительным.

Любопытно отметить, что сам Черносвитов очень осторожно относился к внешним успехам политических «златоустов», явно предпочитая упражнениям в красноречии силу здравого смысла и тщательно продуманных юридических доводов. Однажды он предостерег владимирских избирателей «от увлечения искусными речами»

¹ Струве П. Б. Ф. И. Родичев и мои встречи с ним // Возрождение: литературно-политические тетради. Париж, 1949. Январь. Тетрадь 1. С. 43.

² Во II Государственной думе после того, как В. А. Маклаков убедил правых отказаться от намерения говорить за сохранение военно-полевых судов, гр. В. А. Бобринский возмущенно произнес, что таким ораторам, «привыкшим гипнотически воздействовать на присяжных заседателей в судах, нельзя говорить с политической трибуны и гипнотически влиять на „законодателей“» (Иорданский Н. М. Кое-что из пережитого: В Государственной думе. 1907 г. / публ. С. В. Калмыкова // Отечественная история. 1998. № 1. С. 144).

³ См.: *Povetskaya V. Devoted Friends of the Russian People — Victims of the Bolshevik Terror // Struggling Russia. Vol. I. Dec. 27, 1919. No 41. P. 647.*

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. III. Стб. 2198 (заседание 29 марта 1910 г.).

одного из своих политических оппонентов¹, а в 1908 г. на конференции конституционно-демократической партии указал, «что яркость речей по внутренним условиям III Думы не во всех случаях бывает практична», назвав в качестве отрицательного примера «неудачное окончание известной речи Ф. И. Родичева»² и положительного — «умеренный тон речей такого яркого оратора, как А. М. Коллюбакин»³.

В Государственной думе всех четырех созывов Кирилл Черносвитов пытался вести, по выражению П. Н. Милюкова, «черную, будничную работу»⁴. Для Черносвитова упорный и кропотливый законотворческий труд никогда не уступал в своем значении сиюминутным эффектам, производимым самой горячей и красочной речью, если при этом она не возымеет нужного политического результата. Он работал на эти цели и тогда, когда его работа оставалась малозаметной, не добавляла политического веса и не приносила широкой известности.

¹ З. Третье предвыборное собрание городских избирателей по городу Владимиру // Клязьма. 1906. 14 марта.

² Имелась в виду речь Ф. И. Родичева на заседании Государственной думы 17 ноября 1907 г., когда оратор произнес ставшую впоследствии крылатой фразу о «столыпинском галстуке».

³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 2. С. 32.

⁴ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 292.

ДЕПУТАТ III И IV ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМ В. Н. ЛЬВОВ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ЕГОРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и философии
Череповецкого государственного университета,
Череповец, Россия;
e-mail: anegorov65@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления конфессиональной политики первого «революционного» обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова. Показана взаимосвязь его назначения главой Синода с политической деятельностью в III и IV Государственных думах. Проанализированы его личные качества, существенно осложнявшие взаимодействие с церковными кругами. Делается вывод о несоответствии В. Н. Львова задачам выстраивания новых послереволюционных церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: Временное правительство, Государственная дума, Святейший Синод, православное духовенство, конфессиональная политика

Одним из направлений деятельности Временного правительства была конфессиональная политика, носившая персонифицированный характер. Церковно-государственные отношения во многом зависели от взглядов, личных качеств, политических симпатий и антипатий лиц, уполномоченных новой властью вести конфессиональную политику, важнейшую роль в которой играл Святейший Синод. В ходе Февральской революции обер-прокурором Синода стал В. Н. Львов, чье назначение напрямую связано с его парламентской деятельностью.

В. Н. Львов был депутатом III и IV Государственных дум, занимая в них должность председателя комиссии по делам Православной церкви и являясь членом комиссий по вероисповедным вопросам, по старообрядческим вопросам и др. В 1915 г. он, будучи председателем фракции центра, поддержал Прогрессивный блок, стал членом его бюро и вошел в списки будущего правительства как обер-прокурор Святейшего Синода. М. В. Родзянко писал, что в дни Февральской революции В. Н. Львова включили в состав Временного правительства как «знатока церковных вопросов, постоянного председателя комиссии Государственной думы по церковным вопросам»¹. Аналогичное мнение высказал В. В. Шульгин², и оно распространилось в историографии, посвященной конфессиональной политике Временного правительства³.

¹ Родзянко М. В. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986. С. 312.

² Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 488.

³ Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: Дис. ... д. ист. н. СПб., 2014. С. 199.

Однако, познания В. Н. Львова в сфере церковных вопросов не отличались глубиной, он не оставил каких-либо серьезных работ в этой сфере, ограничившись предложениями по процедурам принятия органами государственной власти законов, касавшихся церкви¹. Видный октябрист депутат III и IV Государственных дум граф Э. П. Беннигсен даже недоумевал, с чем связана репутация Львова как знатока церковных дел². Кроме того, политическая позиция В. Н. Львова как депутата не отличалась постоянством. Его избрали в III Думу как октябриста, но в 1910 г. он перешел во фракцию националистов, а в IV Думе уже руководил фракцией центра³.

Позиция В. Н. Львова в Думе по церковным вопросам была противоречивой. С одной стороны, он занимал довольно консервативные позиции — выступал против передачи церковно-приходских школ Министерству народного просвещения⁴, против предоставления старообрядцам права свободной проповеди и явочного порядка открытия общин и т. п. Такая позиция предопределила его разрыв с октябристами и эволюцию вправо.

Но, с другой стороны, В. Н. Львова нельзя отнести к чисто правым деятелям. В своих выступлениях он высказывался за серьезные церковные реформы, критиковал сложившуюся в стране систему управления церковью, выступал за созыв Поместного собора и реформу церковного прихода на демократических началах, резко осуждал влияние Г. Е. Распутина на церковные и государственные дела. Э. П. Беннигсен говорил о его позиции: «он все время менял взгляды»⁵.

В IV Государственной думе В. Н. Львов смещался в сторону оппозиции. В летнюю сессию 1915 г. в своих думских речах он высказывал идеи, близкие к позиции формирующегося Прогрессивного блока⁶. Понятно, что П. Н. Милюков был заинтересован в привлечении к блоку фракции центра, для чего необходимо было включить Львова как председателя фракции в состав бюро блока и предложить ему должность обер-прокурора Синода в будущем правительстве. При этом Милюков и его соратники понимали политическую неустойчивость Львова, но это не имело большого значения, поскольку оппозиция не относила церковные проблемы к числу приоритетных.

27 февраля 1917 г. В. Н. Львова включили в состав Временного комитета Государственной думы не как специалиста по церковным вопросам, а как руководителя одной из фракций Прогрессивного блока. В опубликованном А. Б. Николаевым протоколе совещаний Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 г. четко указан принцип формирования ВКГД: «... избрать Временный комитет из членов совещания Государственной

¹ См.: *Львов В. Н.* Правовое положение Церкви православной в русском государстве. СПб., 1914.

² *Беннигсен Э. П.* Записки (1875–1917). М., 2018. С. 366.

³ *Николаев А. Б.* Львов (Львов 2-й) Владимир Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 337.

⁴ *Рожков В.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 149–156.

⁵ *Беннигсен Э. П.* Записки (1875–1917). М., 2018. С. 366.

⁶ *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 186.

думы и из представителей фракций по одному от каждой (кроме правых групп) из входивших в Прогрессивный блок ...»¹.

Большинство современников в своих воспоминаниях весьма низко оценивали личные и профессиональные качества В. Н. Львова. Октябрист С. И. Шидловский считал его человеком «неуравновешенным до ненормальности», которому «во всякую минуту могла прийти в голову любая мысль, утром — левая, вечером — черносотенная, и он всецело ей отдавался до следующей смены мыслей»². В. Д. Набокова он «поражал своей наивностью да еще каким-то невероятно легкомысленным отношением к делу»³. Все современники отмечали его вспыльчивый и неуравновешенный характер, явно не соответствовавший должности главы Синода. Казалось бы, подобные обстоятельства закрывали путь в правительство, но современники видели и другие черты его характера. Депутат IV Государственной думы Б. А. Энгельгардт писал о В. Н. Львове: «Был он человек порывистый, увлекающийся. Когда вспыхнула революция, он как-то сразу полевел, полевел, не подделываясь к обстоятельствам, а искренне уверовав в то, что революция несет с собою обновление и укрепление Родины. Но... он понимал это обновление и укрепление по-своему, конечно без радикальной ломки всего старого, без серьезных перемен»⁴. С. И. Шидловский подчеркивал, что Львов «всегда оставался человеком порядочным и на сознательную гадость неспособным»⁵. В. Д. Набоков характеризовал его как человека, «одушевленного самыми лучшими намерениями», имевшего «не одну положительную черту: он не был политическим интриганом, он всею душою отдавался той задаче, которую себе поставил: оздоровление высшего церковного управления»⁶. А. Ф. Керенскому В. Н. Львов, «несмотря на вспыльчивость», нравился «прямотой и искренностью»⁷. Подобное отношение к Львову в совокупности с его политической позицией в дни Февральской революции⁸ и определило его включение в состав Временного правительства.

¹ Николаев А. Б. «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, 8 декабря 2011 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2012. С. 244.

² Шидловский С. И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / Сост. С. М. Исхаков. М., 1991. С. 125.

³ Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. С. 43.

⁴ Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944) / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 2020. С. 430.

⁵ Шидловский С. И. Указ. соч. С. 125.

⁶ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 45.

⁷ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 238.

⁸ См.: Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. В 2 т. СПб., 2017. Т. 1. С. 213, 312, 548.

4 марта 1917 г. на первом после падения монархии заседании Синода В. Н. Львов от лица Временного правительства торжественно объявил о предоставлении церкви свободы от опеки государства, губительно влиявшей на церковно-общественную жизнь. Казалось бы, после такого заявления новое правительство не должно было больше вмешиваться в церковную жизнь. Но этого не случилось: Временное правительство не ликвидировало обер-прокуратуру, сохранив светский надзор новой власти над церковью. В. Н. Львов начал свою деятельность с увольнения епископов, занявших свои кафедры при поддержке Г. Е. Распутина или считавшихся его друзьями. Кроме того, он стремился взять под свой контроль и полностью регулировать важнейшие церковные дела, что вызвало естественный конфликт с иерархами, оставившими о его деятельности крайне негативные отзывы. Так, протопресвитер Г. Шавельский отмечал: «Сделавшись же обер-прокурором, он своим деспотизмом затмил всех своих предшественников. Некоторым оправданием его действий и выходок может служить лишь несомненное отсутствие у него душевного равновесия»¹.

Отрицательное отношение церковных кругов к политике В. Н. Львова не могло не повлиять на современных историков конфессиональной политики Временного правительства, высказывающих упреки обер-прокурору за сохранение государственного контроля над церковью и увольнение значительного числа епископов. Однако в действиях Львова была своя логика. В Синоде он говорил, что сложит свои полномочия перед Поместным собором, пока же «обер-прокурорская власть... не может не вмешиваться в жизнь церкви, а при настоящей дезорганизации... это вмешательство может иногда и болезненно отзываться на тех или других членах церкви»².

Не стоит преувеличивать и его роль в гонениях на епископат. В увольнении или неувольнении части архиереев определенную роль играла и позиция членов Синода. Также очевидно, что увольнение ряда иерархов было вполне заслуженным: они действительно подрывали авторитет церкви, являлись противниками конфессиональных реформ, и их устранение пошло церкви на благо. По подсчетам П. Г. Рогозного В. Н. Львов уволил 15 глав епархий из 68³ (при общем количестве епископов примерно в 130 чел.), что, для сравнения, в процентном отношении существенно уступает проведенной А. И. Гучковым чистке высшего офицерства в армии. В этом смысле В. Н. Львов был не лучше и не хуже других членов Временного правительства. Другое дело, что на его действия наложились черты характера. Он увольнял епископов «с бурным темпераментом

¹ Шавельский Г. И. Русская Церковь перед революцией. М., 2005. С. 145.

² Любимов Н., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.) / Публикация М. И. Одинцова. М., 1995. С. 16.

³ Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 143.

и старорежимным сознанием своей „обер-прокурорской власти“»¹, обставлял свои действия громкими заявлениями в прессе, на митингах и съездах, чем задевал самолюбие иерархов.

Временное правительство стремилось дистанцироваться от Государственной думы. В. Н. Львов не был в этом исключением. Земец-октябрист Н. В. Савич² вспоминал: «Увидев нас, членов Государственной думы, Львов начал стучать по столу и кричать: „Плевать мне теперь на Думу, я получил власть из рук революционного народа“»³. Однако, Временное правительство, не собиравшееся конфликтовать с церковью, не оказывало В. Н. Львову большой поддержки в его борьбе с епископатом, что заставило его использовать авторитет Государственной думы. В начале апреля 1917 г. он сформировал «Совещание членов Государственной думы по делам Православной церкви» в составе представителей фракций националистов и октябристов (порядка 20 чел.)⁴. На своем заседании 13 апреля 1917 г. Совещание поддержало инициативы В. Н. Львова о предоставлении православному духовенству широкой свободы устраивать съезды и собрания, о проведении выборов членов консисторий на епархиальных съездах, вместо бытовавшей ранее практики назначения, и, главное, о необходимости скорейшего обновления Синода⁵. Опираясь на резолюцию Совещания, В. Н. Львов добился от Временного правительства согласия на роспуск старого состава Синода и назначение нового. Характерно, что после обновления Синода Львов утратил интерес к Совещанию.

Временное правительство не собиралось проводить кардинальных реформ в церкви до созыва Учредительного собрания. Поэтому поручения В. Н. Львову от новой власти, сформулированные постановлением правительства от 7 марта 1917 г., были довольно умеренными — подготовить законопроекты о преобразовании православного прихода, о переустройстве епархиального управления на церковно-общественных началах, о восстановлении деятельности Предсоборного присутствия с привлечением в его состав епископов, священников и мирян⁶.

Безусловно, одним из важнейших был вопрос о реформе православного прихода. В IV Государственной думе В. Н. Львов активно выступал за реформу церковного прихода, за привлечение к активному участию в церковной жизни широких масс клира и верующих мирян. Возглавив Синод, он получил возможность реализовать свои идеи. В июне 1917 г. Синод принял «Временное положение о православном приходе», по которому православный

¹ Карташев А. В. Революция и собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 годов / Сост. Н. А. Кривошеева. М., 2009. С. 488.

² Николаев А. Б. Савич Никанор Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 544.

³ Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 222.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. Отд. 1. Стол 1. Д. 42. ЛЛ. 34–34 об.

⁵ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 15 апреля.

⁶ Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / сост. М. А. Бабкин. М., 2018. С. 174.

приход объявлялся «особой церковной общиной». Допускались выборы прихожанами священников, приходское самоуправление осуществлялось через Приходское собрание и избираемый на нем Приходской совет. В обязанности прихода входили вести суд совести по делам, могущим окончиться примирением; ограждать церковь от антирелигиозных учений и сект; заботиться об охране и благолепии храма; заведовать церковно-приходскими школами и библиотеками; приход мог иметь свои капиталы, составляемые из пожертвований¹. Благодаря данной реформе начинается возрождение самоуправляемого прихода, а, следовательно, активизация мирян в церкви.

Февральская революция оказала существенное влияние на взгляды В. Н. Львова. В июне 1917 г. на Всероссийском съезде духовенства и мирян он в ответ на высказывания некоторых членов съезда на то, что социализм не может сочетаться с христианством, поскольку является учением материалистическим, говорил: «Я непоколебимо уверен, что истинная демократия, носительница христианских идеалов, не только может сочетаться с христианскими идеалами, но и является тем строем, который наиболее способен сочетаться с христианством... Народ сверг старую власть и провозгласил демократию, потому что она способна эти христианские идеалы, эти лозунги провозгласить и осуществить в жизни»².

В Государственной думе В. Н. Львов выступал против реформирования законов о межконфессиональных браках³. Под влиянием революции его взгляды изменились. Идя в русле инициатив Временного правительства, он стал полагать, что духовенство должно проводить в жизнь создаваемые государством брачные нормы, выступал за допущение к ведению бракоразводного процесса всех лиц, имеющих право ведения гражданских дел. При нем разрешение брачных конфликтов полностью передавалось духовным консисториям, а Синод оставался лишь кассационным органом.

В то же время было бы неверным полагать, что В. Н. Львов во всем поддерживал правительственный курс. По ряду вопросов он остался на своих прежних думских позициях. Так случилось с вопросом о церковно-приходских школах, ставшим самой серьезной проблемой в отношениях Временного правительства и церкви. III Государственная дума проголосовала за их передачу Министерству народного просвещения, но Государственный совет «похоронил» данный законопроект. Временное правительство реализовало это решение, но В. Н. Львов отказался его поддержать и демонстративно не пошел на заседание правительства 20 июня 1917 г., на котором должны были принять данное постановление⁴.

¹ Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 191–192.

² ОР РГБ. Ф. 60. К. 14. Д. 4. Л. 15.

³ См.: Амбарцумов И. В. Вопрос о реформировании законов о межконфессиональном браке в III Государственной думе // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, 8–9 декабря 2016 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 207–214.

⁴ Архив новейшей истории России. Т. VIII: Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 года. В 4 т. / Отв. ред. Б. Ф. Додонов. М., 2002. Т. 2. С. 299.

Подобного рода метания В. Н. Львова говорили об отсутствии в его политике серьезной теоретической базы. Он действовал скорее интуитивно, порывисто, не считаясь с мнением многих иерархов. Львов всячески поощрял движение низов духовенства против епископата, выступал за активное вовлечение в церковную жизнь верующих мирян. Это принесло свои плоды: система церковного управления стала меняться, происходило ослабление влияния синодальных чиновников на положение на местах. В церкви произошли перевыборы на всех уровнях, кроме Синода, в церковные учреждения вошли представители мирян и низшего клира, стали действовать епархиальные советы и всевозможные исполнительные комитеты духовенства и мирян. С мая 1917 г. была введена практика избрания епархиальными съездами правящих архиереев, церковные структуры стали привлекать к себе значительное количество прихожан. В результате Православная церковь укрепила свою общественную опору в лице верующих мирян, что отразилось на восстановлении ее авторитета¹.

Однако для выстраивания новых церковно-государственных отношений этого было явно недостаточно. В июле 1917 г. при формировании второго коалиционного Временного правительства А. Ф. Керенский отправил в отставку В. Н. Львова, заменив его новым обер-прокурором Святейшего Синода А. В. Карташевым. Керенский объяснил эту замену тем, что предстоящие на Поместном соборе дискуссии о новом статусе самостоятельности Русской православной церкви требовали от обер-прокурора «особого такта и деликатности, а также глубокого знания истории церкви»². Таким требованиям В. Н. Львов явно не соответствовал. Кроме того, изменилось и его положение в правительстве. Первый состав Временного правительства воспринимал его как своего соратника — депутата Государственной думы, члена бюро Прогрессивного блока. Во втором составе Временного правительства В. Н. Львов выглядел уже чужеродным элементом: за ним не стояло никакой партии (а правительство было коалиционным); как помещик, бывший октябрист и националист он казался слишком правым социалистической части правительства, а его властный характер с диктаторскими замашками явно не способствовал выработке компромиссных решений, столь нужных в такой тонкой сфере, как конфессиональная политика. Время резких революционных перемен в церкви сменялось систематической работой по выстраиванию новых церковно-государственных отношений. В. Н. Львов для такой работы явно не подходил. Как писал В. Д. Набоков, задача церковных преобразований оказалась «ему решительно не по плечу»³.

¹ См.: Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: Дис. ... д. ист. н. СПб., 2014.

² Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 238.

³ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 45.

Таврические чтения 2020

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Дизайн обложки *Г. В. Метеличенко*
Компьютерная верстка ЦНИТ «Астерион»
Корректор *Е. С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион».

Подписано к использованию: 07.10.21. Усл. печ. л.: 14,94.

Тираж: 10 экз. Заказ: № 182.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,

тел.: (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📠: https://vk.com/asterion_izdatelstvo

